
REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 12, № 2

Содержание

Психологический инструментарий

- Первушина О. Н., Земляная К. С., Мезенцева М. П.* Адаптация опросника BISCUIT для ранней диагностики расстройств аутистического спектра 5
- Дорошева Е. А., Кавлакан Е. М.* Психометрические свойства русскоязычной версии опросника «Регуляция эмоций у родителей» 21
- Злобина М. В.* Внутренняя структура «Нового опросника толерантности к неопределенности» 36

Современный бихевиоризм

- Сергеев В. Н.* Нормативное поведение в условиях легального контроля: бихевиористский подход 43

Страницы из истории психологии

- Кедров И. А.* О природе в отношении к разумным тварям 63

Психологические исследования

- Середович Е. С., Киселёва О. В.* Сравнительный анализ уровней развития морального сознания, личностной автономии и ценностных ориентаций у подростков и юношей 92

Обзоры

- Дорошева Е. А.* Фактор родителей в развитии детей с расстройствами аутистического спектра 106
- Сведения об авторах 129
- Информация для авторов 130

REFLEXIO

Scientific Journal

Founded in November of 1999

2019. Vol. 12, no. 2

Contents

Psychological Instruments

- Pervushina O. N., Zemlyanaya K. S., Mezentseva M. P.* Adaptation of the Questionnaire BISCUIT for the Early Detection of Autism Spectrum Disorders 5
- Dorosheva E. A., Kavlakan E. M.* Psychometric Properties of the Russian-Language Version of the Parental Emotion Regulation Inventory 21
- Zlobina M. V.* The Internal Structure of the Tolerance-Intolerance of Ambiguity New Questionnaire 36

Contemporary Behaviorism

- Sergeev V. N.* Standard Behavior under Legal Control: A Behavioristic Approach 43

Pages from the History of Psychology

- Kedrov I. A.* On the Nature in Relation to Reasonable Creatures 63

Psychological Research

- Seredovich E. S., Kiseleva O. V.* Comparative Analysis of Levels of Development of Moral Consciousness, Personal Autonomy and Valuable Orientations in Teenagers and Youth 92

Reviews

- Dorosheva E. A.* Parental Factor in the Development of Children with Autism Spectrum Disorders 106
- Details of Authors 129
- Instructions to Contributors 130

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-5-20

О. Н. Первушина¹, К. С. Земляная², М. П. Мезенцева³

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

¹ *olgap7@yandex.ru*, ² *kzemlyanichnaya@gmail.com*

³ *mezya@mail.ru*

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА BISCUIT ДЛЯ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА *

В статье представлены результаты адаптации опросника Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits (BISCUIT) для ранней диагностики расстройств аутистического спектра (РАС) на русскоязычной выборке ($n = 105$). Произведена оценка психометрических характеристик русской версии опросника: надёжности по внутренней согласованности, конструктивной валидности, конкурентной критериальной валидности, текущей критериальной валидности и дискриминативности заданий. По результатам адаптации опросник BISCUIT обладает хорошими психометрическими показателями, однако необходим пересмотр нормативных показателей в процессе дальнейшей адаптации на выборке стандартизации с большим количеством клинических случаев.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), адаптация теста, ранняя диагностика РАС, BISCUIT.

Введение

Расстройства аутистического спектра (РАС) – это группа расстройств развития, симптомы которых проявляются впервые в раннем детстве и, как правило, сохраняются в течение всей жизни человека. Данные расстройства представляют собой одну из важнейших социальных проблем современности.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925).

менности, что обусловлено тяжелым течением (часто наблюдается глубокая умственная отсталость, отсутствие базовых речевых и социальных навыков, а также элементарных навыков самообслуживания) и очень высокой распространенностью данной группы заболеваний. Согласно данным К. Кёнига, Л. Скейхилла и других авторов, в странах, где ведется последовательная работа по выявлению и учету РАС, таких как США, распространенность этих расстройств стремительно растет и в настоящее время превышает один случай на сто человек [Koenig, 2013; Scahill et al., 2012]. При этом распространенность аутизма не зависит существенным образом от географических, этнических и социально-экономических факторов [Cicchetti et al., 2011]. Важность проблемы аутизма признана на международном уровне (см., например, [Koenig, Levine, 2010]).

В то же время в России отсутствует официальная статистика распространенности РАС и связанное с этим признание важности проблемы на государственном уровне. Число лиц с РАС, официально диагностированных и состоящих на учете, в десятки раз ниже оценок распространенности аутизма в мире, что связано с проблемами в системе диагностики.

Дети, как правило, диагностируются в таком возрасте, когда отставание от сверстников становится легко заметным. При этом существует согласие ученых относительно того, что раннее начало коррекционной работы является ключевым элементом при помощи детям с аутизмом.

Качественные процедуры ранней диагностики РАС являются очень затратными и по времени, и по стоимости работы специалистов. Но именно ранняя идентификация РАС и последующая интервенция способны снизить нарушения, связанные с поведенческой симптоматикой, и развить учебные навыки для адаптации ребёнка [Fernel et al., 2013; Koegel et al., 2014].

Постановкой диагноза РАС в России и за рубежом занимаются психиатры, тем не менее, в мировой практике важная роль отводится этапу пре-скрининга, который могут проводить врачи-педиатры, невропатологи, психологи и педагоги. Американская психологическая ассоциация рекомендует проводить скрининг в 18 и 24 месяцев жизни в сочетании с постоянным наблюдением за изменениями в развитии [Johnson, Myers, 2007]. Отечественные психиатры считают оправданными действия коллег, в связи с чем готовы применять специальные психологические инструменты в практике постановки диагноза [Морозов, 2014; Симашкова, Макушкин, 2015].

В настоящее время в мире принят «золотой стандарт» для клинической диагностики аутизма на поведенческом уровне – это ADI-R (Интервью для диагностики аутизма, пересмотренное) и ADOS (План диагностического обследования при аутизме).

ADI-R [Lord et al., 1994] представляет собой полуструктурированное интервью для родителей детей, предположительно входящих в спектр.

ADI-R является наиболее надёжным стандартизированным инструментом для получения данных по ранней диагностике детей от трех лет, предположительно входящих в РАС. Оценивается выраженность симптоматики, соответствующей аутистической триаде DSM-IV, позволяет дифференцировать РАС и другие расстройства развития. Диагносты, работающие с данной методикой, предварительно обязаны пройти специальное обучение. Процедура проведения занимает от двух и более часов. Обработка и шифрование занимают дополнительное время.

ADOS – это диагностическое обследование, проводимое в форме игры, где специалисты обращают внимание на коммуникацию, социальное взаимодействие, отличительные формы поведения. Обладает высокой чувствительностью при разграничении аутизма и других первазивных расстройств [Lord et al., 2000]. ADOS проводится в течение 35–40 минут, обработка результатов также требует дополнительного времени для шифровки результатов. Методика поделена на отдельные блоки (модули), и в зависимости от возраста и навыков речевого развития специалисты выбирают нужный модуль для обследования. Минимальный возраст обследуемого относится к категории ясельного возраста, что предполагает проведение Т-модуля ADOS [Лорд и др., 2016]. Для использования данной методики исследователям необходимо иметь особую квалификацию и пройти дополнительное обучение исследователей.

Довер К. и А. Ле Каутер отмечают, что самая ранняя и надёжная диагностика возможна уже в младенчестве [Dover, Le Couteur, 2007]. Несмотря на данную возможность ранней диагностики, средний возраст постановки диагноза по-прежнему остаётся более поздним и составляет в среднем 36–38 месяцев [Matson, Sturmey, 2011], поскольку ранняя диагностика РАС – это трудоёмкая и затратная процедура обследования [Bishop et al., 2008].

Трудоёмкость, отсутствие квалифицированных специалистов затрудняют раннюю диагностику РАС. В связи с этим увеличивается потребность в методиках раннего скрининга, которые позволяют определить зону риска и направить детей, попавших в эту зону, на дополнительную комплексную диагностику. Кроме того, исследователи направляют усилия на определение, выявление признаков, которые могут проявляться ещё раньше и свидетельствовать о том, что в будущем может развиваться аутизм. Это позволит начать вмешательство ещё до развития основных симптомов.

Методы ранней диагностики РАС в США и странах Европы используются достаточно широко, преимущественно в рамках посещения педиатров в первые годы жизни ребёнка. Из наиболее часто используемых инструментов скрининга детей раннего возраста для выявления РАС на западе можно выделить следующие (табл. 1).

Данные методики находят применение не только в скрининговых исследованиях, но и при плановых осмотрах у педиатров.

Таблица 1
Сравнительная таблица психометрических характеристик скрининговых методик на выявление риска РАС

Методика	Возраст испытуемых	Кем заполняется	Количество вопросов / время обследования	Валидность	Надёжность	Чувствительность, %	Специфичность, %
PEDS – Parents Evaluation of Developmental Status	До 8 лет	Родитель + интервьюер	– / 5–7 минут	0,6–0,8	0,88	83,9	81,3
CARS – The Childhood Autism Rating Scale	До 5 лет	Родитель + интервьюер	15 пунктов / 5 минут	–	0,94	92–98	85
ESAT – Early screening of autistic traits	16–30 месяцев	Врачи после беседы с родителями	14 пунктов / 10–15 минут	–	–	14	88
STAT – Screening tool for autism in children aged 2 years	2–3 года	Специалисты в непосредственной игре с ребёнком	12 пунктов / 20 минут	0,95	–	95	73
ITC – Infant toddler checklist	6–24 месяца	Родители	24 пункта / 5–10 минут	–	–	89	85
CHAT – Checklist for autism in toddlers	18–24 месяца	Совместно родители и врачи	14 пунктов / 5 минут	0,81	0,80	18–38	98–100
M-CHAT – Modified checklist for autism in toddlers	16–30 месяцев	Родители	23 пункта / 10–15 минут	–	0,99	95–97	99
BISCUIT – Part 1 – Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits	17–37 месяцев	Родители	62 пункта / 20–30 минут	–	0,97	93	86

Таким образом, мы видим острую необходимость в адаптации методик, хорошо зарекомендовавших себя и нашедших широкое распространение в мировой практике ранней диагностики аутизма.

Методики и процедура исследования

Для адаптации нами был выбран опросник Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits – BISCUIT (часть 1). Опросник используется при проведении мониторинга РАС у детей в возрасте от 17 до 37 месяцев. Данный диагностический инструмент предназначен для оценки симптомов РАС и pervasive расстройств развития без дополнительных уточнений (ППР-БДУ) у детей младшего возраста.

Имеющиеся психометрические характеристики позволяют говорить о том, что BISCUIT способен составить хорошую конкуренцию, например, методике M-CHAT, широко применяемой во всём мире [Matson et al., 2009; 2011]. Так, BISCUIT – Part 1 имеет высокий коэффициент внутренней надёжности 0,97, хорошие показатели чувствительности и специфичности в отношении РАС [Matson et al., 2009].

BISCUIT представляет собой опросник из 62 утверждений. Создатели методики предлагают заполняющим опросник сравнивать диагностируемого с его сверстниками, находящимися в таких же условиях развития. Для оценивания используется следующая градация: «0 – нет отличий, ухудшений», «1 – есть отличия, лёгкие ухудшения», «2 – сильные отличия, тяжёлые ухудшения». После проведения обследования суммируются набранные баллы, и определяется группа риска: «Отсутствие РАС / Атипичного развития», «Возможно развитие РАС / Общего неуточнённого расстройства развития», «Вероятно РАС / Диагноз аутизм». Если в ходе предварительного анализа результат превысил 21 балл, то рекомендовано продолжить обследование. Оцениваемые утверждения содержат в себе следующие темы: поглощённость предметами или их частями, взаимодействие со сверстниками, предпочтения пищи определённой текстуры или запаха, эффективность коммуникации (использование слов, жестов). Теоретической основой диагностического инструмента BISCUIT являются критерии DSM-IV-TR и МКБ-10.

В процессе адаптации методики были проверены следующие психометрические характеристики.

1. Надёжность по внутренней согласованности α -Кронбаха.
2. Конструктивная валидность. В качестве меры конструктивной валидности использовался Профиль развития коммуникативных и символических навыков у детей раннего возраста (The Communication and Symbolic Behavior Scales Developmental Profile Infant-Toddler Checklist – CSBS-DP ITC). Данный опросник позволяет выявить коммуникативные нарушения, но по отношению к диагностике аутизма является скорее конструктивной,

чем критериальной мерой, поскольку внутри группы риска детей с проблемами общения не проводит достаточной дифференциации [Wetherby, Prizant, 2003].

3. Конкурентная критериальная валидность. В качестве меры конкурентной критериальной валидности был взят близкий аналог тестовой батареи BISCUIT – модифицированный скрининговый тест на аутизм у детей раннего возраста, пересмотренный с дополнениями (M-CHAT-R/F) [Robins et al., 2009]. Этот тест представляет собой двухэтапный инструмент скринингового опроса родителей для оценки риска расстройств аутистического спектра (РАС).

4. Текущая критериальная валидность. В качестве меры текущей критериальной валидности был взят диагноз детского психиатра, а также заключение по ADOS [Lord et al., 2012].

5. Дискриминативность заданий.

6. Стандартизация норм теста.

Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS 22.0.

Выборку составили 105 родителей (законных представителей) детей в возрасте от 16 до 36 месяцев, проживающих на территории города Новосибирска и Новосибирской области. Каждому родителю предлагалось заполнить социально-демографическую анкету и три методики, касающиеся развития их ребёнка (BISCUIT; CSBS-DP ITC; M-CHAT-R/F). Инструкция к опросникам предъявлялась как в устном, так и в письменном виде. Дополнительно детям предлагалось пройти ADOS для уточнения результатов. Фиксировалось также наличие / отсутствие диагноза детского психиатра.

Результаты и обсуждение

1. С целью проверки внутренней согласованности опросника BISCUIT был вычислен коэффициент α -Кронбаха. Полученное значение 0,974 свидетельствует о высокой внутренней согласованности опросника.

2. Для оценки конструктивной валидности был использован опросник CSBS-DP ITC. Поскольку распределение вероятностей отлично от нормального закона распределения, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, полученное значение ($\rho = 0,401$, $p = 0,00$) свидетельствует о хорошей конструктивной валидности.

3. Оценка конкурентной критериальной валидности производилась между опросником BISCUIT и M-CHAT-R/F, так как оба они направлены на измерение риска РАС. Представляет интерес рассмотрение двух показателей опросника M-CHAT-R/F, соответствующих двум этапам проведения. Полученное значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена между BISCUIT и первым этапом M-CHAT-R (без последующего интервью)

($\rho = 0,385$, $p = 0,00$), а также между BISCUIT и вторым этапом M-CHAT-R/F (с последующим интервью) ($\rho = 0,4$, $p = 0,00$) свидетельствует об удовлетворительной конкурентной валидности.

Сводные данные об интеркорреляции мер валидизации приведены в табл. 2, все связи являются значимыми на уровне 0,01, хотя и достаточно слабыми с точки зрения психометрической проверки.

Таблица 2

Интеркорреляция опросников, направленных на раннюю диагностику общих нарушений развития и РАС

Опросник		ITC	M-CHAT-R	M-CHAT-R/F
BISCUIT	ρ Спирмена	0,401	0,385	0,400
	<i>знач.</i> (2-сторонняя)	0,000	0,000	0,000
	<i>N</i>	105	105	105
ITC	ρ Спирмена		0,358	0,268
	<i>знач.</i> (2-сторонняя)		0,000	0,006
	<i>N</i>		105	105
M-CHAT-R	ρ Спирмена			0,609
	<i>знач.</i> (2-сторонняя)			0,000
	<i>N</i>			105

4. В качестве критерия для текущей критериальной валидности были взяты результаты обследования по методике ADOS и заключение детских психиатров. Для оценки критериальной валидности были использованы два метода: метод контрастных групп и построение ROC-кривой.

Контрастными группами в нашем исследовании выступали дети, которым по результатам прохождения ADOS и после посещения психиатра был поставлен диагноз РАС, а также дети без нарушений развития. В результате обследования у 6 из 105 детей было обнаружено РАС и поставлен диагноз. Для оценки значимости различий контрастных групп по BISCUIT был использован *U*-критерий Манна – Уитни. Полученное значение ($U = 95,5$; $p = 0,001$) свидетельствует о статистически значимом различии баллов (средний ранг по группе аутистов $R = 86,58$, в то время как по группе условно здоровых детей средний ранг $R = 50,96$).

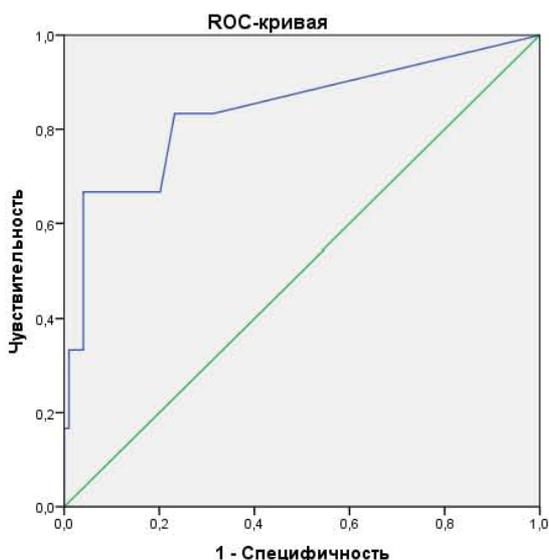
Также мерой оценки текущей критериальной валидности может служить площадь под кривой (AUC), вычисленная ROC-анализом. Площадь под кривой, рассчитанная для BISCUIT по критериальной переменной наличия/отсутствия диагноза (табл. 3, рис. 1), статистически значимо откло-

няется от нулевой гипотезы об отсутствии различительной способности теста по диагностическому критерию и свидетельствует о хорошей текущей критериальной валидности согласно абсолютному значению AUC.

Таблица 3

Область под кривой для BISCUIT по критериальной переменной:
диагноз психиатра и результат прохождения ADOS

Область (AUC)	Стандартная ошибка	Асимптотическая значимость	Асимптотический 95 % доверительный интервал	
			нижняя граница	верхняя граница
0,839226	0,10239	0,005407	0,638546	1

Диагональные сегменты, сгенерированные связями.

ROC-кривая для BISCUIT по критериальной переменной:
диагноз психиатра и результат прохождения ADOS

5. При помощи построения ROC-кривой дискриминативность опросника может быть определена эмпирически с помощью балансировки между чувствительностью и специфичностью опросника (табл. 4). Чувствительность – это доля истинно положительных случаев относительно общего количества положительных случаев. Специфичность – доля истинно отрицательных случаев относительно общего количества отрицательных случаев.

Таблица 4

Чувствительность и специфичность оригинальной и русскоязычной версий BISCUIT
с указанием критерияльных норм

Русская версия		Примечание	Оригинальная версия		Примечание	
балл, ≥	чувств.		балл, ≥	чувств.		
13	0,667	Не требуется дальнейшая диагностика без опасений со стороны родителей (нет аутизма)	12	0,9919	Не требуется дальнейшая диагностика без опасений со стороны родителей (нет аутизма)	
16	0,667		13	0,9435		
17	0,667		14	0,9274		
18	0,667		15	0,8952		
19	0,667		16	0,8548		
20	0,667		17	0,8226		0,1596
23	0,500	Подозрение на аутизм	18	0,7984	Подозрение на ПРР-БДУ	
25	0,333		36	0,8623		0,2742
27	0,333		37	0,8478		0,2339
36	0,333		38	0,8116		0,1935
47	0,333		39	0,8043		0,1255
51	0,167		40	0,7899		0,1774
66	0,167		41	0,7754		0,1774
81	0,000		42	0,7609		0,1532

6. В процессе разработки оригинальной версии разработчики руководствовались критериями DSM-IV, выделяющим первазивное расстройство развития без дополнительных уточнений (ППР-БДУ) в отдельную от РАС категорию. Сравнение критериальных норм оригинальной версии опросника с нормами, полученными на российской выборке, указывает на нецелесообразность подобной дифференциации как со статистической точки зрения, так и с точки зрения нововведений, принятых в DSM-5, в связи с чем в русскоязычной версии мы остановились на определении одного критического значения в 20 баллов и более, исходя из наиболее оптимального соотношения чувствительности и специфичности; данные специфичности и чувствительности указаны в табл. 4.

Полученные нами результаты по опроснику BISCUIT не соответствуют представленным критическим значениям оригинальной версии, так на российской выборке было выявлено единственное критическое значение (> 20), не позволяющее дифференцировать испытуемых на различные нозологические группы, что было заложено разработчиками в теоретический конструкт опросника BISCUIT. Согласно полученным нами данным, необходимо изменить критические значения для BISCUIT. Данная методика является скрининговой, поэтому чувствительность является более важным показателем, чем специфичность. При суммарном балле > 20 достигается наиболее оптимальное соотношение данных показателей. Если по данным разработчиков для критического значения в 17 баллов реже встречаются случаи пропуска клинически значимых случаев, то в адаптируемой версии при таком же результате реже встречаются случаи ложноположительных результатов. Мы предполагаем, что снижение чувствительности и одновременное повышение специфичности связано с тем, что выборку составило большое количество здоровых детей и малое количество детей с РАС.

Выводы

Опросник BISCUIT, направленный на оценку симптомов РАС и первазивных расстройств развития без дополнительных уточнений (ППР БДУ) у детей раннего возраста, обладает высокими показателями надёжности, хорошими показателями конструктивной, конкурентной и критериальной валидности. Перспективным видится продолжение исследований с пересмотром нормативных показателей для BISCUIT в процессе дальнейшей адаптации на выборке стандартизации с большим количеством клинических случаев.

Благодарности

Авторы благодарят Джонни Ли Мэтсона за предоставление исследовательских прав на использование опросника BISCUIT.

Список литературы

Лорд, К., Раттер, М., ДиЛаворе, П., Ризи, С., Готэм, К., Бишоп, С., Лайстер, Р., Гатри, У. (2016). *ADOS-2. План диагностического обследования при аутизме. Изд. 2-е: руководство* / Пер. на русский язык и адаптация А. Сорокина, Е. Давыдовой, К. Салимовой при участии Е. Пшеничной. [Б. м.]: Western Psychological Services; Giunti O.S.

Морозов, С. А. (2014). *Выявление риска развития расстройств аутистического спектра в условиях первичного звена здравоохранения у детей раннего возраста. Пособие для врачей*. Воронеж.

Симашкова, Н. В., Макушкин, Е. В. (2015). *Расстройства аутистического спектра: диагностика, лечение, наблюдение. Клинические рекомендации (протокол лечения)*. Режим доступа: <http://psychiatr.ru/news/411>

Bishop, D., Whitehouse, A., Watt, H., & Line, E. (2008). Autism and diagnostic substitution: evidence from a study of adults with a history of developmental language disorder. *Developmental medicine and child neurology*, 50 (5), 341–345. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8749.2008.02057.x>

Cicchetti, D., Koenig, K., Klin, A., Volkmar, F., Paul, R., & Sparrow, S. (2011). From Bayes through marginal utility to effect sizes: a guide to understanding the clinical and statistical significance of the results of autism research findings. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 41(2), 168–174. <https://doi.org/10.1007/s10803-010-1035-6>

Dover, C. J., & Le Couteur, A. (2007). How to diagnose autism. *Archives of Disease in Childhood*, 92(6), 540–545. <https://doi.org/10.1136/adc.2005.086280>

Fernell, E., Eriksson, M., & Gillberg, C. (2013). Early diagnosis of autism and impact on prognosis: a narrative review. *Clinical Epidemiology*, 5, 33–43. <https://doi.org/10.2147/CLEP.S41714>

Johnson, C., & Myers, S. (2007). Identification and evaluation of children with autism spectrum disorders. *Pediatrics*, 120 (5), 1183–1215. <https://doi.org/10.1542/peds.2007-2361>

Koegel, L. K., Koegel, R. L., Ashbaugh, K., & Bradshaw, J. (2014). The importance of early identification and intervention for children with or at risk for autism spectrum disorders. *International Journal of Speech-Language Pathology*, 16(1), 50–56. <https://doi.org/10.3109/17549507.2013.861511>

Koenig, K. (2013). Interpreting the efficacy research on group-delivered social skills intervention for children with autism spectrum disorders. In P. F. Gerhardt, D. Crimmins (Eds.), *Social Skills and Adaptive Behaviors in Learners with Autism Spectrum Disorders* (pp. 53–67). Baltimore, MD: Paul Brooks Publishing Company.

Koenig, K., & Levinem, M. (2010). Psychotherapy for individuals with autism spectrum disorders. *Journal of Contemporary Psychotherapy*, 41(1), 29–36. <https://doi.org/10.1007/s10879-010-9158-9>

Lord, C., Risi, S., Lambrecht, L., Cook, Jr., E. H., Leventhal, B. L., DiLavore, P. C., Pickles, A., & Rutter, M. (2000). The Autism Diagnostic Observation Schedule – Generic: A Standard Measure of Social and Communication Deficits Associated with the Spectrum of Autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 30, 205–223. <https://doi.org/10.1023/A:1005592401947>

Lord, C., Rutter, M., DiLavore, P. C., Risi, S., Gotham, K., & Bishop, S. (2012). *Autism diagnostic observation schedule, Second edition (ADOS-2) Manual (Part I): Modules 1–4*. Torrance, CA: Western Psychological Services.

Lord, C., Rutter, M., & Le Couteur, A. (1994) The Autism Diagnostic Interview-Revised: A revised version of a diagnostic interview for caregivers of individuals with possible pervasive developmental disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 24(5), 659–685. <https://doi.org/10.1007/BF02172145>

Matson, J. L., & Sturmey, P. (Eds.) (2011). *International Handbook of Autism and Pervasive Developmental Disorders*. New York, NY: Springer New York. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-8065-6>

Matson, J. L., Wilkins, J., & Fodstad, J. (2011). The Validity of the Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits: Part 1 (BISCUIT: Part 1). *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 41(9), 1139–1146. <https://doi.org/10.1007/s10803-010-0973-3>

Matson, J. L., Wilkins, J., Sevin, J. A., Knight, C., Boisjoli, J. A., & Sharp, B. (2009). Reliability and item content of the Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits (BISCUIT): Parts 1–3. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 3(2), 336–344. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2008.08.001>

Robins, D. L., Fein, D., & Barton, M. (2009). *The Modified Checklist for Autism in Toddlers, Revised with Follow-Up (M-CHAT-R/F)*. Retrieved from https://www.autismspeaks.org/sites/default/files/docs/sciencedocs/m-chat/m-chat-r_f.pdf?v=1

Scahill, L., McDougle, C. J., Aman, M. G., Johnson, C., Handen, B., Bearss, K., ... Vitiello, B. (2012). Effects of Risperidone and Parent Training on Adaptive Functioning in Children With Pervasive Developmental Disorders and Serious Behavioral Problems. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 51(2), 136–146. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2011.11.010>

Wetherby, A. M., & Prizant, B. M. (2003). *Communication and Symbolic Behavior Scales Developmental Profile (CSBS-DP) Infant-Toddler Checklist and Easy-Score*. Baltimore: Brookes Publishing.

Примеры вопросов BISCUIT – part 1 на русском языке

Оцените каждый пункт в той степени, насколько это является или являлось когда-либо проблемой. Сравните ребенка с другими детьми его / ее возраста (проживающих в такой же среде), основываясь на следующем:

- 0 = нет отличий, нет ухудшений;
1 = есть отличия, легкие ухудшения;
2 = сильные отличия, тяжелые ухудшения

1. Коммуникативные навыки.
2. Интеллектуальные способности (например, такой же умный, как другие его / её возраста).
3. Навыки самообслуживания соответствуют возрасту (например, в состоянии позаботиться о себе).
4. Совершает повторяющиеся моторные движения без причины (например, машет руками, раскачивается, бьётся головой, взмахивает руками).
5. Вербальная коммуникация.

Полный текст опросника может быть получен только с разрешения автора – Джонни Ли Мэтсона (Johnny Lee Matson). E-mail: johnmatson@aol.com

O. N. Pervushina¹, K. S. Zemlyanaya², M. P. Mezentseva³

ADAPTATION OF THE QUESTIONNAIRE BISCUIT FOR THE EARLY DETECTION OF AUTISM SPECTRUM DISORDERS^{*}

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

¹ *olgap7@yandex.ru*, ² *kzemlyanichnaya@gmail.com*
³ *mezya@mail.ru*

The article presents the adaptation results for “Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits (BISCUIT)” questionnaire for early diagnosis

^{*} The research was supported by Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project no. 18-013-00925.

of autism spectrum disorders (ASD) in the Russian-speaking sample ($n = 105$). We evaluated the psychometric properties of the Russian version questionnaire: internal consistency reliability, construct validity, criterion-related validity and item discrimination. According to the results of the adaptation, BISCUIT questionnaire has good psychometric indicators, however, cutoff scores should be revised on a standardization sample with a larger number of clinical cases.

Keywords: autism spectrum disorders (ASD), BISCUIT, test adaptation, early diagnosis of autism spectrum disorders.

Acknowledgements

The authors thank Johnny Lee Matson for providing the research rights to use the BISCUIT.

References

- Bishop, D., Whitehouse, A., Watt, H., & Line, E. (2008). Autism and diagnostic substitution: evidence from a study of adults with a history of developmental language disorder. *Developmental medicine and child neurology*, *50*(5), 341–345. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8749.2008.02057.x>
- Cicchetti, D., Koenig, K., Klin, A., Volkmar, F., Paul, R., & Sparrow, S. (2011). From Bayes through marginal utility to effect sizes: a guide to understanding the clinical and statistical significance of the results of autism research findings. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, *41*(2), 168–174. <https://doi.org/10.1007/s10803-010-1035-6>
- Dover, C. J., & Le Couteur, A. (2007). How to diagnose autism. *Archives of Disease in Childhood*, *92*(6), 540–545. <https://doi.org/10.1136/adc.2005.086280>
- Fernell, E., Eriksson, M., & Gillberg, C. (2013). Early diagnosis of autism and impact on prognosis: a narrative review. *Clinical Epidemiology*, *5*, 33–43. <https://doi.org/10.2147/CLEP.S41714>
- Johnson, C., & Myers, S. (2007). Identification and evaluation of children with autism spectrum disorders. *Pediatrics*, *120*(5), 1183–1215. <https://doi.org/10.1542/peds.2007-2361>
- Koegel, L. K., Koegel, R. L., Ashbaugh, K., & Bradshaw, J. (2014). The importance of early identification and intervention for children with or at risk for autism spectrum disorders. *International Journal of Speech-Language Pathology*, *16*(1), 50–56. <https://doi.org/10.3109/17549507.2013.861511>
- Koenig, K. (2013). Interpreting the efficacy research on group-delivered social skills intervention for children with autism spectrum disorders. In P. F. Gerhardt, D. Crimmins (Eds.), *Social Skills and Adaptive Behaviors in Learners with Autism Spectrum Disorders* (pp. 53–67). Baltimore, MD: Paul Brooks Publishing Company.

Koenig, K., & Levinem, M. (2010). Psychotherapy for individuals with autism spectrum disorders. *Journal of Contemporary Psychotherapy*, 41(1), 29–36. <https://doi.org/10.1007/s10879-010-9158-9>

Lord, C., Risi, S., Lambrecht, L., Cook, Jr., E. H., Leventhal, B. L., DiLavore, P. C., Pickles, A., & Rutter, M. (2000). The Autism Diagnostic Observation Schedule – Generic: A Standard Measure of Social and Communication Deficits Associated with the Spectrum of Autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 30, 205–223. <https://doi.org/10.1023/A:1005592401947>

Lord, C., Rutter, M., DiLavore, P. C., Risi, S., Gotham, K., & Bishop, S. (2012). *Autism diagnostic observation schedule, Second edition (ADOS-2) Manual (Part I): Modules 1–4*. Torrance, CA: Western Psychological Services.

Lord, C., Rutter, M., DiLavore, P., Risi, S., Gotham, K., Bishop, S., Luyster, R., & Gutrie, W. (2016). *ADOS-2. Plan diagnosticheskogo obsledovaniya pri autizme. Izdanie vtoroe: rukovodstvo* [Autism Diagnostic Observation Schedule. Second Edition: Manual]. Torrance, CA: Western Psychological Services; Giunti O.S.

Lord, C., Rutter, M., & Le Couteur, A. (1994) The Autism Diagnostic Interview-Revised: A revised version of a diagnostic interview for caregivers of individuals with possible pervasive developmental disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 24(5), 659–685. <https://doi.org/10.1007/BF02172145>

Matson, J. L., & Sturmey, P. (Eds.) (2011). *International Handbook of Autism and Pervasive Developmental Disorders*. New York, NY: Springer New York. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-8065-6>

Matson, J. L., Wilkins, J., & Fodstad, J. (2011). The Validity of the Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits: Part 1 (BISCUIT: Part 1). *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 41(9), 1139–1146. <https://doi.org/10.1007/s10803-010-0973-3>

Matson, J. L., Wilkins, J., Sevin, J. A., Knight, C., Boisjoli, J. A., & Sharp, B. (2009). Reliability and item content of the Baby and Infant Screen for Children with aUtism Traits (BISCUIT): Parts 1–3. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 3(2), 336–344. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2008.08.001>

Morozov, S. A. (2014). *Vyyavlenie riska razvitiya rasstroistv autisticheskogo spektra v usloviyakh pervichnogo znavookhraneniya u detei rannego vozrasta. Posobie dlya vrachei* [Detecting risks of autism spectrum disorders' development in the conditions of primary healthcare in children of early age. Manual for physicians]. Voronezh.

Robins, D. L., Fein, D., & Barton, M. (2009). *The Modified Checklist for Autism in Toddlers, Revised with Follow-Up (M-CHAT-R/F)*. Retrieved from https://www.autismspeaks.org/sites/default/files/docs/sciencedocs/m-chat/m-chat-r_f.pdf?v=1

Scahill, L., McDougle, C. J., Aman, M. G., Johnson, C., Handen, B., Bearss, K., ... Vitiello, B. (2012). Effects of Risperidone and Parent Training on Adap-

tive Functioning in Children With Pervasive Developmental Disorders and Serious Behavioral Problems. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 51(2), 136–146. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2011.11.010>

Simashkova, N. V., & Makushkin, E. V. (2015). *Rasstroistva autisticheskogo spectra: diagnostika, lechenie, nabludenie. Klinicheskie rekomendatsii (protocol lecheniya)* [Autism spectrum disorders: diagnostics, treatment, observation. Clinical recommendations (treatment protocol)]. Retrieved from <http://psychiatr.ru/news/411>

Wetherby, A. M., & Prizant, B. M. (2003). *Communication and Symbolic Behavior Scales Developmental Profile (CSBS-DP) Infant-Toddler Checklist and Easy-Score*. Baltimore: Brookes Publishing.

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-21-35

Е. А. Дорошева¹, Е. М. Кавлакан²

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

¹ Elena.dorosheva@mail.ru, ² photopolet@mail.ru

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА «РЕГУЛЯЦИЯ ЭМОЦИЙ У РОДИТЕЛЕЙ» *

Проведена предварительная проверка психометрических свойств русскоязычной версии опросника «Регуляция эмоций у родителей» (Revised Parental Emotion Regulation Inventory), направленного на оценку способов эмоциональной саморегуляции в проблемных ситуациях, связанных с ребенком. Выборка включила всего 211 родителей, воспитывающих от 1 ребенка до 4 детей в возрасте от рождения до 16 лет, из них 184 матери ($M = 36,5$) и 27 отцов ($M = 36,9$). Коэффициент α -Кронбаха шкал составил от 0,78 до 0,84, что указывает на их хорошую согласованность. Выявлена невысокая ретестовая (с интервалом в один месяц) надежность методики (от $r = 0,75$ до $r = 0,61$), что может указывать на измерение скорее ситуативных характеристик регуляции эмоций родителей. Конструктивную валидность методики оценивали с помощью выявления связей со шкалами, теоретически связанными с конструктом регуляции эмоций у родителей; показана ее приемлемость. Более высокий уровень когнитивной переоценки нежелательных ситуаций, связанных с ребенком, и подавления мыслей о таких ситуациях отмечен у родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, по сравнению с родителями нейротипичных детей. Это указывает на критериальную валидность методики. Результаты конфирматорного факторного анализа свидетельствуют о неполном соответствии четырехфакторной модели эмпирическим данным.

Ключевые слова: регуляция эмоций, опросник регуляции эмоций у родителей, психометрические характеристики, психодиагностика.

Введение

Вопросы регуляции эмоций все чаще становятся предметом научных исследований в зарубежной и, в последние годы, в российской психологии.

* Исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 18-013-00925).

Под регуляцией эмоцией понимается «совокупность эксплицитных и/или имплицитных психических процессов, направленных на ослабление, усиление или удержание на одном уровне интенсивности и валентности эмоциональной реакции» [Падун, 2015]. Стратегии регуляции эмоций изучаются в контексте проблемных ситуаций, требующих сложного взаимодействия аффективно-когнитивных процессов для оптимизации функционального состояния ЦНС и связанного с ним поведенческого ответа. Наиболее распространена модель регуляции Дж. Гросса, предполагающая выделение отдельных стратегий регуляции эмоций, объединяемых в классы согласно времени реализации относительно возникновения проблемной ситуации [Gross, 1998]. Высокий интерес к вопросам регуляции эмоций связан с тем, что привычная для человека совокупность способов регуляции эмоций тесно связана с его психологическим здоровьем и адаптацией [Gross, Jazaieri, 2014].

Как правило, рассматривая совокупность способов регуляции эмоций, исследователи обращаются к любым ситуациям, вызывающим эмоциональное напряжение, приводящим к возникновению отрицательных эмоций. В то же время, помимо общей склонности реагировать на широкий круг стрессовых ситуаций привычным образом, реакции на ситуации того или иного класса могут быть в определенной мере специфическими, в зависимости от предшествующего опыта, субъективной значимости того или иного класса ситуаций и т. д. Изучение данного вопроса представляет отдельную научную проблему.

В частности, была сделана попытка исследовать регуляцию в определенном классе ситуаций: у родителей при взаимодействии с детьми. В 2012 г. М. Лорбером в рамках исследования взаимосвязи регуляции эмоций у родителей и их стилей воспитания был разработан опросник регуляции эмоций у родителей (Parental Emotion Regulation Inventory, PERI) [Lorber, 2012]. Опросник содержит 13 вопросов, позволяющих оценить степень использования стратегий когнитивная позитивная переоценка проблемных ситуаций, возникающих во взаимодействии с ребенком, и подавление мыслей, вызывающих отрицательные эмоции в таких ситуациях. В дальнейшем на его основе была разработана расширенная версия, включившая дополнительные механизмы регуляции эмоций (Revised Parental Emotion Regulation Inventory, PERI 2) [Lorber et al., 2017]. Данная версия состоит из 23 вопросов, включает две добавленных шкалы: избегание контакта с ребенком в проблемных ситуациях и капитуляция перед желаниями ребенка.

Одна из целей создания данной методики обоснована практической необходимостью исследования аспектов саморегуляции родителей «уязвимых» групп, например, воспитывающих детей, получивших психотравму, детей с особенностями здоровья и т. д. [Lorber et al., 2017].

Целью настоящего исследования явилась разработка русскоязычной версии опросника регуляции эмоций у родителей (на основе оригинальной версии PERI 2) и проверка ее психометрических характеристик.

Были поставлены следующие задачи исследования:

1) оценить надежность опросника (согласованности шкал, ретестовой надежности);

2) изучить взаимосвязь показателей регуляции эмоций, измеряемых опросником, со сходными конструктами (проверить конструктивную валидность опросника);

3) проверить критериальную валидность опросника, сравнив группы родителей, воспитывающих детей с нарушениями здоровья (расстройствами аутистического спектра), и условно-здоровых детей;

4) с помощью конфирматорного факторного анализа проверить пригодность четырехфакторной модели для русскоязычной версии опросника.

Для проверки критериальной валидности нами был подобран набор методик, отличных от предложенных авторами, исходя из наличия русскоязычных аналогов. Основные предположения о сходстве конструктов были следующими.

1. Склонность к позитивной переоценке проблемных ситуаций, связанных с ребенком, будет прямо связана со склонностью к позитивной переоценке в целом.

2. Склонность к подавлению мыслей, вызывающих негативные эмоции, в проблемных ситуациях, связанных с ребенком, будет прямо связана со склонностью к подавлению мыслей в целом.

3. Избегание контакта с ребенком в проблемных ситуациях и капитуляция перед его желаниями (как стратегии экономии энергии, что указывается авторами методики) для матерей будет прямо связана с их эмоциональным выгоранием.

4. Избегание контакта с ребенком в проблемных ситуациях будет прямо связано с использованием копинга избегания проблемных ситуаций в целом и отвлечения от них, а также со склонностью к руминациям (стратегия эмоциональной регуляции, минимизирующая контакт с текущей ситуацией).

5. Капитуляция перед желаниями ребенка в проблемных ситуациях будет отрицательно связана с такими установками матери, как строгость по отношению к ребенку, доминирование.

Для проверки критериальной валидности формировали группы родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС) и родителей условно здоровых, нейротипичных детей. Гипотеза состояла в том, что у родителей контрольной группы в целом будут более выражены механизмы регуляции эмоций в детско-родительских отношениях. Мы выдвинули это предположение на основании того, что родители

детей с РАС значительно чаще сталкиваются с проблемными ситуациями при воспитании детей.

Материалы и методы

Выборка исследования

Эмпирическую базу исследования составили 211 человек, 27 отцов и 184 матерей, являющиеся родителями детей от рождения до 16 лет, имеющими от 1 до 4 детей. Возраст респондентов – от 26 до 48 лет, средний возраст матерей – 36,5 лет, отцов – 36,9 лет. 148 человек заполняли также дополнительные методики исследования. Необходимо отметить, что отцы с трудом соглашались на участие в исследовании, что обусловило неравномерность выборки.

Для проверки критериальной валидности были сформированы две контрастные группы. В основную группу вошел 31 родитель, воспитывающий детей с расстройством аутистического спектра (РАС). Среди респондентов этой группы 4 мужчины и 27 женщин в возрасте от 26 до 51 года, средний возраст 35 лет, с разным семейным положением. Среди детей с РАС – 20 мальчиков и 10 девочек, возраст от 2 до 11 лет. Дети имеют следующие диагнозы: детский аутизм с умеренной умственной отсталостью, аутизм с синдромом Мартина – Белла, синдром Аспергера, ранний детский аутизм, аутизм с умственной отсталостью и синдромом Вильямса, расстройство аутистического спектра, аутизм с эпилепсией, детский аутизм с тугоухостью, высокофункциональный аутизм с СДВГ, детский аутизм с другими расстройствами поведения.

Контрольная группа родителей нейротипичных детей включила 26 женщин и двоих мужчин в возрасте от 25 до 45 лет, средний возраст – 34 года. Дети данной группы не имеют серьезных заболеваний и нарушений развития, возраст также от 2 до 11 лет. Группы выровнены по семейному положению родителей.

Для проверки ретестовой надежности методики 60 испытуемых (46 женщин и 14 мужчин) дважды заполнили методику «Регуляция эмоций у родителей» с интервалом в 1 месяц.

Методики исследования

Русскоязычная версия методики «Регуляция эмоций у родителей» была разработана с помощью профессиональных переводчиков, с использованием процедуры обратного перевода. Содержит 23 пункта, оцениваемых респондентами по 7-балльной шкале от 1 (совершенно согласен) до 7 (совершенно не согласен). Бланк и ключ методики приведены в приложении.

В качестве дополнительных методик исследования использованы следующие:

- опросник когнитивной регуляции эмоций (русскоязычная версия Cognitive Emotion Regulation Questionnaire, CERQ) в адаптации Е. И. Рас-

сказовой, А. Б. Леоновой, И. В. Плужникова (2011), измеряющий 9 стратегий регуляции эмоций, выделяемых согласно модели Дж. Гросса, в том числе уровень когнитивной позитивной переоценки событий, вызывающих отрицательные эмоции;

- шкала руминаций (русскоязычная версия Ruminative Responses Scale, RRS, W. Treynor, R. Gonzalez, S. Nolen-Hoeksema), в адаптации Е. А. Дорошевой и Г. Г. Князева (2017), измеряющая склонность к руминативному мышлению – переносу внимания с текущих ситуаций, вызывающих отрицательные эмоции, на негативные переживания прошлого;

- методика «Подавление мыслей» (русскоязычная версия White Bear Suppression Inventory, WBSI) в адаптации Е. А. Дорошевой и Г. Г. Князева (2017), измеряющая склонность к подавлению мыслей, вызывающих неприятные переживания;

- опросник регуляции эмоций (русскоязычная версия Emotion Regulation Questionnaire, ERQ) в адаптации Е. А. Дорошевой и Г. Г. Князева (2017), измеряющий когнитивную переоценку и подавление эмоциональной экспрессии в ситуациях социального взаимодействия как стратегии регуляции эмоций;

- опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций», ПТЖС (русскоязычная версия опросника SVF120 В. Янке и Г. Эрдманна) в адаптации Н. Е. Водопьяновой (2009), диагностирующий типичные способы преодоления стрессовых ситуаций (копинг-стратегии), в том числе копинг-стратегию избегания таких ситуаций;

- тест-опросник изучения родительских установок (оригинальная версия – Parental Attitude Research Instrument, PARI, Е. С. Шефером и Р. К. Беллом), адаптация Т. В. Архиреевой (2002);

- методика диагностики уровня эмоционального «выгорания» у матерей (использовалась только для женщин), разработанная и стандартизованная Л. А. Базалева (2010).

Статистическая обработка данных исследования

Для обработки данных и статистического анализа использовались коэффициент корреляции Пирсона для оценки ретестовой надежности и выявления взаимосвязей с показателями шкал других методик, коэффициент α -Кронбаха для оценки согласованности шкал методики, непараметрический U -критерий Манна – Уитни для сравнения показателей в группах родителей детей с РАС и нормотипичных детей, CFA (метод наименьших квадратов) для проверки пригодности четырехфакторной модели опросника, метод главных компонент для уточнения данных CFA. Расчеты проводили с использованием статистического пакета SPSS v22.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласованность шкал опросника является приемлемой и высокой – коэффициент α -Кронбаха составляет 0,78 для шкал «Избегание» и «Подавление мыслей», 0,80 для шкалы «Капитуляция» и 0,84 для шкалы «Когнитивная переоценка».

Ретестовая надежность опросника на грани приемлемости – для шкалы «Когнитивная переоценка» $r = 0,75, p < 0,001$; для шкалы «Подавление мыслей» $r = 0,67, p < 0,001$; для шкалы «Избегание» $r = 0,61, p < 0,001$ и для шкалы «Капитуляция» $r = 0,60, p < 0,001$. Создается впечатление, что ответы респондентов в значительной мере ситуативны. Возможны дальнейшие исследования с целью повышения ретестовой надежности опросника: изменение инструкции, проверка, одинаковые ли ответы дают родители, имеющие несколько детей, по отношению к разным детям и т. д.

При проверке конструктивной валидности опросника почти все выдвинутые нами предположения подтвердились. Выявлены прямые значимые взаимосвязи склонности к позитивной переоценке проблемных ситуаций, связанных с ребенком, со склонностью к позитивной переоценке в целом ($r = 0,38, p < 0,001$, опросник регуляции эмоций; $r = 0,19, p < 0,05$, опросник когнитивной регуляции эмоций). Также показаны ожидаемые прямые взаимосвязи склонности к подавлению мыслей, вызывающих негативные эмоции, в проблемных ситуациях, связанных с ребенком, со склонностью к подавлению мыслей в целом ($r = 0,30, p < 0,01$).

Избегание контакта с ребенком в проблемных ситуациях прямо связано с выраженностью всех фаз синдрома эмоционального выгорания по методике Л. А. Базалевой (для фазы напряжения $r = 0,18, p < 0,05$, для фазы резистентности $r = 0,37, p < 0,001$, для фазы истощения $r = 0,31, p < 0,01$). Капитуляция перед желаниями ребенка значимо прямо связана лишь с такими составляющими фазы истощения, как психосоматические нарушения ($r = 0,18, p < 0,05$), эмоциональная отстраненность ($r = 0,30, p < 0,01$), а также с единственной составляющей фазы напряжения – тревогой ($r = 0,18, p < 0,01$), то есть связь данной стратегии с эмоциональным выгоранием проявляется, однако в меньшей степени, чем для избегания нежелательных ситуаций. Это логичный результат, поскольку обе стратегии, согласно теории, связаны с истощением ресурсов родителя, однако избегание взаимодействия является более «жесткой» и тотальной реакцией, чем капитуляция перед желаниями ребенка.

Избегание контакта с ребенком в проблемных ситуациях также продемонстрировало прямую значимую связь с использованием копинга избегания проблемных ситуаций в целом ($r = 0,42, p < 0,001$), а также с копингом отвлечения от проблемных ситуаций ($r = 0,22, p < 0,05$). Как мы и ожидали, показатель данной шкалы прямо коррелирует со склонностью к руминациям ($r = 0,25, p < 0,01$).

Вопреки нашим первоначальным предположениям, не выявлена значимая связь капитуляции перед желаниями ребенка в проблемных ситуациях и строгостью матери по отношению к ребенку ($r = -0,10$, $p < 0,05$), однако показана ее прямая связь с доминированием матери ($r = 0,18$, $p < 0,05$). Нужно заметить, что кроме этой единственной значимой связи эта шкала более не показала взаимосвязей со шкалами опросника родительских установок, что свидетельствует в пользу скорее использования ее как ситуативной стратегии в сложной ситуации, где, как уже было сказано выше, ресурсы родителя в значительной степени исчерпаны.

Дополнительно был проанализирован характер прочих (помимо изначально ожидаемых) выявленных взаимосвязей между показателями опросника «Эмоциональная регуляция у родителей» и других методик исследования. Значительное число связей было описано для копинг-стратегий и двух стратегий регуляции эмоций у родителей: когнитивной переоценки и избегания. Наиболее тесные взаимосвязи когнитивной переоценки выявлены для шкалы «Замещение», предполагающей обращение к позитивным ситуациям, к активности, стремления делать себе что-либо приятное ($r = 0,30$, $p < 0,01$), шкалы «Самоконтроль / самообладание» ($r = 0,33$, $p < 0,01$), шкалы «Поиск социальной поддержки» ($r = 0,33$, $p < 0,01$), шкалы «Позитивная самомотивация», измеряющей приписывание себе компетентности, нужной для преодоления данной ситуации, возможностей ее контроля ($r = 0,29$, $p < 0,01$) – со шкалами, которые описывают условно эффективные (способствующие, на статистическом уровне, адаптации в долгосрочной перспективе) копинги. Шкала «Избегание», помимо уже описанных выше взаимосвязей с копингами избегания и отвлечения, тесно связана с рядом показателей шкал, измеряющих условно неэффективные (сопутствующие дезадаптации в долгосрочной перспективе) копинги: «Социальная замкнутость» ($r = 0,33$, $p < 0,01$), «Беспомощность» ($r = 0,36$, $p < 0,01$), «Заезженная пластинка», т. е. склонность к мысленному «пережевыванию» негативных аспектов стрессовой ситуации ($r = 0,33$, $p < 0,01$), «Самообвинение» ($r = 0,34$, $p < 0,01$). Эти взаимосвязи соответствуют содержанию описываемых шкал регуляции эмоций.

Нужно отметить, что все шкалы изучаемого опросника, в том числе когнитивная переоценка, прямо связаны с копингами предвосхищающего (антиципирующего) избегания стрессовых ситуаций и избегания ситуации после соприкосновения с ней. Вероятно, это отражает не их специфику, но особенность всех стратегий регуляции эмоций: все они предполагают изменение первоначальной эмоциональной оценки ситуации, исключение фиксации на каких-то компонентах ситуации.

Для когнитивной переоценки и для подавления мыслей о нежелательных ситуациях, связанных с ребенком, выявлены связи с копингом снижения значимости стрессовой ситуации (соответственно, $r = 0,21$, $p < 0,05$; $r = 0,27$, $p < 0,01$), что соответствует содержанию данных способов регуля-

ции эмоций. Подавление мыслей также прямо связано с эмоциональной отстраненностью во взаимодействиях с ребенком – компонентом материнского эмоционального выгорания (соответственно, $r = 0,21$, $p < 0,05$), что также соответствует содержанию данной шкалы.

Таким образом, мы можем заключить, что выявленные взаимосвязи указывают на достаточную конструктивную валидность опросника.

Сравнение стратегий регуляции эмоций у контрастных групп родителей (воспитывающих детей с РАС и нейротипичных детей) показало, что родители детей с РАС в большей степени используют когнитивную переоценку проблемных ситуаций, связанных с ребенком (среднее значение в группе родителей детей с РАС – 34,9, среднее значение в группе родителей нейротипичных детей – 24,5, $U = 280,0$, $p = 0,020$), и подавление нежелательных мыслей о таких ситуациях (среднее значение в группе родителей детей с РАС – 38,6, среднее значение в группе родителей нейротипичных детей – 18,4, $U = 165,0$, $p < 0,001$). Значимых различий стратегий избегания и капитуляции не выявлено. Возможно, что подобные поведенческие стратегии резко снижают эффективность взаимодействия с «особым» ребенком и их нецелесообразно (слишком затратно) использовать для саморегуляции эмоций. В целом более высокая напряженность когнитивных стратегий регуляции эмоций в группе родителей, воспитывающих детей с РАС, указывает на критериальную валидность опросника.

Конфирматорный факторный анализ (метод наименьших квадратов), проведенный с помощью AMOS 22, показал плохую пригодность исходной четырехфакторной модели ($RMSEA = 0,070$, $CFI = 0,435$, $TLI = 0,379$, $IFI = 0,465$). Более высокие, однако также указывающие на достаточно низкую согласованность модели, показатели пригодности были достигнуты после коррекции, включающей установление взаимосвязей между ошибками измерения ($RMSEA = 0,049$, $CFI = 0,741$, $TLI = 0,694$, $IFI = 0,764$; рис. 1). Большинство данных взаимосвязей установлено в пределах пунктов, относящихся к одной шкале, однако некоторые взаимосвязи касались пунктов разных шкал. Так, добавлена связь ошибки пункта 18, включающего обоснование поведения родителя «чтобы чувствовать себя лучше», с ошибками ряда пунктов (3, 6, 8), включающих сходные формулировки (чтобы выглядеть / чувствовать себя менее расстроенным, внутренне успокоиться). Связи ошибок пунктов 2 и 3, 2 и 22, 7 и 12 также могут следовать из сходства формулировок (во всех случаях – нежелание внешне демонстрировать негативные эмоции). Рекомендуется проверить пригодность четырехфакторной модели опросника на выборке большего размера.

Введение единственного фактора, связанного с четырьмя механизмами эмоциональной регуляции, ухудшает пригодность модели, что соответствует теоретическим основаниям, введенным авторами. Согласно им, факторы регуляции независимы.

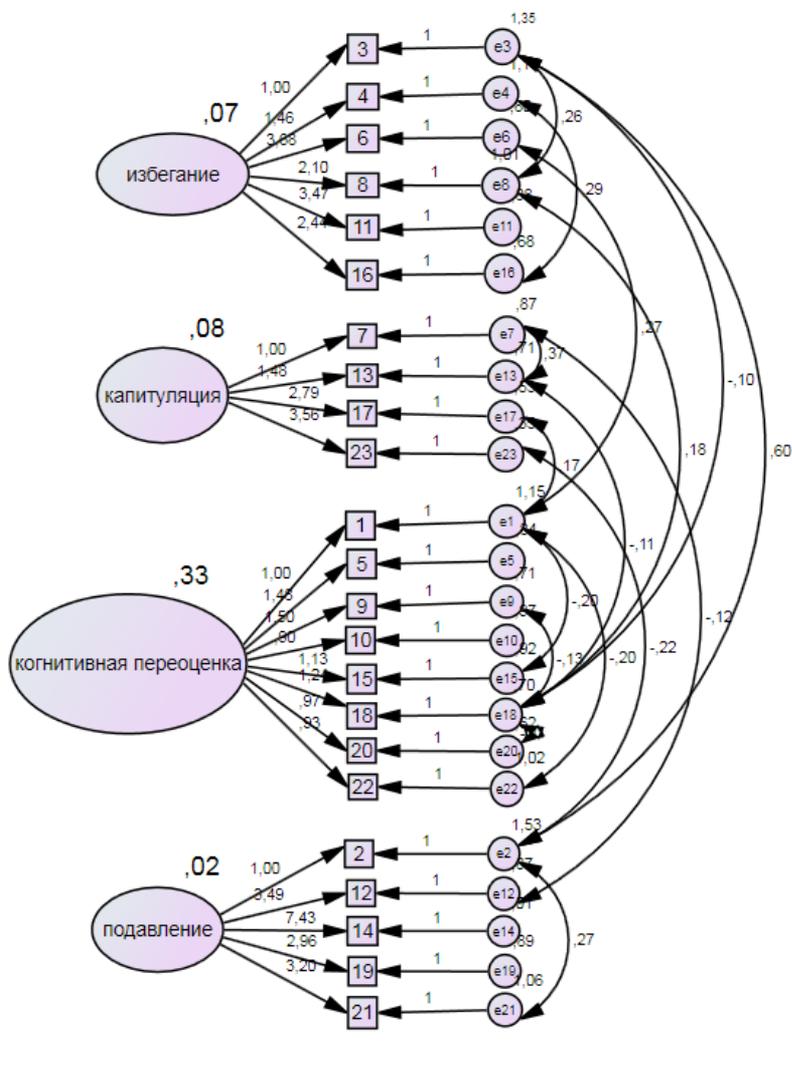

Рис. 1. Скорректированная четырехфакторная модель опросника «Регуляция эмоций у родителей»

Для уточнения числа факторов на той же выборке был проведен исследовательский анализ методом главных компонент с вращением Варимакс. Согласно графику каменной сыпи (рис. 2), выявляются четыре фактора, которые объясняют, однако, только 50,7 % общей дисперсии. Пятифакторное решение объясняет 62 % общей дисперсии и, возможно, является предпочтительным.

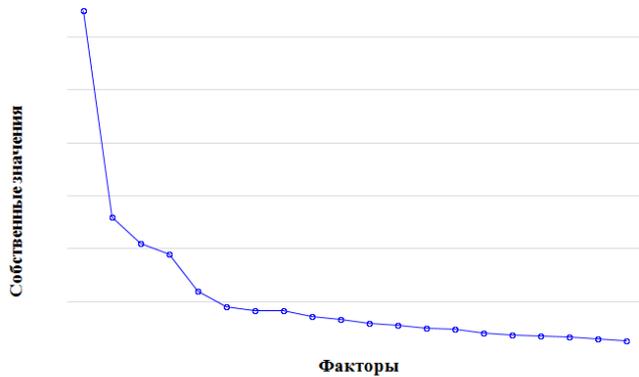

Рис. 2. График собственных значений факторов

В то же время не исключено, что четырехфакторная модель является пригодной для выявления заявленных переменных, а показатели ее несоответствия эмпирическим данным связаны с небольшим размером выборки. В пользу этого соображения выступает достаточно близкий к требуемому процент общей дисперсии, объясняемый первыми четырьмя факторами, полученными методом главных компонент.

Заключение

1. Согласованность шкал русскоязычной версии опросника «Регуляция эмоций у родителей» является хорошей.
2. Конфирматорный анализ показывает, что предлагаемая четырехфакторная модель не удовлетворяет ряду показателей пригодности. Необходимы дальнейшие исследования и, возможно, коррекция структуры опросника. Однако не исключено, что недостаточная пригодность четырехфакторной модели связана с объемом выборки испытуемых.
3. Конструктивная и критериальная валидность русскоязычной версии опросника являются приемлемыми.
4. Ретестовая надежность опросника соответствует скорее ситуативным показателям, проверка чего требует дальнейших исследований.

Список литературы

Архиреева Т. В. Методика измерения родительских установок и реакций // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 144–153.

Базалева Л. А. Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности // Вестник АГУ. 2010. Вып. 1. С. 174–182.

Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 329 с.

Дорошева Е. А., Князев Г. Г. Психометрические свойства трех опросников регуляции эмоций // Современные проблемы клинической психологии и психологии личности: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2017. С. 193–198.

Падун М. А. Регуляция эмоций и ее нарушения // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 05.08.2019).

Рассказова Е. И., Леонова А. Б., Плужников И. В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник МГУ. 2011. № 4. С. 161–179.

Gross J. J. The emerging field of emotion regulation: An integrative review // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2, № 3. P. 271–299.

Gross J. J., Jazaieri H. Emotion, emotion regulation, and psychopathology an affective science perspective // Clinical Psychological Science. 2014. Vol. 2, № 4. P. 387–401.

Lorber M. F. The role of maternal emotion regulation in overreactive and lax discipline // Journal of Family Psychology. 2012. № 26. P. 642–647.

Lorber M. F., Del Vecchio T., Feder M. A., Smith Slep A. M. A psychometric evaluation of the Revised Parental Emotion Regulation Inventory // Journal of Child and Family Studies. 2015. № 27. P. 663–680.

Приложение

Русскоязычная версия опросника PERI2

Инструкция. Вам будет предложен ряд утверждений, касающихся способов регуляции своего эмоционального состояния в проблемных (сложных, вызывающих напряжение) ситуациях взаимодействия с ребенком (детьми). Пожалуйста, оцените, насколько Вы согласны с тем, что утверждения описывают Ваше типичное поведение. Используйте следующую шкалу:

- 1) совершенно не согласен;
- 2) не согласен;
- 3) скорее не согласен;
- 4) нейтрально;
- 5) скорее согласен;
- 6) согласен;
- 7) совершенно согласен.

Утверждение

№		совершенно не согласен	не согласен	скорее не согласен	нейтрально	скорее согласен	согласен	совершенно согласен
1	Я изменяю мысли о поведении моего ребенка, чтобы испытывать меньше негативных эмоций (например, гнев, печаль)							
2	Я делаю что-нибудь, чтобы выглядеть менее расстроенным							
3	Я стараюсь сделать что-то, например, выйти и прогуляться или поговорить с кем-нибудь, чтобы выглядеть менее расстроенным							
4	Я должен выйти прочь (например, выйти из комнаты, прогуляться), чтобы продолжать демонстрировать положительные эмоции (например, радость или веселье)							
5	Я контролирую свои чувства, изменяя свои мысли о поведении моего ребенка							
6	Я стараюсь уйти от своего ребенка, чтобы внутренне успокоиться							
7	Я уступаю своему ребенку, чтобы не показать, насколько я расстроен							
8	Я стараюсь сделать что-то, например, выйти и прогуляться или поговорить с кем-нибудь, чтобы чувствовать себя менее расстроенным							
9	Я контролирую демонстрируемые мною эмоции, изменяя мысли о поведении своего ребенка							
10	Я меняю то, что я думаю о поведении своего ребенка, чтобы показывать больше положительных эмоций							
11	Я стараюсь уйти от своего ребенка, чтобы чувствовать себя лучше							
12	Я контролирую свои эмоции тем, что не показываю их							

Окончание таблицы

№	Утверждение	Оценки					
		совершенно не согласен	не согласен	скорее не согласен	нейтрально	скорее согласен	согласен
13	Я уступаю своему ребенку, чтобы чувствовать себя менее расстроенным						совершенно согласен
14	Я держу свои эмоции в себе						
15	Я побуждаю себя воспринимать поведение своего ребенка по-другому, чтобы сохранить внутреннее спокойствие						
16	Я ухожу (например, выхожу из комнаты, иду на прогулку), чтобы не показывать, что я расстроен						
17	Я позволяю своему ребенку получать то, что он хочет, чтобы я мог показать больше положительных эмоций						
18	Я переосмысливаю поведение моего ребенка, чтобы чувствовать себя лучше						
19	Я стараюсь не показывать свои негативные эмоции						
20	Я меняю свою точку зрения на поведение моего ребенка, чтобы показывать меньше отрицательных эмоций						
21	Если я начинаю чувствовать себя расстроенным, я пытаюсь спрятать или забыть это чувство						
22	Я побуждаю себя по-другому воспринимать поведение моего ребенка, чтобы выглядеть спокойным снаружи						
23	Я позволяю своему ребенку получать то, что он хочет, чтобы я мог чувствовать себя лучше						

Обработка результатов

Суммируются баллы по каждой шкале, делятся на число вопросов в шкале. Все пункты являются прямыми.

Избегание – пункты 3, 4, 6, 8, 11, 16

Капитуляция – пункты 7, 13, 17, 23

Когнитивная переоценка – пункты 1, 5, 9, 10, 15, 18, 20, 22

Подавление – пункты 2, 12, 14, 19, 21

Материал поступил в редколлегию 13.09.2019

E. A. Dorosheva¹, E. M. Kavlakan²

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

¹ *Elena.dorosheva@mail.ru*, ² *photopolet@mail.ru*

**PSYCHOMETRIC PROPERTIES
OF THE RUSSIAN-LANGUAGE VERSION
OF THE PARENTAL EMOTION REGULATION INVENTORY**

The study is devoted to preliminary investigation Russian-language version of the questionnaire “Revised Parental Emotion Regulation Inventory” psychometric properties. The sample consists of 211 parents raising 1 child – 4 children, with 184 mothers ($M = 36,5$) and 27 fathers ($M = 36,9$). All five scales and total scale have good consistency (Cronbach’s alpha from 0.78 and 0.84). Moderate retest reliability (one month interval) is shown ($r = 0.75$ to $r = 0.61$), which can indicate measurement of more situational characteristics of parental emotions regulation. Construct validity of the questionnaire was evaluated by means of correlations with scales that theoretically are connected with the emotional regulation in parents. It is generally acceptable. A higher levels of cognitive reassessment of unwanted child-related situations and suppression of thoughts about such situations were observed in parents raising children with autism spectrum disorders than in parents of neurotypical children. This indicates the criterion validity of the inventory. The results of the confirmatory factor analysis show incomplete compliance of the four-factor model with empirical data.

Keywords: emotion regulation, parental emotion regulation inventory, psychometric properties, psychodiagnostics.

References

Arhireeva, T. V. (2002) Metodika izmerenija roditel'skih ustanovok i reakcij. *Voprosy psihologii*, 2002, № 5, 144–153 (in Russ).

Bazaleva, L.A. (2010). Possibilities of research of emotional burnout in mothers in personality psychology. *Journal of AGU*, 1 (in Russ).

Volodyanova, N. E. (2009). *Psychodiagnostics of stress*. SPb.: Peter, 329 p. (in Russ).

Dorosheva, E. A., Knyazev, G. G. (2017). Psychometric properties of three questionnaires of emotion regulation. *Contemporary problems of clinical psychology and personality psychology. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Novosibirsk, 193–198 (in Russ).

Padun, M. A. (2015). Regulation of Emotions and its Violations [Electronic Resource]. *Psychological Research*, 8 (39). URL: <http://psystudy.ru> (available in: 05.08.2019) (in Russ).

Rasskazova, E. I., Leonova, A. B., Pluzhnikov, I. V. (2011). Razrabotka ruskojazychnoj versii oprosnika kognitivnoj reguljaccii jemocij. *Vestnik MGU*, № 4, 161–179 (in Russ).

Gross, J. J. (1998). The emerging field of emotion regulation: An integrative review. *Review of General Psychology*, 2 (3), 271–299.

Gross J. J., Jazaieri H. (2014). Emotion, emotion regulation, and psychopathology an affective science perspective. *Clinical Psychological Science*, 2 (4), 387–401.

Lorber, M. F. (2012). The role of maternal emotion regulation in overreactive and lax discipline. *Journal of Family Psychology*, 26, 642–647.

Lorber, M. F., Del Vecchio, T., Feder, M. A., Smith Slep, A. M. (2015). A psychometric evaluation of the Revised Parental Emotion Regulation Inventory. *Development and Psychopathology*, 27, 663–680.

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-36-42

М. В. Злобина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marinazlobina1991@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА «НОВОГО ОПРОСНИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ»

В статье представлены результаты проверки внутренней структуры «Нового опросника толерантности к неопределенности» (Т. В. Корнилова) на выборке 505 человек. Трехфакторная модель «Нового опросника толерантности к неопределенности», предложенного Т. В. Корниловой, продемонстрировала неудовлетворительное соответствие эмпирическим данным. Проведенный исследовательский факторный анализ не позволил выявить факторную структуру опросника. Данные результаты могут быть связаны с особенностями выборки. Обсуждается вопрос о роли дополнительных переменных, обуславливающих размерность конструкта.

Ключевые слова: «Новый опросник толерантности к неопределенности», толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, межличностная интолерантность к неопределенности.

В современной зарубежной и отечественной психологии все больше увеличивается значимость исследования проблемы неопределенности и отношения человека к неопределенным ситуациям.

Самым распространенным методом оценки отношения человека к ситуациям неопределенности остаются опросники.

«Новый опросник толерантности к неопределенности», разработанный Т. В. Корниловой, является одним из наиболее широко используемых русскоязычных опросников отношения человека к неопределенным ситуациям. Толерантность к неопределенности (ТН) понимается Т. В. Корниловой как интеллектуально-личностное свойство человека, которое означает

ISSN 2658-4506 (Print)
ISSN 2658-6894 (Online)

Reflexio. 2019. Т. 12, № 2

© М. В. Злобина, 2019

«принятие человеком неопределенности, новизны или противоречивости условий своих действий и решений» [Корнилова, 2010].

Методика была разработана Т. В. Корниловой в 2009 году на выборке 623 человек (421 Ж, 202 М, возраст от 17 до 48 лет). За основу автором «Нового опросника толерантности к неопределенности» была взята схема, предложенная Фурнхамом [Furnham, 1994]. В своем оригинальном исследовании он объединил в один опросник пункты четырех шкал (шкала О'Коннора, шкала Баднера, шкала Нортон и шкала Райделл и Розена), направленных на измерение толерантности-интолерантности к неопределенности. Далее, на выборке 243 человека был проведен факторный анализ для каждой из четырех указанных шкал в отдельности. В результате факторного анализа был получен в общей сложности 21 фактор (8 факторов для шкалы Нортон, три фактора для шкалы О'Коннора, 6 факторов для шкалы Райделла и Розена, 4 фактора для шкалы Баднера). Было установлено, что три шкалы (кроме шкалы Нортон), считавшиеся ранее одномерными, в действительности имеют многомерную структуру. Для шкалы О'Коннора было выделено три фактора: 1) разумные действия; 2) принятие альтернативных ответов; 3) консервативные точки зрения. Для шкалы Райделла – Розена 6 факторов: 1) готовность к принятию решений; 2) тревожность, возникающая при неопределенных стимулах; 3) желание к завершению (доопределению) проблем; 4) склонность к риску; 5) неуверенный поиск; 6) фрагментация проблемы. Для шкалы Баднера 4 фактора: 1) прогнозирование; 2) разнообразие и оригинальность; 3) ясность, прозрачность; 4) правильность, регулярность. В результате факторного анализа более высокого порядка была установлена пятифакторная структура толерантности к неопределенности.

В «Новый опросник толерантности к неопределенности» вошли три шкалы (из четырех шкал, использованных в работе Фурнхама): шкала О'Коннора, шкала Баднера и шкала Райделла и Розена. В результате апробации было выделено три фактора: толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности (факторные нагрузки $>.35$). Альфа Кронбаха для каждой из шкал составила .70, .72 и .69 соответственно.

ТН понимается автором как проявление латентной переменной «принятие неопределенности и риска», которая проявляется также в готовности к риску и предпочтении интуитивного стиля в регуляции выбора. Интолерантность к неопределенности (ИТН) трактуется как переменная, отражающая «стремление к ясности в отношении к миру в целом (и миру идей)», тогда как межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН), отражает «неприятие неопределенности в мире людей». В работе также подчеркивается необходимость рассмотрения ТН и ИТН не как полюсов одной переменной, но как двух различных свойств.

Хотя с момента разработки методики в 2009 году прошло 10 лет, мы не нашли работы за этот период, в которых бы проверялась внутренняя

структура опросника. Целью данной статьи является проверка внутренней структуры «Нового опросника толерантности к неопределенности».

Выборка

В исследовании приняли участие 505 человек в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 21,4$, $Me = 21$, $SD = 2,27$), 117 мужчин и 388 женщин, студенты и сотрудники разных факультетов НГУ.

Методики

«Новый опросник толерантности к неопределенности» (Т. В. Корнилова). Опросник состоит из 33 пунктов. Испытуемому предлагается оценить каждый пункт по семибалльной шкале Лайкерта от 1 до 7, где 1 – абсолютно не согласен, 7 – абсолютно согласен. Пункты опросника группируются в три шкалы: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности.

Результаты и обсуждение

Анализ надежности

Анализ надежности по внутренней согласованности шкал «Нового опросника толерантности к неопределенности» выявил следующие показатели. Для шкалы ТН α Кронбаха составила 0.64 (против .70, по данным Т. В. Корниловой). Для шкалы ИТН $\alpha = 0.73$. Для шкалы МИТН $\alpha = 0.70$. Таким образом, данные шкалы характеризуются удовлетворительной внутренней согласованностью.

Анализ факторной структуры

Для анализа факторной структуры «Нового опросника толерантности к неопределенности» проводился конфирматорный факторный анализ с поправкой Саторры-Бентлера, выполненный в программе EQS 6.2 for Windows. Проверялась трехфакторная модель, предложенная Т. В. Корниловой. Для оценки пригодности модели использовались следующие показатели: $RMSEA < 0,05$ (при 90 % CI от 0,000 до 0,049); $CFI > 0,95$; $IFI > 0,95$; $MFI > 0,95$.

Полученные показатели пригодности модели представлены в табл. 1. Данные результаты говорят в пользу непригодности модели. Исходя из этого, нами была предпринята попытка исследовательского факторного анализа с ортогональным вращением Varimax в программе SPSS for Windows v. 19.

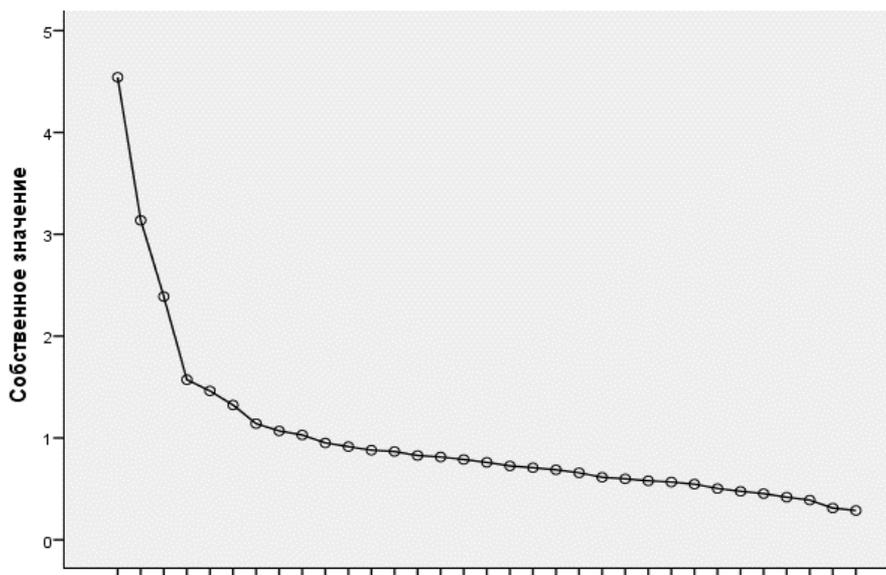
Таблица 1

Основные показатели пригодности трехфакторной модели
«Нового опросника толерантности к неопределенности»

	S-B χ^2, p	RMSEA, (90 % CI)	CFI	IFI
Трехфакторная модели НТН	1489.9, $p < 0.00000$	0.066 (CI 0.062 0.070)	0.539	0.546

Проведенный исследовательский факторный анализ выявил 9 факторов, объясняющих 53 % дисперсии. Такое количество факторов нельзя считать приемлемым, так как оно приводит к тому, что на каждый фактор приходится в среднем по 3–4 вопроса.

По графику каменной осыпи видно, что можно выделить 4 фактора, которые, однако, будут объяснять только 35 % дисперсии:

Полученные данные свидетельствуют о низкой пригодности данной модели на нашей выборке. Данный результат может быть связан с особенностями нашей выборки. Выборка в исследовании Т. В. Корниловой отличается большей разнородностью. Первое отличие касается соотношения мужчин и женщин и преобладания женщин в нашей выборке. Другое отличие относится к фактору возраста. Хотя средний возраст по выборкам не отличается, разброс по возрасту в выборке Корниловой больше ($SD = 4.71$ против $SD = 2.27$ в нашей выборке).

Мы провели конфирматорный факторный анализ данных женской части выборки, чтобы проверить, изменятся ли показатели пригодности модели. Полученные результаты пригодности трехфакторной модели на женской выборке представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные показатели пригодности трехфакторной модели
«Нового опросника толерантности к неопределенности»
на женской выборке

	S-B χ^2, p	RMSEA, (90 % CI)	CFI	IFI
Трехфакторная модели НТН (выборка женщин)	1224.6, $p < 0.00000$	0.065 (CI 0.061 0.070)	0.532	0.541

Как видно из табл. 2, показатели модели практически не изменились после исключения из выборки данных мужчин. Это дает основание предполагать, что факторная структура «Нового опросника толерантности к неопределенности» не зависит от фактора пола.

Другим возможным объяснением полученных результатов может стать зависимость факторной структуры от возраста испытуемых. Нашу выборку составили преимущественно студенты, получающие первое высшее образование. В выборку Т. В. Корниловой, помимо студентов первого высшего образования, также вошли 83 студента спецотделения ($M = 30.29$, $SD = 6.60$). Можно предположить, что модель демонстрирует низкую пригодность ввиду однородности нашей выборки, а возрастные ограничения выборки сужают возможности для интерпретации полученных данных.

Толерантность и интолерантность к неопределенности являются сложными конструктами. Хотя среди исследователей до сих пор нет единого мнения относительно размерности конструктов, все большее число авторов обнаруживает многомерную структуру толерантности / интолерантности к неопределенности (например, [Lauriola et al., 2016; Buhr & Dugas, 2002; Herman et al., 2010]). Хорошая надежность шкал анализируемой нами методики при отсутствии четко интерпретируемой факторной структуры создает необходимость дальнейшего исследования размерности измеряемого качества.

Заключение

В данной статье была проверена внутренняя структура «Нового опросника толерантности к неопределенности» (Т. В. Корнилова). Данная мето-

дика была разработана в 2009 году и является одной из наиболее часто используемых русскоязычных методик исследования толерантности / интолерантности к неопределенности. В нашем исследовании трехфакторная модель, предложенная автором методики, продемонстрировала неудовлетворительное соответствие данным. Такой результат может быть связан с различиями в выборках, в частности, с возрастными особенностями испытуемых. В свете полученных в нашем исследовании данных, встает вопрос о функционировании толерантности / интолерантности к неопределенности в структуре индивидуальности и наличии дополнительных переменных (например, возраст), обуславливающих структуру конструкта. Данное предположение требует дальнейшей проверки.

Таким образом, последующие исследования должны быть направлены на уточнение размерности конструкта толерантности / интолерантности к неопределенности и выяснение роли дополнительных факторов, которые могут обуславливать размерность конструкта.

Список литературы

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.

Buhr, K., & Dugas, M. J. The intolerance of uncertainty scale: Psychometric properties of the English version // Behavior Research and Therapy. 2002. Vol. 40. P. 931–945.

Furnham A. A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires // Personality and Individual Differences. 1994. Vol. 16 (3). P. 403–410.

Herman J. L., Stevens M. J. et al. The Tolerance for Ambiguity Scale: Towards a More Refined Measure for International Management Research // International Journal of Intercultural Relations. 2010. Vol. 34 (1). P. 58–65.

Lauriola M., Foschi R. et al. Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales // Assessment. 2016. Vol. 23, № 3. P. 353–373.

M. V. Zlobina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marinazlobina1991@mail.ru

THE INTERNAL STRUCTURE OF THE TOLERANCE-INTOLERANCE OF AMBIGUITY NEW QUESTIONNAIRE

The article presents the results of the examination of the Tolerance – intolerance of ambiguity new questionnaire on the sample of 505 subjects. The three factor model, suggested by T. V. Kornilova, demonstrated poor fit to the data. The exploratory factor analysis did not reveal the factor structure of the questionnaire. The results could be explained due to samples differences. The role of additional variables determining the dimension of the construct is discussed.

Keywords: the Tolerance – intolerance of ambiguity new questionnaire, tolerance of ambiguity, intolerance of ambiguity, interpersonal intolerance of ambiguity.

References

Buhr, K., & Dugas, M. J. (2002). The intolerance of uncertainty scale: Psychometric properties of the English version. *Behavior Research and Therapy*, 40, 931–945.

Furnham A. (1994). A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*, 16 (3), 403–410.

Herman J. L., Stevens M. J. (2010). The Tolerance for Ambiguity Scale: Towards a More Refined Measure for International Management Research. *International Journal of Intercultural Relations*, 34 (1), 58–65.

Kornilova T. V. (2010). Novyi oprosnik tolerantnosti – intolerantnosti k neopredelennosti [The tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire] *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (1), 74–86. (in Russ.)

Lauriola M., Foschi R. (2016). Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales. *Assessment*, 23 (3), 353–373.

УДК 159.9.016.5

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-43-62

В. Н. Сергеев

*Университет гражданской защиты МЧС Беларуси
ул. Машиностроителей, 25, Минск, 220118, Беларусь*

v.n.sergeev@gmail.com

НОРМАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЛЕГАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: БИХЕВИОРИСТСКИЙ ПОДХОД

В статье рассмотрено нормативное поведение, протекающее под т.н. легальным контролем. Исследованы механизмы моделирования требуемого поведения посредством нормативных установлений, способы повышения его вероятности, инструменты трансфера поведения в различные ситуации. Проведено различение паттернов индивидуального поведения, а также его социальных форм, способствующих совокупному эффекту совместных действий. Отмечается, что нормативное регулирование структурно воспроизводит модель контроля поведения по последствиям (т. е. включает в себя указание на условия, ожидаемое поведение и его результат) и может быть проанализировано с помощью так называемой АВС-схемы или формулы S_D-R-С. Подчеркивается функциональная роль вербальных правил в формуле оперантного поведения, упоминается сложность идентификации управляемого правилами поведения в череде других поведенческих актов. Важное значение придается анализу природы правил.

Ключевые слова: нормативное поведение, легальный контроль, управляемое правилами поведение, взаимообусловленные контингенции подкрепления, метаконтингенции.

Введение

Одно из словарных определений классифицирует нормативное поведение как «деятельность, поведение в полном соответствии с социальными нормами»¹. В анализе психологических аспектов нормативного регулирования может быть использован инструментарий самых различных подхо-

¹ Нормативное поведение // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике.
URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/.

дов (например, в зависимости от того, какого рода детерминанты ставятся во главу угла). Кроме того, сами нормативные установления могут быть дифференцированы по различным основаниям (формальные, неформальные нормы, моральное и легальное регулирование и т. п.). В рамках данного исследования нас будет интересовать средовые факторы поведения, которое регулируется посредством правовых актов и иных нормативных установлений, для чего мы обратимся к бихевиористскому подходу.

С учетом сделанных оговорок под *нормативным поведением* мы будем понимать стандартизированное поведение, протекающее под легальным контролем. Оно основано на реализации определенных поведенческих правил, устанавливающих более-менее четкий порядок действий в той или иной ситуации. Ряд исследователей обращает внимание на то, что нормативная регуляция поведения структурно воспроизводит модель контроля поведения по последствиям (т. е. включает указания на условия, ожидаемую в этих условиях активность и ее результат) [Todorov, 2005] и может быть проанализирована с опорой на так называемую ABC-схему² либо формулу S_D-R-C ³.

Это позволяет предварительно выделить несколько характерных особенностей такого поведения.

Во-первых, легальный контроль направлен на ограничение спонтанной активности индивида и тем самым снижение вариативности его поведения. В континууме «вариативное-стереотипное поведение» нормативное поведение в нашем определении располагается ближе ко второму полюсу. Это указывает нам на необходимость анализа специфики *стимульного контроля* такого поведения, в том числе способов *трансфера* требуемого поведения (а точнее, контроля этого поведения) из ситуации в ситуацию и формирование на этой основе устойчивых (стандартизированных) поведенческих паттернов, с учетом того, что контроль должен касаться поведенческих множеств индивидов одновременно.

Во-вторых, нормативное регулирование в рамках легального контроля означает управление сложным поведением, поскольку статьями правовых актов чаще всего подразумевается более чем одна реакция в перечне обстоятельств, где требуется определенная активность. Такой контроль основан на целой сети нормативных установлений (*web of laws*), связанных с управлением поведением [Todorov, 2005. P. 87]. Это подразумевает отдельное внимание к механизмам, благодаря которым то или иное нормативное установление *моделирует требуемое поведение* за счет указания

² А (antecedent) – antecedent, стимул, активирующий поведение; В (behavior) – поведение; С (consequent) – последствия, результат поведения (который может подкреплять поведение, увеличивая вероятность его повторения, либо служить наказанием, снижающим вероятность повторного действия).

³ S_D – так называемый дискриминативный стимул (antecedent, событие, запускающее реакцию); R – поведение; С (consequence) – последствия, результат поведения.

на условия, в которых последнее желательно, и последствия, к которым оно приведет.

Организация стимульного контроля

Легальный контроль: специфика функциональных отношений. Любой стимульный контроль, в том числе легальный, основан на установлении функциональных отношений между поведением (зависимая переменная) и набором каких-либо событий (независимые переменные). Функциональная связь подразумевает наличие устойчивой зависимости подобной «...двум сторонам уравнения», в котором, например, средовые изменения способствуют изменениям активности и наоборот [Glenn, 1991. P. 45].

С. Хайнс и У. О'Брайен [Haynes, O'Brien, 1990. P. 651–653] систематизировали характеристики таких отношений, которые подразумевают:

- некоторую степень ковариации между переменными, отличную по критериям жесткости и контроля⁴;
- неисключительность (nonexclusory) функциональной связи, означающую возможность всех переменных ситуации вступать в отношения с другими переменными;
- возможность изменяться со временем, временный, транзиторный (transient) характер отношений;
- различный статус независимой переменной (в измерениях необходимости и достаточности);
- возможность формализации функциональных связей;
- ограниченность области действия функциональных отношений (они устанавливаются в определенном контексте и отсутствуют в другом);
- возможность взаимодействия переменных различного уровня (микро- и макроуровни);
- возможность реципрокности (взаимовлияния), или двунаправленности переменных⁵;
- приоритет причинной переменной в каузальных функциональных отношениях: «Чтобы событие было причинно-следственным, необходимо, но недостаточно, чтобы событие предшествовало тому, что оно вызывает» [Haynes, O'Brien, 1990. P. 653]⁶.

В основе легального, как и любого нормативного, контроля поведения по определению должны лежать *механизмы повышения вероятности* требуемого поведения, поскольку любая статья правового документа, будучи своеобразным «письменным заявлением» (written statement), содержит

⁴ Они говорят о том, что функциональные отношения могут быть каузальными либо корреляционными по природе [Haynes, O'Brien, 1990. P. 651]. Классический поведенческий анализ в большей степени ориентирован на поиск каузальных связей, лежащих в основе функциональных отношений, что подходит нам в связи с предметом исследования.

⁵ Что означает взаимное влияние поведения и среды.

⁶ Ключевое значение имеют последствия поведения.

возможность различных толкований, а также риск несоблюдения [Todorov, 2009. P. 12], в том числе в связи со стохастичностью естественной среды. В любом случае повышение вероятности требуемого поведения подразумевает выведение поведения из-под прямого диктата естественных событий.

Именно поэтому в области легального контроля отношения переменных должны быть детерминантными. Ранее мы определили детерминантные отношения как «...формирование каузальной связи средовых переменных с поведением при том, что средовые переменные являются необходимым и достаточным условием для активации определенного поведения» [Сергеев, 2018б. С. 226].

Соответственно, легальный контроль подчеркивает приоритет нормативной регуляции с целью блокировки влияния иных, «не предусмотренных» переменных (при невозможности такое влияние исключить) в ситуации, в которой данный контроль осуществляется.

Стимульный контроль: социальное поведение и социальное опосредование. При характеристике легального контроля важно учесть, что нормативные предписания требуют от индивида социального поведения. Б. Скиннер определял последнее как «поведение двух или более людей в отношении друг друга или как их совместное поведение в отношении общей среды» [Скиннер, 2017а. С. 342]. Причем поведение одного выступает в качестве antecedента или последствия для поведения второго [Vasconcelos, Todorov, 2015. P. 111]. Поведение каждого человека регулируется индивидуальными условиями подкрепления (контингенциями)⁷, однако в случае социального поведения частью этих условий являются действия другого индивида [Morford, Cihon, 2013. P. 5]. И тогда активность других служит не только средовым фактором, аналогичным естественным событиям, но и способствует взаимному обогащению поведенческих репертуаров участников по механизму социального научения [Glenn, 1991. P. 58].

Взаимная координация некоторой активности на основе включения поведения одного индивида в стимульную среду другого подразумевает также, что участники ситуации служат друг для друга дополнительным фактором, ограничивающих спонтанную активность. Такая ситуация взаимного ограничения возможных действий двух или более индивидов обозначается термином «*взаимобусловленные контингенции поведения*» (interlocking behavioral contingencies) [Morford, Cihon, 2013. P. 6] (далее ВКП). Указание на достаточно жесткую функциональную связь («interlocked») подчеркивает ту роль, которую поведение или поведенческие результаты участников сообщества играют в качестве составляющей персональных условий (контингенций), контролирующей поведение членов внутри групп

⁷ Термином «контингенции (подкрепления)» в анализе поведения называют (единственно возможные) условия, в которых может быть установлена функциональная связь конкретного поведения с конкретными (именно этими) последствиями.

пы [Houmanfar, Rodrigues, Ward, 2010. P. 86], каждый член которой является для другого своеобразным индивидуализированным воплощением социума («вербального сообщества» в терминологии Э. Варгас [2010]) в конкретных обстоятельствах, в которых происходит поведение. Благодаря такому персональному присутствию члена сообщества «...социальное подкрепление, как правило, представляет собой индивидуальное посредничество» [Скиннер, 2017а. С. 344].

Такие взаимообусловленные условия могут приводить к двум типам последствий:

- координация будет ситуационным, средовым фактором, переменной индивидуального поведения, наравне с другими событиями;
- ВКП будут приводить к системному эффекту в виде последствий, которые не могут быть получены в отсутствие социального поведения [Borba, Tourinho, Glenn, 2017], и трактоваться как последствия многих индивидуальных действий одновременно [Borba et al., 2014. P. 7]⁸. Такие последствия исследователями обозначаются как *совокупный продукт* (aggregate product) [Morford, Cihon, 2013. P. 6], причем особо подчеркивается, что прямой функциональной связи последствий индивидуальных поведений с совокупным продуктом может не наблюдаться [Vasconcelos, 2013. P. 33; Borba et al., 2014. P. 6].

Легальный контроль последствий. В рассматриваемой трактовке нормативного поведения особое значение приобретает *институционализация социального контроля*, которая помимо прочего означает, что правила могут использоваться для «синхронизации или иного рода координации членов группы» [Скиннер, 2017а. С. 388–389]. Условием эффективности такой синхронизации является тот факт, что все члены сообщества, к которому применяется контроль, овладевают формами требуемого поведения посредством механизма социального научения [Glenn, 2013. P. 213], в результате чего в репертуаре нескольких или многих индивидов можно наблюдать схожее поведение, являющееся результатом такого научения. З. Гленн обозначила этот тип как «макроповедение» (macrobehavior) [Glenn et al., 2016. P. 18].

Фактором, объединяющим всех участников ситуации, является в таком случае не только следование нормативным предписаниям, но и тот факт, что все они одновременно находятся под *общим постцедентным контролем* (контроль за общими последствиями) [Todorov, 2013. P. 68].

Сам факт легального контроля означает надситуативность правил. Как отмечалось, взаимосвязанное и скоординированное поведение участников ситуации под общим постцедентным контролем может приводить к совокупному эффекту. Условия, в которых ВКП приводят к такому эффекту, получили название *метаконтингенции* (metacontingency) [Hunter, 2012.

⁸ Иначе говоря, системный эффект не является простой суммой последствий индивидуальных поведений.

Р. 44]. Термин характеризует те случаи, когда социальной значимостью обладает не столько индивидуальные поведения участников ситуации, сколько сам совокупный продукт некоторых из них [Glenn, 2013. Р. 237; Vorba, Tourinho, Glenn, 2017]. И тогда социальный контроль будет направлен не на то, чтобы обеспечить детальное повторение индивидуальных действий (буквально таких же), а на то, чтобы обеспечить условия для повторения ВКП (самой совокупности) [Krispin, 2016. Р. 29] именно с тем системным эффектом, который требуется [Morford, 2013. Р. 6]⁹.

Тем самым некоторые паттерны поведения приобретают *культуральное значение* и происхождение [Todorov, 2009. Р. 11], что в свою очередь гарантирует трансфер требуемого поведения через индивидуальные репертуары [Glenn et al., 2016. Р. 17], и регулярное воспроизводство ВКП в виде, например, групповых правил [Smith, Houmanfar, Louis, 2011. Р. 124], в том числе между поколениями [Glenn, 1991. Р. 60].

Основным элементом, отличающим эту единицу анализа, является наличие (метаконтингенции) или отсутствие (ВКП) культуральных последствий [Tadaiesky, Tourinho, 2012. Р. 135]. В первом случае возможно обратное влияние культуральных факторов на индивидуальное поведение за счет влияния на его последствия [Vasconcelos, 2013. Р. 33]. Как отмечает З. Гленн, случай ВКП может быть полностью объяснен историями подкрепления участвующих людей и текущей средой для поведения каждого, в то время как в случае с метаконтингенциями повторяемость ВКП объясняется какими-то дополнительными надситуативными факторами [Glenn, 2010. Р. 80; Vichi, Andery, Glenn, 2009. Р. 44].

Другими словами, на социальном уровне может быть артикулирована заинтересованность в совокупном эффекте. Далее вопрос состоит в том, насколько такая заинтересованность детерминирует индивидуальное поведение. В случае, если сообществом какие-либо паттерны признаны принципиально важными для производства совокупного эффекта, – они будут способствовать детализации правил и стандартизации поведения. В противном случае может допускаться большая персональная вариативность.

Формирование нормативного поведения

Два типа стимульного контроля. Учет описанной выше специфики правил позволил сформулировать положение о двух функциональных типах поведения: поведение, управляемое условиями подкрепления (contingency-governed behavior, contingency-shaped behavior) и поведение, управляемое правилами (rule-governed behavior), в котором «условия, производными от которых являются правила, могут не влиять на нас напрямую»

⁹ В таком случае может быть не принципиальным количество участников, топографические (форма) и другие характеристики поведения конкретного индивида. Социальная заинтересованность касается не столько того, как именно должен вести себя конкретный спасатель, сколько того, каким будет результат его активности.

[Skinner, 2013. P. 128] ¹⁰. Критерием различия в данном случае выступает не топография, а *источник контроля поведения*: в первом случае он происходит из условий подкрепления, а во втором - из описания условий подкрепления.

Идентификация управляемого правилами поведения, с точки зрения А. Катанья, возможна тогда, когда оба обозначенных типа контроля (правилами и условиями) *не присутствуют одновременно* [Catania, Shimoff, Matthews, 1989. P. 121]: формально нет необходимости в правиле, если поведение в равной степени контролируется условиями (человек делает нечто и без инструкции). Развивая мысль подчеркнем, что в условиях ежемоментного наличия в среде большого числа потенциальных подкрепителей может быть не просто доказать факт именно инструктивного контроля, например, остановился ли человек потому, что услышал команду, или по иной причине (вероятно, один из способов проверки – выявление «перераспределения» поведенческой чувствительности от условий подкрепления к инструкции). Это заставляет предположить, что в случае неконгруэнтности правил и подкрепляющих условий преимущество будет у последних (изменившиеся условия могут прервать исполнение вербальных инструкций, благодаря чему правило может нуждаться в постоянном «воспроизводстве»).

В поведенческом подходе термин «правило» трактуется прежде всего как вербальное описание условий поведения в виде инструкций, приказов, советов и т. п. Говорить о поведенческих правилах стало возможным лишь в контексте развития концепции вербального поведения, социального по природе (пусть и в функциональном прочтении). Скиннер определял его как «...поведение, подкрепляемое при посредничестве других людей» [Скиннер, 2017б. С. 107] или, более функционалистски, «как любое поведение со стороны говорящего, подкрепляемое через посредство слушателя (through the mediation of a listener)» [Hayes, Blackledge, Barnes-Holmes, 2001. P. 9]. Такой посредник вводится в качестве четвертой переменной формулы, что имеет серьезное влияние на динамические свойства поведения [Skinner, 1957. P. 239–240]. Тот факт, что в функциональном анализе «говорящий» («спикер») – это прежде всего переменная, не подразумевает его обязательного реального, «телесного» представления. Однако физическое отсутствие посредника рано или поздно негативно скажется на вероятности повторения вербального поведения и эффективности научения [Skinner, 1957. P. 86].

Вербальные правила и «независимость» от среды. Способность к вербальному поведению демонстрируют лишь те («вербальные организмы») в терминологии С. Хайеса и его коллег), кто способен «понять» устанавли-

¹⁰ Несмотря на то что в поведенческих науках термин «управляемое правилами поведение» используется весьма широко, в отношении него присутствуют определенные разночтения, которые разбирались нами в других публикациях (например, [Сергеев, 2018а]).

ваемые вербально (в «лингвистических ситуациях») связи¹¹. При этом вербальные события двунаправленны (подразумевают произвольность связи слова и обозначаемого им), конвенциональны и основаны на производных от научения функциях (в том смысле, что событие, представленное вербально производит иной эффект, нежели то же самое событие, стимулирующее непосредственно) [Hayes, Hayes, 1989. P. 175].

В отличие от невербальных, вербальные события могут одновременно выступать и как стимул, и как реакция, а также в определенных контекстах могут делать эквивалентными вербальные реакции и невербальные события (например, слово «стоп» и красный сигнал светофора) [Catania, 1986].

Благодаря этому вербальное поведение вносит лепту в расширение стимульных функций, поскольку «...обычно вербальное поведение является следствием множества причин. Отдельные переменные сочетаются, расширяя свое функциональное управление поведением, а из сочетания старых фрагментов поведения возникают его новые формы» [Скиннер, 2017б. С. 116]. Иными словами, вербальное поведение может собирать воедино множество (потенциальных) средовых стимулов, при прочих условиях не действующих совместно: «правило увязывает один или более дискриминативных стимулов, связанные виды активности и релевантные последствия независимо от иных многочисленных событий, которые могут произойти в интервале между любыми двумя элементами» [Kunkel, 1997. P. 700–701].

«Трансформация» среды в вербальном правиле. Рассматриваемый тип поведения подразумевает опосредованность вербальным стимулом взаимодействия организма со средой, поскольку, например, слово выступает «заменителем» собственного референта (т. е. между организмом и средой – «вербальный слой», определяющий формат контакта между ними). В этом смысле правило как вербальный стимул как раз и является средством обеспечения «контакта (организма. – В. С.) с областью (domain) событий» [Barnes-Holmes, O’Hora, Roche, 2001. P. 108], например, за счет предложения сценария такого контакта. По сути, когда правило понято, средовые события, которые «участвуют» в правиле, приобретают вербальные функции в связи с ним (и в терминах правила) [Barnes-Holmes, O’Hora, Roche, 2001. P. 108].

Разумеется, «само по себе следование правилу должно возникать из условий подкрепления» (которые используются «говорящим» как условно-специфический стимул) [Pierce, Cheney, 2013. P. 347]. Правила есть производные от условий и существуют в форме предписаний или описаний, указывающие на поводы, реакции и последствия [Skinner, 2013. P. 148], при

¹¹ Что характерно, в теоретических работах сторонников поведенческого подхода бывает сложно встретить детальное пояснение того, что понимается под «вербальностью» как таковой, и насколько последняя связана именно с естественными языками. Из контекста можно предположить, что под термин подходит практически любое социальное поведение, а термин подразумевает самые разнообразные формы координации индивидов.

этом наличие правила не «разрывает» контакта организма с (невербальной) средой [Zettle, Young, 1987. P. 38]¹². Просто такое поведение будет «чувствительно к последствиям (поведения) только в той степени, в которой правила соответствуют этим последствиям» [Catania, Shimoff, Matthews, 1989. P. 120].

Вербальные правила и генерализация стимульной среды. По словам Б. Ф. Скиннера, генерализация – «это просто термин для описания того факта, что контроль, принадлежащий одному стимулу, разделяется с другими стимулами с общими характеристиками» [Скиннер, 2017а. С. 155]. Это означает, что правило как antecedent в формуле поведения может быть связано с большим числом стимулов, чем в нем «заявлено»: благодаря правилу происходит трансформация функций средовых стимулов, «...когда функция предшествующего... стимула трансформируется с точки зрения (in terms) другого стимула» [Dixon, Speelman, Rowsey, 2016]. Тем более что характер правил этому однозначно способствует: «Вербальное поведение обычно является следствием нескольких причин. Отдельные переменные комбинируются для расширения их функционального контроля, а новые формы поведения возникают из рекомбинации старых фрагментов» [Skinner, 1957. P. 43]. Или иначе: средовые события, которые инструкция уточняет, являются теми средовыми переменными, которые «собираются» воедино для слушателя в правиле¹³ [Tarbox, Zuckerman, Bishop, 2011. P. 126].

Наконец, вербальное поведение способствует структурированию реакций организма и трансферу опыта: поведение человека, формирующееся на протяжении длительного времени (в том числе случайно) может быть генерализовано при помощи вербальных инструкций и «...стать источником контроля за вербально управляемым поведением множества других людей» [Palmer, 2017. P. 10]. Поскольку правило может генерализовать стимулы, оно, как стимул, само может быть генерализовано, что гарантирует ему «живучесть» и возможность трансфера в иные ситуации.

Становление поведения, подразумевающего следование правилам, может быть истолковано «...как процесс генерализации: 1) от правил, напрямую увязанных (paired with) с подкреплением их соблюдения к правилам без такой связи; 2) от правил, подкрепляемых теми, кто их устанавливает (rule-staters and instruction givers) – к правилам, которые непосредственно не подкрепляются теми, кто их предоставляет; и 3) от выработанных самостоятельно правил (self-produced) с подкреплением их соблюдения – к подобным же правилам без подкрепления» [Reese, 1989. P. 35–36].

¹² С позиции дисциплинарной онтологии поведенческих наук поведения вне среды не существует.

¹³ Причем такая селекция подразумевает, что другие возможные стимулы «отбрасываются».

Темпоральный аспект правил. Независимо от того, насколько генерализовано правило, оно всегда основано на вероятностном характере последствий и своеобразном вербальном «удвоении» подкреплений: контроль инструктирующим соблюдением правила дополняется контролем «обещанными» последствиями в будущем.

Тем самым в инструкцию вводится отсылка к будущим обстоятельствам: анализ управляемого правилами поведения «...следует сфокусировать на связях между подразумеваемым (implicit) поведением и не присутствующими (non-presented) условиями подкрепления» [Pelaez, 2001, P. 9], что, тем не менее, «усиливает вероятность некоторой реакции в другое время в присутствии другого стимула» [Schlinger Jr., 1990. P. 81], и таким образом (вербальное) правило служит для трансформации средовых стимулов [Dixon, Speelman, Rowsey, 2016].

Для повышения влияния в правиле должны содержаться некоторые временные и каузальные составляющие (какие сроки и какие последствия подразумеваются в отношении требуемого поведения) [Törneke, Luciano, Salas, 2008. P. 144].

Дискриминация стимула и мотивационные операции. Достаточно логичной и распространенной является позиция, основанная на признании за правилом активирующей функции и, соответственно, ассоциировании его с ролью дискриминативного стимула (S_D), запускающего определенное действие в определенной ситуации. Тем самым с учетом вероятностных взаимоотношений переменных и ориентирующей роли дискриминативного стимула правило, прежде всего исполняет функцию antecedenta (т. е. S_D), «задающего поведение и определяющего последствия» [Törneke, Luciano, Salas, 2008. P. 142]. Причем в контексте всего сказанного выше задача правила, как и любого дискриминативного стимула, заключается в повышении вероятности некоторой реакции [Skinner, 1989. P. 87]. В случае с правилами говорящий не только участвует в предоставлении инструкции, поскольку поведение с участием правила «...включает представление инструкции, реакцию, вызванную инструкцией, и последствия, предоставленные инструкциональным агентом в зависимости от ее соблюдения» [Cerutti, 1989. P. 260]. В этом смысле «будучи дискриминативным стимулом правило эффективно как раз за счет перечня условий подкрепления» [Skinner, 2013. P. 146].

Таким образом, правило появляется только там, где говорящий как бы дважды повышает вероятность требуемого поведения: путем дискриминации стимула и при помощи «анонса» последствий. Или, иначе, «говорящий» предлагает «слушателю» свою «версию» S_D и S_{reinF} , куда тому следует «добавить» подходящую реакцию (R). Если слушатель действует по-другому – правило не работает: «...мы не смогли бы назвать дискриминативный стимул правилом, если бы он не производил поведенческого эффекта на слушателя» [Catania, 1989. P. 50]. Однако здесь необходимо уточ-

нить, что такой эффект должен быть именно близок к требуемому. Самого возникновения (любого) поведения в ответ на вербальный стимул недостаточно.

Многие исследователи справедливо отмечают недостаточность указания на «дискриминативную» природу правила [Glenn, 1989. P. 51], что связано с более детальным анализом того, как работает сама процедура дискриминации стимула¹⁴. А именно речь идет о том, что для исполнения своей функции контроля поведения стимул должен *присутствовать в ситуации*: «Дискриминативный стимул контролирует некое поведение, поскольку он связан с дифференцированной доступностью эффективного подкрепления для данного типа поведения. Это означает, что *последствие доступно в присутствии дискриминативного стимула и недоступно в его отсутствие* (курсив наш. – В. С.)» [Майкл, 2016. С. 430].

С учетом того, что в рамках легального контроля правила по определению описывают ситуацию *заранее*, только обещая те или иные последствия, они могут лишь формировать *предпочтения* индивидов находиться под контролем одних стимулов в противовес другим, различать одни события и игнорировать другие, т. е. дискриминировать свое поведение именно теми стимулами, которые подразумеваются правилом.

Универсальным способом *усилить* такие предпочтения является не столько реальный результат требуемого поведения (ни поведения, ни последствий еще нет), сколько *увеличение значимости* последствий, обещанных правилом за нужное поведение. Такая процедура повышения значимости (дискриминация стимула «заранее») именуется мотивационной операцией, изменяющей *ценность* подкрепления [Miltenberger, 2012. P. 73].

Таким образом, «дискриминативный стимул связан с дифференцированной доступностью эффективного в данный момент подкрепления, получаемого за определенный тип поведения, а мотивационные условия связаны с дифференцированной эффективностью подкрепления, то есть мотивационные условия превращают какое-либо внешнее событие или объект в более или менее эффективное подкрепление» [Майкл, 2016. С. 430]. Мотивационные операции, соответственно, опираются на следующий механизм: они увеличивают или уменьшают *подкрепляющую способность* (значимость, ценность) какого-либо последствия поведения (reinforcer)¹⁵ и тем самым увеличивают или снижают частоту определенного поведения [Miltenberger, 2012. P. 73; Майкл, 2016. С. 413].

¹⁴ Т. е. «выбора» индивидом того события из всех возможных, которое можно «считать поводом» для своих действий.

¹⁵ И последствия становятся «более подкрепляющими» именно благодаря мотивационной операции [Chris Ninness, McCuller, Ozenne, 2000. P. 36]. Если бы эти последствия специально не акцентировались в правиле, они могли бы не обладать таким эффектом.

Вербальное указание на последствия в правиле призвано не только повысить вероятность требуемого поведения, но и ускорить его выполнение за счет снижения «поведенческой чувствительности» (behavior sensitivity) к иным видам стимуляции [Cerutti, 1989. P. 260; Kudadjie-Gyamfi, Rachlin, 2002. P. 29; Baumann, Abreu-Rodrigues, Souza, 2009. P. 642; Сергеев, 2018a. С. 88].

Вместо заключения: еще раз о контроле исполнения

С точки зрения процессуального контроля индивидуального поведения выделяют *функциональные классы следования правилам* (как именно индивид должен вести себя под контролем правила). В зависимости от специфики предъявляемых правил и способа организации контроля возможны несколько паттернов «соблюдающего» поведения.

- Контролируется и подкрепляется *соответствие поведения правилу* (инструкции), которое чаще всего предъявляется непосредственно, что наиболее эффективно в случае «физического» присутствия предъявителя (и, соответственно, подкрепителя) правила [Törneke, Luciano, Salas, 2008. P. 145]. Подразумевается, что подкрепитель способен влиять на (или обеспечивать) последствия поведенческого ответа. Данный паттерн следования правилу наименее чувствителен к прочим средовым условиям. Иными словами, в конкретной обстановке есть не «правила вообще», а воплощенный и функционально представленный контроль соответствия. Само наполнение вербального стимула («делай так-то») вторично, важно соответствие.

- Контролируется и подкрепляется поведение, выстроенное на основе *«соответствия между правилом и определенным способом устройства мира»* [Zettle, Young, 1987. P. 34]. Оно не зависит от способности вербального сообщества давать текущие инструкции и подкреплять их исполнение, поскольку контролируется скорее *форма* поведения («в определенной ситуации вести себя определенным образом, мелкие нюансы не важны»). Данный вариант подразумевает наличие неких «правил вообще», в том числе генерируемых самостоятельно (например, «действуй как положено»).

- Правилом устанавливаются и акцентируются последствия, *к которым приведет следование ему*, причем последствия могут быть отдаленными и вероятностными. Тем не менее, благодаря воплощению в вербальной форме, *не существующие пока последствия уже влияют* и изменяют условия подкрепления в данный момент [Törneke, Luciano, Salas, 2008. P. 155].

В любом случае следует еще раз подчеркнуть, что «стандартизирует» нормативное поведение не столько его топография (что и как делается), сколько сама специфика (легального) социального контроля, трансфер которого (в синхронии и диахронии) и определяет, в скольких ситуациях и на

протяжении какого времени поведение будет активироваться, а правила будут работать.

Список литературы

Варгас Э. А. «Вербальное поведение» Б. Ф. Скиннера: Введение // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2010. Т. 4, № 2. С. 56–78.

Майкл Дж. Мотивационные условия // Прикладной анализ поведения. Пер. с англ. / Дж. О. Купер, Т. Э. Херон, У. Л. Хьюард. М.: Практика, 2016. Гл. 16. С. 412–432.

Сергеев В. Н. Вербальные правила и следование им: к проблеме средовой детерминации поведения в современном бихевиоризме // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018а. № 3. С. 83–94.

Сергеев В. Н. Стратегии исследования личностной детерминанты в бихевиоральных подходах: сходства и различия // Межвузовский сборник научных статей с международным участием «Современные проблемы психологии». Минск: БГУ, 2018б. С. 223–235.

Скиннер Б. Ф. Наука и человеческое поведение / Пер. с англ. А. А. Федорова, А. И. Васильева. Новосибирск, 2017а. 517 с.

Скиннер Б. Ф. Функциональный анализ вербального поведения. Глава 1 из книги «Вербальное поведение» // Reflexio: научный психологический журнал. 2017б. Т. 10, № 1. С. 106–117.

Barnes-Holmes D., O’Hora D., Roche B. Understanding and Verbal Regulation // Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition / Ed. by S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, B. Roche. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001. P. 103–118.

Baumann A. A., Abreu-Rodrigues J., Souza A. Rules and Self-Rules: Effects of Variation Upon Behavioral Sensitivity to Change // The Psychological Record. 2009. № 59. P. 641–670. DOI 10.1007/BF03395685.

Borba A., Tourinho E. Z., Glenn S. Effects of Cultural Consequences on the Interlocking Behavioral Contingencies of Ethical Self-Control // The Psychological Record. 2017. DOI 10.1007/s40732-017-0231-6.

Borba, A., Rodrigues da Silva B., Cabral P., de Souza L. B., Leite F. L., Tourinho E. Z. Effects of Exposure to Macrocontingencies in Isolation and Social Situations in the Production of Ethical Self-Control // Behavior and Social Issues. 2014. Vol. 23. P. 5–19.

Catania A. Ch. On the Difference between Verbal and Nonverbal Behavior // The Analysis of Verbal Behavior. 1986. № 4. P. 2–9. DOI 10.1007/BF03392809.

Catania A. Ch. Rules as Classes of Verbal Behavior: A Reply to Glenn // The Analysis of Verbal Behavior. 1989. № 7. P. 49–50.

Catania A. Ch., Shimoff E., Matthews B. A. An Experimental Analysis of Rule-Governed Behavior // *Rule-Governed Behavior*. Ed. by S. C. Hayes. Springer, Boston, MA, 1989. P. 119–150. DOI 10.1007/978-1-4757-0447-1_4.

Cerutti D. T. Discrimination Theory of Rule-Governed Behavior // *Journal of the Experimental Analysis Of Behavior*. 1989. Vol. 51, № 2. P. 259–276. DOI 10.1901/jeab.1989.51-259.

Chris Ninness H. A., McCuller G., Ozenne L. School and Behavioral Psychology: Applied Research in Human-Computer Interactions, Functional Assessment and Treatment. New York: Springer Science + Business Media, 2000. 200 p.

Dixon M. R., Speelman R. C., Rowsey K. E. Derived Rule-Following and Transformations of Stimulus Function in a Children's Game: An Application of PEAK-E with Children with Developmental Disabilities // *Journal of Contextual Behavioral Science*. DOI 10.1016/j.jcbs.2016.05.002.

Glenn S. Contingencies and Metacontingencies: Relations Among Behavioral, Cultural, and Biological Evolution // *Behavioral Analysis of Societies and Cultural Practices*. Ed. by P. A. Lamal. 1991. P. 39–73.

Glenn S. Metacontingencies, Selection and OBM: Comments on “Emergence and Metacontingency” // *Behavior and Social Issues*. 2010. Vol. 19. P. 79–85.

Glenn S. On Rules and Rule-Governed Behavior: a Reply to Catania's Reply // *The Analysis of Verbal Behavior*. 1989. № 7. P. 51–52.

Glenn S. Operant Contingencies and the Origin of Cultures // *Behavior Theory and Philosophy*. Ed. by K. A. Lattal, Ph. N. Chase. New York: Springer Science + Business Media, LLC, 2013. P. 223–242.

Glenn S., Malott M., Andery M. A., Benvenuti M., Houmanfar R., Sanderker I., Todorov J. C., Tourinho E., Vasconcelos L. A. Toward Consistent Terminology in A Behaviorist Approach to Cultural Analysis // *Behavior and Social Issues*. 2016. № 25. P. 11–27.

Hayes S. C., Blackledge J. T., Barnes-Holmes D. Language and Cognition: Constructing an Alternative Approach within the Behavioral Tradition // *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition*. Ed. by S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, B. Roche. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001. P. 3–20.

Hayes S. C., Hayes L. The Verbal Action of the Listener as a Basis for Rule-Governance // *Rule-Governed Behavior/* ed. by Steven C. Hayes. Springer, Boston, MA, 1989. P. 153–190. DOI 10.1007/978-1-4757-0447-1_5.

Haynes S. N., O'Brien W. H. Functional Analysis in Behavior Therapy // *Clinical Psychology Review*. 1990. Vol. 10. P. 649–668.

Houmanfar R., Rodrigues N. J., Ward T. A. Emergence and Metacontingency: Points of Contact and Departure // *Behavior and Social Issues*. 2010. № 19. P. 78–103.

Hunter Ch. S. Analyzing Behavioral and Cultural Selection Contingencies // *Revista Latinoamericana de Psicología Volumen*. 2012. Vol. 44, № 1. P. 43–54.

Krispin J. V. What Is the Metacontingency? Deconstructing Claims of Emergence And Cultural-Level Selection // *Behavior and Social Issues*. 2016. № 25. P. 28–41.

Kudadjie-Gyamfi E., Rachlin, H. Rule-governed versus Contingency-Governed Behavior In A Self-Control Task: Effects of Changes In Contingencies // *Behavioural Processes*. 2002. Vol. 57. P. 29–35. DOI 10.1016/S0376-6357(01)00205-4.

Kunkel J. H. The Analysis of Rule-Governed Behavior in Social Psychology // *The Psychological Record*. 1997. Vol. 47. P. 699–716. DOI 10.1007/BF03395254.

Miltenberger, R. G. Behavior Modification / Principles and Procedures, Fifth Edition R.G. Wadsworth, Cengage Learning, 2012, 554 p.

Morford Z. H., Cihon T. M. Developing an Experimental Analysis of Metacontingencies: Considerations Regarding Cooperation in a Four-Person Prisoner's Dilemma Game // *Behavior and Social Issues*. 2013. № 22. P. 5–20.

Palmer D. C. Commentary on Skinner's Contingencies of Reinforcement (2015) // *Operants*. 2017. 1. P. 8–11. URL: <https://www.bf Skinner.org/behavioral-science/operants/>.

Pelaez M. Morality as a System of Rule-Governed Behavior and Empathy // *Behavioral Development Bulletin*. 2001. Vol. 1. P. 8–14. DOI 10.1037/h0100475.

Pierce W. D., Cheney C. D. Behavior Analysis and Learning. 5th ed. New York: Taylor & Francis, 2013. 585 p.

Reese H. W. Rules and Rule-Governance: Cognitive and Behavioristic Views // *Rule-Governed Behavior*. Ed. by S. C. Hayes. Springer, Boston, MA, 1989. 1989. P. 3–84.

Schlinger H. D., Jr. A Reply to Behavior Analysts Writing About Rules and Rule-Governed Behavior // *The Analysis of Verbal Behavior*. 1990. № 8. P. 77–82. DOI 10.1007/BF03392849.

Skinner B. F. Contingencies of Reinforcement. A Theoretical Analysis. B. F. Skinner Foundation, 2013. 310 p.

Skinner B. F. The Behavior of the Listener // *Rule-Governed Behavior*. Ed. by S. C. Hayes. Springer, Boston, MA, 1989. P. 85–96. DOI 10.1007/978-1-4757-0447-1_2.

Skinner B. F. Verbal Behavior. Cambridge. B. F. Skinner Foundation Reprint Series, 1957. 553 p.

Smith G. S., Houmanfar R., Louis S. J. The Participatory Role of Verbal Behavior in an Elaborated Account of Metacontingency: From Conceptualization to Investigation // *Behavior and Social Issues*. 2011. № 20. P. 122–146.

Tadaiesky L. T., Tourinho E. Effects of Support Consequences and Cultural Consequences on the Selection of Interlocking Behavioral Contingencies // *Revista Latinoamericana de Psicología Volumen*. 2012. Vol. 44, № 1. P. 133–147.

Tarbox J., Zuckerman C. K., Bishop M. R. Rule-Governed Behavior: Teaching a Preliminary Repertoire of Rule-Following to Children with Autism // *The Analysis of Verbal Behavior*. 2011. Vol. 27. P. 125–139.

Todorov J. C. Behavioral Analysis of Non-Experimental Data Associated With Cultural Practices // *Behavior and Social Issues*. 2009. Vol. 18. P. 10–14.

Todorov J. C. Conservation and Transformation of Cultural Practices Through Contingencies and Metacontingencies // *Behavior and Social Issues*. 2013. Vol. 22. P. 64–73.

Todorov J. C. Laws and the Complex Control of Behavior // *Behavior and Social Issues*. 2005. Vol. 14. P. 86–91.

Törneke N., Luciano C., Salas S. V. Rule-Governed Behavior and Psychological Problems // *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*. 2008. Vol. 8. № 2. P. 141–156.

Vasconcelos I. G., Todorov J. C. Experimental Analysis of the Behavior of Persons in Groups: Selection of an Aggregate Product in a Metacontingency // *Behavior and Social Issues*. 2015. № 24. P. 111–125.

Vasconcelos L. A. Exploring Macrocontingencies and Metacontingencies: Experimental and Non-Experimental Contributions // *Suma Psicológica*. 2013. Vol. 20, № 1. P. 31–43.

Vichi Ch. A., Andery M. A., Glenn S. Metacontingency Experiment: the Effects of Contingent Consequences on Patterns of Interlocking Contingencies of Reinforcement // *Behavior and Social Issues*. 2009. Vol. 18. P. 41–57.

Zettle R. D., Young M. J. Rule-Following and Human Operant Responding: Conceptual and Methodological Considerations // *The Analysis of Verbal Behavior*. 1987. № 5. P. 33–39. DOI 10.1007/BF03392818.

Материал поступил в редколлегию 17.10.2019

V. N. Sergeev

*University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations
of the Republic of Belarus
25 Mashinostroiteley Str., Minsk, 220118, Republic of Belarus*

v.n.sergeev@gmail.com

STANDARD BEHAVIOR UNDER LEGAL CONTROL: A BEHAVIORISTIC APPROACH

The standard behavior based on the so-called legal type of control is considered. The mechanisms of modeling of required behavior through standard rules, ways of increasing its probability, tools of transfer of behavior in various situations are analyzed. The distinction of patterns of individual behavior, as well as its social forms facilitating the cumulative effect is made. The standard rules

prescribe a order of actions in any situation. The standard regulation of behavior structurally reproduces the model of control of behavior due to existing consequences (i.e. includes guideline of conditions, expected behavior and its result) and can be analyzed with the help of the so-called ABC-scheme or formula S_D-R-C. It is indicated the functional role of the rule in the type of operation behavior. Moreover, it is mentioned the complexity of rule-governed behavior identification in the line of other behavior acts. The analysis of rule essence is paid a lot of attention to.

Keywords: standard behavior, legal control, rule-governed behavior, interlocked behavioral contingencies, metacontingencies.

References

Vargas, E. A. (2010). «Verbal'noe povedenie» B. F. Skinnera: Vvedenie [B. F. Skinner's "Verbal Behavior": An Introduction]. *Vestnik NGU. Serii: Psikhologiya*, 4(2), 56–78. (in Russ.)

Maikl, Dzh. (2016). Motivatsionnye usloviia [Motivating operations]. In: Dzh. O. Kuper, T. E. Kheron, U. L. Kh'iuard (Eds.). *Prikladnoi analiz povedeniia*. (pp. 412–432). M.: Praktika. (in Russ.)

Normativnoe povedenie [Normative behavior]. *Entsiklopedicheskii slovar' po psikhologii i pedagogike [Elektronnyi resurs]*. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/11234 (in Russ.)

Sergeev, V. N. (2018a) Verbal'nye pravila i sledovanie im: k probleme sredovoi determinatsii povedeniia v sovremennom bikheviorizme [Verbal rules and rule-following: to the problem of environmental determination of behavior in modern behaviourism]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Psikhologiya*, 3, 83–94. (in Russ.)

Sergeev, V. N. (2018b). Strategii issledovaniia lichnostnoi determinanty v bikhevioral'nykh podkhodakh: skhodstva i razlichiiia [Strategies of Studying of Personal Determination in Behavioural Approaches: Similarities and Differences] // *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei s mezhdunarodnym uchastiem «Sovremennye problemy psikhologii»* (pp. 223–235). Minsk: BGU. (in Russ.)

Skinner, B. F. (2017a). *Nauka i chelovecheskoe povedenie* [Science and Human Behavior]. Novosibirsk. (in Russ.)

Skinner, B. F. (2017b). Funktsional'nyi analiz verbal'nogo povedeniia. Glava 1 iz knigi «Verbal'noe povedenie» [Functional Analysis of Verbal Behavior. Chapter 1 from the “Verbal Behavior”]. *Reflexio*, 10(1), 106–117. (in Russ.)

Barnes-Holmes, D., O'Hara, D., Roche, B. (2001). Understanding and Verbal Regulation. In: S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, B. Roche (Eds.) *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition* (pp. 103–118). New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Baumann, A. A., Abreu-Rodrigues, J., Souza, A. (2009). Rules and Self-Rules: Effects of Variation Upon Behavioral Sensitivity to Change. *The Psychological Record*, 59, 641–670. DOI 10.1007/BF03395685.

Borba, A., Tourinho, E. Z., Glenn, S. (2017). Effects of Cultural Consequences on the Interlocking Behavioral Contingencies of Ethical Self-Control. *The Psychological Record*, 67(3), 399–411. DOI 10.1007/s40732-017-0231-6.

Borba, A., Rodrigues da Silva B., Cabral P., de Souza L. B., Leite F. L., Tourinho E. Z. (2014). Effects of Exposure to Macrocontingencies in Isolation and Social Situations in the Production of Ethical Self-Control. *Behavior and Social Issues*, 23, 5–19. DOI <https://doi.org/10.5210/bsi.v23i0.4237>

Catania, A. Ch. (1986). On the Difference between Verbal and Nonverbal Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*, 4, 2–9. DOI 10.1007/BF03392809.

Catania, A. Ch. (1989). Rules as Classes of Verbal Behavior: A Reply to Glenn. *The Analysis of Verbal Behavior*, 7, 49–50. DOI 10.1007 / bf03392835.

Catania, A. Ch., Shimoff, E., Matthews, B.A. (1989). An Experimental Analysis of Rule-Governed Behavior. In: S. C. Hayes (Ed.) *Rule-Governed Behavior* (pp. 119–150). Springer, Boston, MA. DOI 10.1007/978-1-4757-0447-1_4.

Cerutti, D. T. (1989). Discrimination Theory of Rule-Governed Behavior. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 51(2), 259–276. DOI 10.1901/jeab.1989.51-259.

Chris Ninness, H. A., McCuller, G., Ozenne, L. (2000). *School and Behavioral Psychology: Applied Research in Human-Computer Interactions, Functional Assessment and Treatment*. New York: Springer Science + Business Media.

Dixon, M. R., Speelman, R. C., Rowsey, K. E. (2016). Derived Rule-Following and Transformations of Stimulus Function in a Children's Game: An Application of PEAK-E with Children with Developmental Disabilities. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 5(3), 186–192. DOI 10.1016/j.jcbs.2016.05.002.

Glenn, S. (1991). Contingencies and Metacontingencies: Relations Among Behavioral, Cultural, and Biological Evolution. In: P. A. Lamal (Ed.), *Behavioral Analysis of Societies and Cultural Practices* (pp. 39–73). Washington, DC: Hemisphere Press.

Glenn, S. (2010). Metacontingencies, Selection and OBM: Comments on “Emergence and Metacontingency”. *Behavior and Social Issues*, 19, 79–85. DOI 10.5210/bsi.v19i0.3220

Glenn, S. (1989). On Rules and Rule-Governed Behavior: a Reply to Catania's Reply. *The Analysis of Verbal Behavior*, 7, 51–52. DOI 10.1007/bf03392836.

Glenn, S. (2013). Operant Contingencies and the Origin of Cultures. In: K. A. Lattal, Ph. N. Chase (Eds.) *Behavior Theory and Philosophy* (pp. 221–

242). New York: Springer Science + Business Media, LLC. DOI 10.1007/978-1-4757-4590-0_12

Glenn, S., Malott, M., Andery, M.A., Benvenuti, M., Houmanfar, R., Sandaker, I., Todorov, J. C., Tourinho, E., Vasconcelos, L. A. (2016). Toward Consistent Terminology in A Behaviorist Approach to Cultural Analysis. *Behavior and Social Issues*, 25, 11–27. DOI 10.5210/bsi.v25i0.6634

Hayes, S. C., Blackledge, J. T., & Barnes-Holmes, D. (2001). Language and cognition: Constructing an alternative approach within the behavioral tradition. In: S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, & B. Roche (Eds.), *Relational frame theory: A post-Skinnerian account of human language and cognition* (pp. 3–20). Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Hayes, S. C., Hayes, L. J. (1989). The verbal action of the listener as a basis for rule governance. In: S. C. Hayes (Ed.), *Rule-governed behaviour* (pp. 153–190). Springer, Boston, MA. DOI 10.1007/978-1-4757-0447-1_5.

Haynes, S. N., O'Brien, W. H. (1990). Functional Analysis in Behavior Therapy. *Clinical Psychology Review*, 10, 649–668

Houmanfar, R., Rodrigues, N. J., Ward, T. A. (2010). Emergence and Metacontingency: Points of Contact and Departure. *Behavior and Social Issues*, 19, 78–103. DOI si.v19i0.3065

Hunter, Ch. S. (2012). Analyzing Behavioral and Cultural Selection Contingencies. *Revista Latinoamericana de Psicología Volumen*, 44(1), 43–54.

Krispin, J. V. (2016). What Is the Metacontingency? Deconstructing Claims of Emergence and Cultural-Level Selection. *Behavior and Social Issues*, 25, 28–41. DOI 10.5210/bsi.v18i1.2292

Kudadjie-Gyamfi, E., Rachlin, H. (2002). Rule-governed versus contingency-governed behavior in a self-control task: Effects of changes in contingencies. *Behavioural Processes*, 57(1), 29–35. DOI 10.1016/S0376-6357(01)00205-4.

Kunkel, J. H. (1997). The Analysis of Rule-Governed Behavior in Social Psychology. *The Psychological Record*, 47, 699–716. DOI 10.1007/BF03395254.

Miltenberger, R. G. (2012). *Behavior Modification. Principles and Procedures*. Wadsworth, Cengage Learning.

Morford, Z. H., Cihon, T. M. (2013). Developing an Experimental Analysis of Metacontingencies: Considerations Regarding Cooperation in a Four-Person Prisoner's Dilemma Game. *Behavior and Social Issues*, 22, 5–20. DOI 10.5210/bsi.v22i0.4207

Palmer, D. C. (2017). Commentary on Skinner's Contingencies of Reinforcement (2015). *Operants*, 1, 8–11. URL: <https://www.bf Skinner.org/behavioral-science/operants/>.

Pelaez, M. (2001). Morality as a System of Rule-Governed Behavior and Empathy. *Behavioral Development Bulletin*, 1, 8–14. DOI 10.1037/h0100475.

Pierce, W. D., Cheney, C. D. (2013). *Behavior Analysis and Learning*. New York: Taylor & Francis.

Reese, H. W. (1989). Rules and Rule-Governance: Cognitive and Behavioristic Views. In S. C. Hayes (Ed.) *Rule-Governed Behavior* (pp. 3–84). Springer, Boston, MA.

Schlinger, H. D., Jr. (1990). A Reply to Behavior Analysts Writing About Rules and Rule-Governed Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*, 8, 77–82. DOI 10.1007/BF03392849.

Skinner, B. F. (2013). *Contingencies of Reinforcement. A Theoretical Analysis*. B. F. Skinner Foundation.

Skinner, B. F. (1989). The Behavior of the Listener. In S. C. Hayes (Ed.) *Rule-Governed Behavior* (pp. 85–96). Springer, Boston, MA. DOI 10.1007/978-1-4757-0447-1_2.

Skinner, B. F. (1957). *Verbal Behavior*. Cambridge. B. F. Skinner Foundation Reprint Series.

Smith, G. S., Houmanfar, R., Louis, S. J. (2011). The Participatory Role of Verbal Behavior in an Elaborated Account of Metacontingency: From Conceptualization to Investigation. *Behavior and Social Issues*, 20, 122–146.

Tadaiesky, L. T., Tourinho, E. (2012). Effects of Support Consequences and Cultural Consequences on the Selection of Interlocking Behavioral Contingencies. *Revista Latinoamericana de Psicología Volumen*, 44(1), 133–147.

Tarbox, J., Zuckerman, C. K., Bishop, M. R. (2011). Rule-Governed Behavior: Teaching a Preliminary Repertoire of Rule-Following to Children with Autism. *The Analysis of Verbal Behavior*, 27, 125–139. DOI 10.1007/bf03393096

Todorov, J. C. (2009). Behavioral Analysis of Non-Experimental Data Associated with Cultural Practices. *Behavior and Social Issues*, 18, 10–14. DOI 10.5210 / bsi.v18i1.2756

Todorov, J. C. (2013). Conservation and Transformation of Cultural Practices Through Contingencies and Metacontingencies. *Behavior and Social Issues*, 22, 64–73. DOI 10.5210/bsi.v22i0.4812

Todorov, J. C. (2005). Laws and the Complex Control of Behavior. *Behavior and Social Issues*, 14, 86–91. DOI 10.5210/bsi.v14i2.360

Törneke, N., Luciano, C., Salas, S. V. (2008). Rule-Governed Behavior and Psychological Problems. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*, 8(2), 141–156.

Vasconcelos, I. G., Todorov, J. C. (2015). Experimental Analysis of the Behavior of Persons in Groups: Selection of an Aggregate Product in a Metacontingency. *Behavior and Social Issues*, 24, 111–125. DOI 10.5210/bsi.v24i0.5424

Vasconcelos, L. A. (2013). Exploring Macrocontingencies and Metacontingencies: Experimental and Non-Experimental Contributions. *Suma Psicológica*, 20(1), 31–43.

Vichi, Ch. A., Andery, M. A., Glenn, S. (2009). Metacontingency Experiment: the Effects of Contingent Consequences on Patterns of Interlocking Contingencies of Reinforcement. *Behavior and Social Issues*, 18, 41–57. DOI 10.5210/bsi.v18i1.2292

Zettle, R. D., Young, M. J. (1987). Rule-Following and Human Operant Responding: Conceptual and Methodological Considerations. *The Analysis of Verbal Behavior*, 5, 33–39. DOI 10.1007/BF03392818.

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-63-91

И. А. Кедров

О ПРИРОДЕ В ОТНОШЕНИИ К РАЗУМНЫМ ТВАРЯМ

Статья представляет собой третью часть работы русского философа и психолога Ивана Андреевича Кедрова (1811–1846) «Опыт философии природы», опубликованной в 1838 г. Текст приведен в соответствие с современной орфографией и пунктуацией.

Находясь в совершенно страдательном отношении к Виновнику своего бытия, Природа в то же самое время имеет влияние на разумных тварей самое сильное и полновластное. Доколе человек будет иметь нужду в водительстве её, как своей воспитательницы; доколе не освободится от всякой подчиненности внешним законам, или лучше, не научится управлять ими: доколе он, при всей свободе своей, должен покоряться Природе. И напрасно мнимый властитель мира, в ослеплении ума своего, тяготится зависимостью от уставов её, напрасно ропщет на то, что он обложен узами плоти, стесняющими порывы духа в небеса. Это значит быть неблагодарнейшим сыном такой матери, которая живет преимущественно для нежного плода своего, которая в том поставляет почти всю цель своего бытия, чтобы доставить своему сыну предназначенное наследие славы и быть счастливой его счастьем. Мы постараемся раскрыть, А) что Природа действительно ведет разумных тварей к предназначенной для них цели, способствуя частью к развитию в них тех сил духа и частью к удовлетворению тех потребностей, которые по своему происхождению не принадлежат планете. Но поскольку некоторые факты, по-видимому, решительно противоречат нашему положению, то Б) нам должно обратить особенное внимание на них, как на уклонения Природы от общих законов её, направленных к нравственно-разумному воспитанию людей, в котором заключается источник их благополучия.

Нелишне упомянуть, что, говоря об отношении Природы к разумным существам, мы понимаем Природу в значении органических сил и законов, обнаруживающихся во всем материальном мире, не исключая организма

человеческого. Правда, человек состоит из души и тела, как существо единичное, неделимое: но, с одной стороны, земное в его составе обращается в общую сумму жизни, а с другой стороны, существуют особые науки для того, чтобы рассматривать отношение вещей к растительному и животному бытию вашего организма; следственно, для Философии Природы достаточно будет сообразно сделанному нами разделению показать более важные средства и очевидные препятствия к развитию и удовлетворению благороднейших потребностей человеческого духа.

Глава I

О средствах, которыми Природа способствует разумным тварям к достижению их последнего предназначения

О средствах приуготовительных. – О средствах прямых. – О средствах, располагающих человека к нравственному усовершению. – Аналогическое заключение от земли к другим мирам

Средства, которыми Природа ведет человека к последней цели его бытия, различны. Впрочем, все они могут быть разделены а) на *приуготовительные*, б) *прямые*, и с) *располагающие к нравственному усовершению*.

а) К *приуготовительным* средствам должно отнести образование организма человеческого и развитие органических способностей, от которых бессмертный дух наш находится чрез всю земную жизнь в большой зависимости.

Начало, из которого происходит человек, есть капля жидкости, состоящая из кислотвора, водотвора, углетвора и селитротвора, капля, которая одушевлена жизненною силою отца и матери. В первое время своего бытия она постепенно растет, как минерал; потом от поглощения жидких частей всасывающими сосудами огустевает и представляет, в виде движущейся точки, мешочек наполненный буровато-красною жидкостью, от которого в последствии, подобно нитям, протягиваются сосуды, содержащие такую же жидкость. В этом периоде образования животный зародыш есть не что иное, как растение, пускающее свои ветви во все стороны. Но жизнь, сообщенная семени человеческому, не есть одна только растительная. Она развивается еще более, так что в половине беременности зародыш принимает форму человека, и получает способность двигаться целым телом, хотя движение его мало отличается от движения полипа. Наконец, при дальнейшем развитии растительно-животного организма начинает образовываться нервная система и мозг. Таким образом, тело человеческое проходит все степени развития Природы и после всего начинает жить особо, как целый мир, повторенный в неделимом (микрокосм).

По причине многосложности организма человеческого необходимо, чтобы он созрел не в короткое время, а продолжительность полного развития его в соединении с многочисленностью органов ручается за совершенство и превосходство его над всеми прочими организмами. И действительно, как много тело человеческое превосходит изящностью форм своих тела всех прочих животных, так далеко по сравнению с ними оно остается на пути развития. Искра жизни, зароненная в семя его, разгорается медленно, и не скоро делается способною полновластно управлять организмом своим. Младенец является на свет с одним инстинктом или природным влечением, которое столь же неопределенно, как мягко и удобно ко всем изменениям его тело. Но мало-помалу этот инстинкт начинает становиться явственнее и раздельнее, по мере того, как начинают удовлетворяться его потребности. Дитя, по естественному побуждению, бросает взоры свои на окружающие его предметы и открывает уста для принятия пищи. Это первое сообщение человека с внешнею Природою сопровождается раздражительностью нервов и удержанием тех впечатлений, которые рождаются от внешних предметов. Таким образом инстинкт, первоначально не обнаруживающийся ни в чем, как только в некотором, внутреннем ощущении младенца, начинает проявляться во внешних чувствах и памяти. Беспрекословное удовлетворение нуждам животной природы вызывает новые потребности, сообразно которым чувство принимает различные видоизменения. Оттуда происходит ощущение жажды, голода, страха, удовольствия и огорчения, попечение о развитии тела, познание здоровья, и все то, что на обыкновенном языке именуется голосом сердца. Как бы благоговей пред особою человека, Природа в чувственных нервах ограничила свое полновластие сердцем и уступила для свободы человеческой благороднейшую часть организма – мозг. Нет сомнения, что между мозговыми нервами и теми, которые находятся во внутренностях организма, разделяясь на узлы (*ganglia*) и сплетения (*plexus*), есть самая ближайшая связь. Но первые могут быть напряженными и ослабленными по произволу нашему, а последние беспрерывно поддерживают деятельность растительных систем и непосредственно не зависят от воли нашей. Посему цвет индивидуальной жизни созревает с полным развитием мозга.

Что же представляет нам опыт с этим окончательным развитием органического царства в особе человека? Дабы яснее видеть истину, мы должны прежде всего сказать о законе постепенного развития планетной жизни, по которому оказывается, что чем сложнее и благороднее организм, тем высшие в нем заключаются способности. В царстве растительном повторяется все, что находится в неорганическом, и прибавляется нечто новое, составляющее переход к насекомым. В царстве животном опять повторяется все, что находится в природе неорганической и насекомых, с присовокуплением, впрочем, новых органов и способностей. И здесь между животными какое разнообразие! Одни из них сообразно органическому устройству

представляются кроткими, простыми, другие дикими, хитрыми, так что память, смыслённость, низшее или опытное сознание, по которому одно существо различает себя от другого, и произвол в действиях у многих весьма из них очевидны. Перейдем теперь к организму человека, который по своему телу принадлежит земле, как всякое животное, и, следовательно, подчинен закону постепенного развития общей жизни. В телесном составе находится сходство со многими животными; но его сердце и мозг, его нервы и все внутренности несравненно превосходнее в качественном отношении, нежели у всех прочих животных. В самой наружности его замечаются многие особенности, каковы суть: прямоотвесное хождение на двух ногах, свободное положение рук, нагота кожи, глаза с параллельными осями зрения, нос, выдавшийся во всей его длине, зубы разнообразных форм, язык весьма гибкий и поворотливый, лицевые мышцы, составляющие физиономию. После всего этого, если никто не вправе ожидать с полным развитием организма человеческого новых планетных способностей, нежели какие находятся в животных, то по крайней мере те способности, которые существуют в последних, в человеке по общему закону Природы должны обнаружиться во всей своей полноте и во всем совершенстве. Так и бывает с человеком, при полном власти животного инстинкта в мозговой его системе. По тому же самому побуждению, которое прежде нудило младенца к тем или другим ощущениям, отрок сознает себя отличным от всех внешних предметов, помнит о них, избирает их по своему произволу и является в полном значении слова смыслённым. Итак, способность чувствования, память, рассудок (*intellectus*) и воля (*volunta*) суть дары, которыми Природа нас награждает вместе с развитием организма.

Правда, что все эти способности не много возвышают наш род пред прочими животными; ибо при помощи рассудка, обращающегося в одном кругу видимого мира, мы не могли бы прийти к мысли о духовном мире, равно как при животном сознании и выборе тех или других действий нам не пришла бы на ум никакая идея о начале и источнике добра, непостижимом для чувств. Но мы должны смотреть на земные силы души как на средства, которыми Природа приготовляет нас к познанию самих себя. В то самое время, как инстинкт животный развивается в организме человеческом во всей полноте, человек, входя в душу свою, сознает в ней нечто высшее и благороднейшее, нежели все потребности чувственной природы: это закон нравственный, обязующий его стремиться к безусловной истине, бесконечному благу и невыразимой красоте. Здесь только вполне объясняется для человека, что значит иметь разум (*ratio*), свободу (*libertas*) и дар творчества (*genius*), хотя давно он мог усвоить себе эти способности, по слуху. Здесь только раскрывается глубокий смысл слова **Я**, несмотря на то, что оно известно бывает нам еще с детства. Здесь только наконец делается понятным, что Природа, наделяя нас многими способностями, является служительницею горнего мира.

В самом деле, что случилось бы с нашим врожденным предрасположением к жизни разумно-свободной, если бы оно не было развиваемо Природою! Что было бы со всеми высокими потребностями нашего духа, если бы они не были освещены лучом высшего сознания, возникающего только с раскрытием органической жизни? Зерно не может восходить и прозябать без почвы; дух не может развиваться без способностей плоти. Надобно, чтобы человек научен был Природою противопоставлять себе предметы внешние; надобно, чтобы явления, происходящие как во внутреннем, так и во внешнем мире, он мог при помощи низшего сознания приводить в единство: тогда только он способен ощутить себя в душе существом не только органическим, но и нравственным. Так Природа и ведет его путем раскрытия органических способностей к сознанию благороднейших, духовных потребностей. Мало того, она вводит бессмертный наш дух в недра свои, раскрывает пред нами свои бесценные сокровища и доставляет средства, сообщив нам рассудок и произвол, пользоваться ими для своих высших целей. Таким образом, сколько удобств пашей свободе открывается к развитию в земной жизни небесных помыслов и стремлений духа! Сколько явлений представляется в видимом мире, которые невольно возвышают бессмертную мысль нашу от видимого к незримому!

б) Впрочем, Природа не только пробуждает в человеке высшие потребности духа, но и способствует удовлетворению их, хотя жажда истины, блага и чистейших удовольствий в нашей душе бесконечна, потому что в утолении её состоит вся цель нашего бытия. Но, несмотря на то, при естественных средствах мы частью 1) научаемся истине, частью 2) находим обязательства следовать ей, и, наконец, 3) частью можем вкушать чистые удовольствия. Эти средства, по причине ближайшего их отношения к последним целям нашего бытия, можно называть *прямыми*.

1) Врожденное стремление разума к истине само в себе бесплодно. Если бы разум мог созерцать предмет своего стремления без всякого посредства и в первоначальном его источнике – существе Премудром, тогда жажда ведения не была бы для него томительна. Но поскольку человек облечен формами чувственности, которые ограничивают полет духа в невидимый мир, то непосредственное созерцание истины в настоящем состоянии для него невозможно, и предрасположение к ней само в себе рассматриваемое остается в душе органической, как семя на чужой почве. Что же делает Природа? Она прививает это небесное семя к земным способностям, и отсюда происходит ветвистое древо познания, которое, утверждаясь корнем своим в мире чувственном, касается вершиною мира духовного. Земля и небо, видимый и невидимый мир, – все обращено в предмет человеческого исследования. Посредствующим органом разума в изыскании истины служит рассудок, коего назначение состоит в том, чтобы, оплодотворяясь фактами, входить с ними в область чисто идеальную, или лучше принимать из неё всегда готовый элемент сверхчувственного и развивать его при по-

мощи опыта. Посему ни так называемые естественные знания, которые состоят из соединения разнообразных фактов, ни логические дробления и сложения понятий, ни все науки и искусства, в совокупности взятые, не составляют истины самой в себе, которая существует вне всяких условий. Это суть только органы, в которых более или менее истина обнаруживается. Отсюда видно, в каком смысле Природа удовлетворяет требованию истины, так сродной нашему духу. Разум стремится к чему-то чисто духовному безотчетно и безусловно, – вот всё, что в нем первоначально находится. Но в чем состоит это стремление, к чему оно влечет нас, какие существуют средства к удовлетворению его, самое приложение найденных средств к делу определяется только при помощи способностей, сообщенных нам Природою. Таким образом, мера удовлетворения врожденной потребности истины, которое мы получаем от Природы, заключается в сумме всех истин, развитых в сознании настоящих поколений человечества. Хотя эта сумма не велика и досталась человеческому роду чрез многие столетия, но тем не менее мы находим в ней пищу для своих познавательных способностей, и если жажда нашего духа возникает с большею силою после некоторого удовлетворения ей, то не по иной причине, как по предназначению нас для вечности. Истина в себе навсегда останется для нас идеалом; но приблизить к уму некоторые черты её под формами человеческого мышления, найти факты, в которых они, так сказать, воплощаются, без сомнения есть торжество для человеческого разума.

2) Не надобно, однако, забывать, что истина сама в себе есть высочайшее благо и красота; следственно, чтобы сродниться с нею и соединиться сколько можно теснее, должно иметь сердце чистое, не растленное страстями. Вот почему Сократ не полагал никакого различия между знанием и добродетелью. Постигнуть всю цену истины и быть злым, – это верх развращения. Ибо если земные предметы с отличными совершенствами привязывают нас к себе и пленяют так, что для снискания их или единения с ними мы готовы делать все, чего от нас требуют, то как должна привязать к себе сердце наше бесконечно-совершенная истина, которая хочет соединиться с духом нашим под условием подражания нашей святости и красоте её. Как должны мы, любя правду, осторожны быть на каждом шагу жизни, чтобы не презреть голоса истины, который непрерывно внушает нам следовать по пути добродетели? Это побуждение свободы человеческой к нравственно-доброй деятельности есть самое возвышеннейшее, самое чистейшее и вместе самое сильное. Любить истину для истины и подражать её совершенствам, потому что она совершенна, есть благороднейшее и самое бескорыстное начало нравственности. Но это начало деятельности заимствуется из идеальной области души, а самые действия совершаются в мире опытном. Притом сколько оно обще, столько дела человеческие в обыкновенном быту частны и многосложны. Каким же образом из выпяченного мира благо низвести в опыт и приложить ко всем поступкам че-

ловеческим, во всех состояниях людей и во все времена их жизни? Здесь ничего не могли бы мы сделать, если бы Природа не дала нам рассудка. В нем только заключается средство к тому, чтобы приблизить совершенства истины к нашему сердцу и расположить ими к добродетелям, чрез которые можно надеяться соединения с нею. Посему-то люди, коих рассудок занят более житейскими сделками, нежели развитием в сознании высших потребностей духа, обыкновенно бывают неспособны водиться в нравственной деятельности своей побуждениями, заимствованными от внутреннего достоинства истины.

Но для таких людей много в Природе других побуждений к добру, которые хотя невысоки по нравственному характеру, однако, тем не менее, действительны. Сюда относятся преимущественно здравие и расстройство телесное, к которым не могут быть равнодушны смертные, привязавшие себя к земле. Равным образом многие явления физические, угрожающие или благоприятствующие выгодам человека, служат для него громкими проповедниками доброй нравственности. Самое обращение к нравам животных может доставить побуждения для многих добродетелей. Лютость, столь свойственная многим из них, не должна ли заставить человека быть милосердным, снисходительным и ласковым? Инстинкт любви, по которому самка и самец берегут детей своих, или одно животное охраняет другое, не должен ли внушать людям обязанность тщательнейшего воспитания детей своих, или взаимного вспомоществования в нуждах? Так все в Природе настроено к пробуждению в нравственных существах благих помыслов и желаний.

3) И если бы в самом деле люди не только не желали, но и не помышляли о зле, не раем ли был бы этот видимый мир? Для человека невинного каждая вещь есть очевиднейшее обнаружение радостно-творного присутствия Божия. Гром есть голос Бога, свет – риза, которою Он облачается и которую набрасывает на мрачную ночь, звезды суть воинство небесное, ветры – слуги Царя небесного, и дожди и облака возвещают следы незримого шествия Божия. Словом сказать, каждый проток воды, каждый цветок, благоухающий в поле, каждый куст, осеняющий путника своими листьями, дает чувствовать невинным душам неизъяснимую радость. Что же сказать о всей Природе? Одна мысль, которую она внушает о величии Создателя, обитающего в своих творениях, должна удалить от нас все злые помыслы и пролить в сердце трепет благоговения. Кто испытал священный восторг при созерцании неба, тот может представить, как высоко блаженство, которое доставляет человеку Природа своими величественными явлениями. В эти минуты бессмертный дух наш отрешается мыслью от всего земного и погружается в одно небесное; он стоит на пороге вечности, превращается весь в око и слух, теряется в бесконечном пространстве миров, чувствует себя ничтожным пред Создателем мира и вместе сознает свое достоинство. Са-

мая грусть, которою растворяется взор ваш в небо, для сердца отрадна. Она говорит сердцу: там твои надежды!

Мы видели, как Природа ведет человека к назначению его чрез приуготовительные и прямые средства. Теперь посмотрим, как к той же цели она располагает человека 1) через различные возрасты жизни, 2) через темпераменты, 3) через разделение полов на мужеский и женский, и, наконец, 4) через общественный быт.

1. Нравственное усовершенствование и происходящее отсюда счастье человека предполагает ряд многочисленных добродетелей, в которых по слабости нравственной мы укрепляться можем только постепенно и преемственно. Для этого весьма много способствуют различные возрасты жизни. Если младенчество человека проходит во сне, попечении о пище и игрушках, причем обнаруживается душевное ощущение без сознания, то, с другой стороны, отроческий период времени не может не благоприятствовать добрым впечатлениям на мягкое сердце возрастающего дитяти. Присмотритесь к особенностям этого возраста, не напрасно в нем строение членов телесных делается соразмернее, кровообращение правильное и чувственная деятельность сильнее; не напрасно черты лица принимают большую выразительность, члены тела получают большую крепость и величину. В отрочестве человек начинает понимать и судить, хотя совершенно по-детски. Переимчивость и острота памяти, ревность к похвале и охота к механическим упражнениям суть сильные его движители. Он готов слушать все рассказы, особливо которые отличаются чудесностью или какими-либо странностями. Для него все так ново в обыкновенном кругу людей, все так занимательно, что непременно стоит внимания. При столь невинном расположении и нежности души как легко могут напечатлеться в памяти отрока по крайней мере коренные начала нравственности! Эта детская простота, с которою он вверяется другим и слушает их советы, кажется, должна внушить всякому наставнику осторожность в словах и благоразумие в поступках.

Доставив случай человеку в отрочестве приучиться к добру и вкоренить в мысли спасительные уроки как бы из предосторожности и для запаса, Природа вводит его постепенно в юношеский возраст. Теперь все органы и системы тела, – мозг, гортань, грудь, легкое и таз – развиваются в полной мере. Совершенный статный рост, зрелость физических сил, свежесть и красота лица составляют особенную принадлежность юношеского организма. Опасайтесь за того юношу, который в детстве не был наставлен ничему доброму, привык к обманам, притворству и капризам. Свобода его должна обратиться в необузданное своеволие, чувства в страсти, ум в искусство изобретать удовольствия и прикрывать свои проступки благовидными предложениями. Цвет невинности скоро заблекнет на щеках его, огонь в глазах погаснет, физиономия потеряет свою прелесть, и лицо покроется мертвою бледностью. Но, с другой стороны, как роскошна и привлека-

тельна юность того человека, который с ранних лет получил истинное настроение ко всему возвышеннейшему и благородному. Пылкое воображение, пламенное чувство, твердый и тонкий ум вызывают его на обширное поприще деятельности. Обширные планы и предприятия нетерпеливо им приводятся в исполнение. При незнании света, надежды на людей оживляют его восторгом, и мрачное будущее рисуют ему в радужных цветах счастья. Он чувствует себя ко многому способным, является неутомим в трудах и охотно отважится на такие подвиги, которые требуют большого самопожертвования. Находя себя пригожим и владея своими чувствами, он любит всех, но никому не отдает сердца своего, кроме единственного предмета, с которым соединяет его закон. Скрытность, продолжительная злоба, скупость и равнодушие к важным происшествиям в юноше неестественны, хотя иногда и бывают. Как бы то ни было, только Природа совершенным развитием сил душевных и телесных в полной мере благоприятствует человеку упражняться во всех родах добродетелей.

Впрочем, не должно страшиться, что весна жизни кратковременна, что в сладостных надеждах и ожиданиях мгновенно приближается новый период жизни. Правда, мужеский возраст приносит с собою оскудение сил физических и вместе с ним упадок в бодрости духа; зато действия, совершаемые в юношестве с рвением и поспешностью, иногда вредными, в мужестве производятся со спокойным размышлением, при котором рассудок успевает обозреть все способы к достижению предполагаемой цели. Опытность, твердость в поступках и поддержание общественного о себе мнения, составляют отличительные черты мужеского возраста. Благоразумный муж не увлекается, подобно юноше, вихрем света. Напротив, при исполнении своих обязанностей, в удалении от света, он обзревает прошедшие действия и не упускает из виду будущих обстоятельств своей жизни. Внешность вещей для него потеряла уже прежнюю цену; мир, с непрерывными своими превратностями, не привлекателен; в этом осеннем периоде жизни своей он существует не столько для себя, сколько для своего семейства. Устроив счастье своих детей или родных, рассудительный муж, по естественному влечению возраста, устремляет взор свой в мир невидимый, и там надеется для себя снискать благополучие. Религия, которая прежде составляла для него священную потребность разумной природы, теперь делается единственным прибежищем в предстоящих искушениях и скорбях. Кто таким образом входит в свое положение, повинуюсь законам органической Природы, которая воспитывает человека для неба, тот не может не укреплять себя в добрых мыслях и чувствах, не может не увеличивать суммы добрых дел, которая по совестном исследовании всегда оказывается бедною.

Между тем время течет и незаметно приближает мужа к старости. «После пятидесяти лет плодотворная деятельность организма значительно умалывается, а после шестидесятого года все телесные отправления более или

менее ослабевают, – по различию телосложения, рода жизни, внешних обстоятельств и внутреннего состояния тела. Плотные части отвердевают, жидкие сгущаются, жизненный огонь гаснет, движение членов происходит весьма уже нескоро, сон краток, чувства тупеют, дыхание стесняется, и напоследок пищеварение совершается медленно. При упадке питания и слабости растительных действий изменяются как пищеварительные, так и кроветворительные органы: желудок суживается, сердце бледнеет и делается хрящеватым, оболочки легкого срастаются, твердеют, и весь легочный состав расслабляется, мозг умалется и твердеет в своем составе, мозговые оболочки отолстевают, и череп становится меньше. Глазной шар также умалется в его объеме, прозрачная роговая оболочка и хрустальная чечевица делаются менее выпуклы, и водяная жидкость мутна. В ушном лабиринте исчезает влага, нужная для слуха, от того в глубокой старости зависит слепота и глухота, равно как и все чувства во время её притупляются в своих действиях»¹. Вместе с тем в душе старца слабеют все способности, которые составляют принадлежность общей жизни: память изменяет ему, рассудок по временам мешается, воля изнемогает. Вообще существо его, так сказать, свивается само в себя. В полноте жизни своей человек часто страшится смерти и не может сносить мысли о прекращении телесного существования своего. Но (вот одно из сильнейших доказательств высшего происхождения духа человеческого!) тогда как все земное готово обратиться в землю, разумное око старца невольно устремляется в мир духовный, свобода жаждет одного только вечного блага, и нравственное чувство не возмущается при мысли о скором разлучении души с телом. В это время бессмертный дух находится к организму точно в таком отношении, в каком солнечный свет бывает к радуге, изменяемой в яркости цветов и форме по положению лучей его к дождевым каплям. Как изменение и уничтожение радуги не касается самого цвета, так ослабление и разрушение тела не касается самого духа. Таким образом, Природа, в последний раз побуждая человека к нравственному совершенству свитием его органических сил, наконец обращает их в общую сумму жизни, и старец с миром отходит в вечность.

2. С различными возрастами человека весьма тесно соединены различные темпераменты, которые суть не что иное, как результат всех органических отправлений. Часто говорят, что умственная и нравственная деятельность человека вполне зависит от темпераментов и что некоторыми из них свобода души стесняется в своих действиях. Отсюда превратность жизни получает для себя вид законности, по которому совесть перестает

¹ См. «Основное начертание общей и частной физиологии», стр. 475 и 476. Соч. Даниилом Велланским. – *Прим. авт.*

Даниил Михайлович Велланский (1774–1847) – российский философ и физиолог, сторонник философии Ф. Шеллинга. Его работа «Основное начертание общей и частной физиологии» была опубликована в 1836 г. – *Прим. ред.*

обвинять нарушителя нравственных правил. Но в самом деле темперамент, не нарушая свободы человеческой, всегда более или менее благоприятствует действиям, сообразным с предназначением человека.

Сангвинический темперамент, господствовавший в афинянах и между новейшими народами свойственный французам, отличается легкомыслием, непостоянством и неверностью в дружбе, склонностью к удовольствиям и наслаждению жизнью. Но в основании всех этих расположений лежит добродушие и живость, по которой сангвиники обыкновенно принимаются за все с горячностью. Искоренение недостатков и развитие добродетелей этого темперамента, без сомнения, принесут добрые плоды.

Меланхолический темперамент, замечаемый преимущественно в индейцах и немцах, благоприятствует развитию религиозных чувств более, нежели сангвинический. Меланхолик удаляется от шумных забав и веселых обществ; он заключается во глубине своей души; питает склонность к исследованиям предметов почти всегда возвышенных, требующих особенного внимания; в действиях тих, тщателен и неослабен. Его мысли и желания устремляются в мир высший, идеальный; потому что не находят сродной себе пищи в мире опытном. Осторожность, нечувствительность ко внешним обстоятельствам жизни, равнодушное перенесение обид суть обыкновенные свойства меланхолика.

Холерический темперамент, приписываемый итальянцам и испанцам, занимает средину между сангвиническим и меланхолическим. Холерик не столь раздражителен, чтобы трогаться всякою малостью, но и не так нечувствителен, чтобы равнодушно смотреть на все внешние происшествия. Ему нравятся наружный блеск, пышность и великолепие; но, среди всех своих забав, он расположен к занятиям постоянным и требующим глубоких соображений. Его любовь горяча, вечна, но не безрассудна. При счастливом сочетании отличных дарований, холерик чувствует влечение к великим подвигам на поприще, избранном по внушению его таланта. Если он артист, то возбуждает в других благоговение к своим способностям и возвышает искусство в глазах обыкновенных людей. Если он воин, повсюду славится как благоразумный и неустрашимый герой. И среди всех занятий, какого бы рода они ни были, вы найдете в нем, при добром воспитании, истинного подвижника благочестия. Лицемерие, притворство, лесть, клевета, обман и другие подобные пороки для людей с великодушным холерическим темпераментом кажутся самыми презренными.

Флегматический темперамент, господствующий в голландцах и англичанах, по-видимому, самый неблагоприятный для трудных подвигов, которых требует нравственное совершенство. Флегматик любит телесный покой, бездействие, долгий сон и роскошь в пище и питии. Во всех поступках его видна какая-то холодность и излишняя медленность. Убийственное для сангвиника равнодушие простирается у него до крайности. Ни особенная радость, ни горькая печаль, ни пламенная любовь, ни жестокая

ненависть в сердце флегматика неуместны. Но медленный в суждениях и хладнокровный в поступках своих, он много выигрывает ожиданием, терпением и постоянством, не предаваясь ни легкомыслию, ни страстям. Эти свойства производят то, что флегматик, по естественному своему настроению, в правилах Святой Веры всегда постоянен и непоколебим, хотя бы в доказательство святости их он принужден был пожертвовать всеми драгоценными благами.

Но если бы темпераменты, каждый в собственном качестве, и не благоприятствовали нравственному развитию духа человеческого, то должно помнить, что ни один из них и ни в одном человеке не находится без смешения с другими, в своем оригинальном знаменовании. Обыкновенно бывает, что все темпераменты соединяются в каком-либо одном преобладающем. Так, сангвинический темперамент не может существовать без слияния с холерическим, как наслаждение без деятельности; а меланхолический – без смешения с флегматическим, как склонность к уединению без равнодушия и беспечности. Даже те самые темпераменты, которые почитаются противоположными между собою, не могут находиться в человеке один без другого. Проницательный взор видит в смерти жизнь, как в частных страданиях общее наслаждение, и наоборот, в жизни смерть, которая нередко приходит к нам под мрачным покрывалом печали, отравляющей прелести земного существования. Отсюда рождается взаимность между наслаждением и уединением, между деятельностью и равнодушием ко всему. Сколько известно по опыту, слияние темпераментов в людях весьма разнообразно; но поскольку оно не есть следствие каких-либо причин случайных, а имеет свое основание в существе органической природы неделимых и её отношений к психическому бытию людей, то остается заключить, что каждому относительно нравственного образования благоприятствует тот темперамент, который он имеет, и что вне этого темперамента, естественного ему, он был бы существом жалким.

Что касается до преобладания в известных лицах одного темперамента над всеми другими, то с ним Природа премудро соединила разнообразие талантов. Доказательство этого разнообразия заключается в бесчисленных отраслях науки и искусства, которые все находят для себя ревностных поборников, полагающих верх своего счастья в защите достоинства их и непрерывных усовершенствиях. Почему стараться о перемене одного господствующего темперамента на другой было бы заблуждение. Единственное попечение человека для сохранения естественной физиономии души должно состоять в том, чтобы не расстроить гармонию между талантом и темпераментом.

Ибо талант, разделившийся с темпераментом, разрывает сам себя и остается бесплодным. С другой стороны, темперамент, при небрежении естественным даром, теряется в крайностях, так что наслаждение сангвиника доходит до ненасытной жадности, деятельность холерика – до изнеможе-

ния, меланхолия превращается в убийственное отчаяние, флегматизм – в грубое бесчувствие. Способ согласования таланта с темпераментом один – добрая нравственность. Чем совершеннее у кого нравственность, тем в большем согласии находится естественный дар с темпераментом. И наоборот, чем в большем согласии находится естественный дар с темпераментом, тем удобнее может совершенствоваться нравственность.

Таким образом, темпераменты, с какой бы стороны мы на них ни смотрели, благоприятствуют развитию в нас добрых помыслов и религиозных чувствований.

3. Новое и сильнейшее побуждение к нравственному возвышению человека Природа доставляет чрез разделение полов на мужеский и женский. Это разделение начинается с насекомых и, восходя до человека, во всех родах и классах животных имеет свои особенности. Приглядываясь к нашему роду, можно усматривать, что полнота органического совершенства выражается у мужчины преимущественным развитием мозга, а у женщины – сердца. Сообразно этому основному различию полов, у первого все тело устроено для больших трудов и перенесения опасностей. Высокий рост, крепкие кости и мышцы, большая голова, открытый вид и величественный стан, – все показывает, каков должен быть мужчина. У последней, напротив, все члены слабее и меньше, из чего видно её преимущественное назначение для жизни семейственной. Необыкновенная раздражительность нервов и особенная чувствительность сколько в мужчине не естественны, столько в женщинах обыкновенны. Но как тот, так и другой пол, в отдельности взятый, несовершенен, односторонен в развитии организма. В мужчине недостает чувствительности женщины, в женщине – крепости и сил мужчины. Очевидно, что, по назначению Природы, оба они должны составлять как бы один совершеннейший организм, с полным развитием мозга и сердца. Женщина, говорит один из наших Физиологов, есть цветок, сокрытый в почке, развивающейся только для возлюбленного её. Мужчине после этого остается, по нашему мнению, быть свежим и тонким воздухом, чтобы проникать и живить цветок, который сам для него распускается.

От органической разности между мужеским и женским полом естественно происходит то, что одному из них более свойственны одни наклонности и расположения, другому – другие. Мужчину не занимают предметы, относящиеся к домашнему порядку, чистоте и опрятности, как женщину; он преимущественно увлекается деятельностью па поприще государственных обязанностей, возложенных на него или самим принятых, и приходит к подруге своей после трудов вкушать отраду спокойствия. Женщине, напротив, не свойственно вмешиваться в дела гражданские, которые требуют больших соображений и твердой головы. Главное занятие её должно состоять в домашнем воспитании детей своих. Мужчина действует более по уму или размышлению и воле, а женщина по чувству и склонности. Первый, жертвуя всем, удерживает за собою самостоятельность, столь необходимую

для него; последняя, предаваясь существом своим мужу, старается особливо о том, чтобы нравиться ему. Мужчина, по самому значению своего пола, должен быть мужествен и неустрашим; женщина, при естественной робости и стыдливости, должна предпочитать всему скромность и целомудрие. Это различное настроение душевных сил в двух полах, хотя не препятствует быть отлично добрыми ни одному мужчине, ни одной женщине, однако ограничивает круг деятельности их известными пределами. Торжество добродетели является там, где муж и жена соединяются союзом нравственного совершенства. Печать этого союза заключается в любви, которую Природа вложила в того и другую, без сомнения, не для другой цели, как для общего блага и счастья людей, особенно соединенных теснейшими связями и ближайшими отношениями.

Если вникать в назначение полового разделения, то откроется, что Природа и здесь не забыла внушить человеку его обязанности. Одна мысль о плоде брачного союза сколько должна породить чувств и волнений в душе супругов, может быть, неприятных для суетности человеческой, зато нравственно добрых! Быть отцом? Быть матерью? Какой глубокий смысл заключается в этих словах! С ними неразрывно соединяется представление о счастье или несчастье того существа, которому суждено Провидением познать жизнь и участь которого первоначально находится в полной зависимости от родителей. Между тем так легко разрушить благополучие детей: неосторожность матери в пище и питии, сильные страсти, нечистые пожелания, уродливые картины воображения, каждый шаг неправильно сделанный, каждый поступок необдуманый производят более или менее вредное влияние на плод супружеского союза, носимый под её сердцем. Но это еще только начало опасностей, которые угрожают младенцу. Воспитание его есть такой предмет, который заставляет призадуматься над собою самых беспечных родителей. С одной стороны, слабость детской организации и способность её ко всем изменениям вынуждают страшиться за здоровье и жизнь дитяти. С другой стороны, предлежит еще большая опасность, чтобы с молоком материнским не сообщились ему многие дурные наклонности и привычки. Во время первоначального развития сил душа человеческая так нежна и так чувствительна ко всем впечатлениям, особливо материнским, что они врезаются в самую глубину её и составляют семена, которые, при развитии воли, никогда не остаются бесплодными. По обыкновенной слабости нашей природы зло скорее перенимается от других, чем добро. Один дурной пример, одно соблазнительное слово или неосторожное согласие на неподобающий поступок, – и склонность к пороку водворяется в юном сердце. Кто с этой верной точки зрения станет смотреть на брачную жизнь, тот согласится, что быть истинным мужем и истинною женою значит отказаться от суетных приличий света и жить сообразно с правилами Святой Веры.

4. По размножении человеческого рода, естественные нужды, касающиеся частью физического, частью духовного состояния людей, заставляли их постепенно разъединяться между собою и распространяться по лицу земли. Отсюда произошли различные общества, из коих каждое имело или имеет свой дух, свои законы и права для граждан. Нужно ли говорить о пользе общественной жизни? Сознание человеческого достоинства и чувство свободы, науки и искусства, выгоды жизни и домашний покой суть плоды цивилизации. Только в гражданском быту человек вступает в свою собственную сферу, как существо разумно-свободное; и Природа охотно здесь уступает ему права разумных существ, предоставив его благоразумию руководиться теми или другими законами и извлекать для себя из различных обстоятельств и потребностей жизни те или другие правила, чтобы сообразоваться с ними в деятельности. Но, уступив надлежащие права своему сыну, попечительная мать-Природа удерживает за собою право требовать от него доброго их употребления. Уважение этого права сопровождается благоденствием царств, а пренебрежение им неминуемо влечет за собою общественные бедствия, всегда оканчивающиеся разрушением политического организма народов. Как те, так и другие следствия очевиднейшим образом оправдались на Греции и Риме; а после Вавилона, который так славен был в древности, не осталось никаких следов его существования. Таков естественный порядок вещей в мире нравственно-политическом, и, должно сказать, вполне достойный попечительной Природы. Если где, то в нем весьма ясно открывается, что Природа воспитывает на земле человечество для неба.

Поскольку на земле все органические силы и физические законы направлены к нравственному усовершению и счастью человека, то можно предположить, что и все планеты, составляющие дивную систему мироздания, имеют между прочим целью развитие нравственно-добрых потребностей в существах разумных. Правда, заключение от такой части мира, какова наша земля, к целой Вселенной может казаться слишком поспешным и мало заслуживающим вероятия; но если не может быть ничего достойнее Творца и возвышеннее для тварей, как бесконечное усовершение их и блаженство; если притом наша планета, которая составляет не более атома в целой системе мироздания, получает в человеке нравственное значение; то ужели несметное множество миров существует без высших целей? Ужели назначение их ограничивается тем, чтобы рассеять мрак ночи и усладить взоры наши? Сомнение в существовании, кроме человека, других разумных обитателей Природы, облеченных более или менее тонкими формами чувственности, в наше время не многим может казаться справедливым; самый простой взгляд на мир подтверждает мысль противную. Органическая жизнь не может составлять принадлежность одной нашей планеты, которая в ряду всех систем солнечных, составляющих Вселенную, исчезает как капля в океане. Сообразнее с разумом думать, что весь

мир есть одно стройное органическое, и земле нашей предназначено быть в нем малым органом. Но если и в этом небольшом органе обнаруживается разумная жизнь, то можно ли воображать отсутствие её в остальных частях беспредельного организма Природы? Одно уже это чувство, одушевляющее нас, при внимательном взоре на небо, это желание разрешиться от форм пространства и лететь в высprenние миры, не доказывают ли, что там есть нам братья, принимающие участие в нашей бедственной доле? Кроме того, когда все показывает и превосходство нашего духа над всеми земными творениями и нашу близость к ним по чувствам и желаниям души, отрадно и вместе необходимо предположить ряд существ разумных, более приближающихся умственными и нравственными качествами к своему Создателю. Какое убийственное чувство овладело бы сердцем нашим, если бы мы в необъятном мироздании видели одни огромные массы вещества, движущегося по неизменным законам, и среди всех этих масс обитающего в части вещества одного человека, который неверен своему предназначению? Как мрачен был бы наш взгляд на Вселенную, если бы мы видели в ней сколько богатства и разнообразия в жизни неразумно-органической, столько же бедности и однообразия в существах разумно-свободных! Нет; Творец, бесконечный по существу своему и совершенствам, не мог ограничиться созданием человека, точно так же, как Он не ограничился сотворением одной Земли. Бесконечное может вполне проявить свои совершенства только в бесконечной постепенности разумных творений.

Допустив бытие разумных существ на других планетах, как на Земле, и утвердивши, что эти планеты имеют между прочим целью нравственное возвышение своих обитателей, подобных нам, нетрудно показать, каким образом Природа способствует развитию в них религиозных потребностей. Если существа, обитающие в небесных жилищах, облечены телесным организмом, как бы он тонок, духовен и *бестелесен* по отношению к нам ни был (иначе нельзя представлять бытия тварей, которые по самой природе своей не могут существовать вне условий пространства и времени), то органические способности, без сомнения, составляют для них, как и для нас, первое и самое важнейшее средство к развитию и усовершенствованию духовных сил, по происхождению своему не принадлежащих ни какой планете. Чувственный организм, как бы его ни представляли, предполагает ограничение высших способностей духа, по причине которого разум не может непосредственно созерцать истины и свободно безусловно стремиться к благу. Поэтому-то все существа конечные познают истину, если она не открывается непосредственно Существом Бесконечным, только при помощи рассуждения и совершают нравственно добрые действия на выбор из многих. Само собою очевидно, что это рассуждение и этот выбор, судя по степеням совершенства разумных тварей, для одних должен быть удобнее, для других если не труднее, по крайней мере, опаснее. Что касается до первоначального развития органических способностей в небожителях, то у нас нет данных,

на основании которых можно бы было сказать о нем что-нибудь с достоверностью. Тем менее мы имеем право прилагать к обитателям других миров средства, *располагающие* человека к нравственному усовершенению, потому что они суть такие явления, которые могут почитаться особенностями нашей планеты.

Глава II

О душевных болезнях

Цель рассуждения об этом предмете и части исследования. – Понятие о душевных болезнях. – Разлитые роды душевных болезней. – Болезни ума. – а) Умоисступление. – б) Безумство. – Болезни сердца. – а) Меланхолия. б) Манья, или бешенство. – с) Смертонеистовство. – Причины душевных болезней. – Телесные причины душевных болезней. – Психические причины душевных болезней. – Отношение магнетизма к душевным болезням. – Неосновательность сомнений в существовании магнетизма. – Виды магнетизма. – Общий деятель магнетизма естественного и искусственного. – Изъяснение феноменов естественного магнетизма. – Возможность искусственного магнетизма. – Тождество органических и духовных отправлений в неделимых², поставленных в соприкосновение с магнетизмом. – Условия, без которых искусственный магнетизм невозможен. – Результат всей главы

Из горних, очаровательных миров нам должно перенестись мыслью опять на землю и обратить внимание на тех несчастных, которые, будучи осуждены на страдания душевными болезнями, живут не как существа разумно-свободные, но как рабы необходимости, неведомо для самих управляемые какими-либо сумасбродными идеями. Цель нашего рассуждения об этом предмете состоит в том, чтобы согласить с основною мыслью об отношении Природы к разумным тварям факты, которые, по-видимому, решительно ей противоречат. Но чтобы искусно развязать узел, видимый несообразности их с целями, к которым Природа ведет человека, мы должны, хотя кратко, показать сущность, роды и причины душевных болезней.

Болезнь душевная вообще есть не что иное, как уклонение душевных способностей от нормальной их деятельности. Посему перевес умственных отправлений над отправлениями воли, или рабское угождение ума желаниям сердца, утучнение плоти, зависящее от беспечности души, или совершенное умерщвление, происходящее от излишне-напряженной дея-

² Здесь и далее И. Кедров неделимым называет индивида, т. е. отдельного человека (лат. *individuum* – «неделимый»). – *Прим. ред.*

тельности душевных сил, чрезмерная привязанность рассудка к одним идеям и непреодолимое влечение воли к известным предметам показывают большое состояние души. Но, принимая болезни душевные в этом обширном смысле, мы должны, с Байроном, признать всех людей более или менее сумасшедшими; потому что нет ни одного человека, у которого все способности души находились бы в совершенной и постоянной гармонии между собою и который не имел бы своих любимых идей и несчастных наклонностей. Между тем, по самой всеобщности психических недугов в роде человеческого, странно бы показалось для всякого, если бы кто включил в число безумных человека, не только худо управляющего своими мыслями и желаниями, но даже с решительно дурным направлением ума и сердца. К этому классу жалких собратий наших обыкновенно причисляются те, у которых, по каким-либо особливим обстоятельствам, помрачилось самосведение души, и потому различные оправления способностей не могут быть приведены в единство. Впрочем, и самое помрачение сознания, освещающего лучом своим внутреннее состояние человека, не всегда можно называть безумием, хотя оно необходимо сопровождается потерей владычества свободно-деятельной силы над всеми или некоторыми отправлениями психической жизни. Ни те, кои подвергаются бреду в горячках, ни те, кои безумствуют от вина или от сильных возмущений сердца, не могут быть названы безумными, потому что они лишаются употребления самосознания и свободы лишь на короткое время. Только тех должно признавать психически больными, которые лишаются света самосознания и свободного назначения на долгое время и подвергаются бреду не по каким-либо скоропреходящим причинам. Правда, в продолжение целых лет безумия случаются минуты, когда самосведение, как солнце из-за туч, проглядывает в сумасшедших. Это бывает, без сомнения, тогда, когда в отправлениях организма происходят изменения, благоприятствующие естественным обнаружениям душевных способностей и когда больной чувствует свое внутреннее расстройство и скорбит о своем бедственном положении. Но эти минуты доказывают только то, что есть возможность психически больных возвращать в прежнее здоровье. И так душевная болезнь состоит в долговременном помрачении самосознания и в лишении владычества свободы над всеми или некоторыми отправлениями психической жизни.

Психиатрия, или наука о душевных болезнях, получила начало свое в глубокой древности; но развитие её принадлежит нашим временам. Целые века протекали, как люди, смотря на безумие, более удивлялись ему, нежели старались основательно исследовать, от чего оно происходит и в каких видах обнаруживается. Наконец, любовь к человечеству, чуждая всякого суеверия, и желание оказать помощь несчастным этого рода были причиною того, что начали глубже вникать в свойства душевных болезней; и три формы, известные под именем меланхолии, бешенства и безумия, в которых

сумасшествие излагалось почти до нашего столетия, составляют ныне самую меньшую часть Психиатрии. Так, доктор медицины Г. Бутковский³, принимая в соображение три главных рода душевных действий: умопредставление, чувствование и вожделение, кои имеют ближайшее отношение к мозгу и к узловатой системе груди и брюха, выводит, на началах сообразных этим трем действиям души и органам нервной системы, четыре основные части учения о душевных болезнях. К первой части у него относится расстройство всех трех психико-соматических сфер, коего характер составляет неправильное действие рассудка, чувств и побуждений, оказывающееся в одно и то же время. Ко второй части принадлежит расстройство умственной сферы, коего общий характер есть бред о всех предметах. В третьей части он занимается расстройством чувственной сферы, коего главный характер состоит в неправильном чувствовании, соединенном с бредом о каких-либо особых предметах, Наконец, в четвертую часть его Психиатрии входит расстройство желательной сферы, коего отличительный характер составляют неправильные побуждения с исключительным бредом. Это главное разделение предметов Психиатрии у него еще подразделяется на многие ветви, судя по возвышению или понижению деятельности тех органов, в которых происходит расстройство⁴. Впрочем, не имея в виду тех целей, для которых врачи подмечают все оттенки психических припадков, мы можем рассматривать душевные болезни общее, как болезни ума и сердца.

Душевные болезни, происходящие от расстройства сил познавательных и беспорядка в их отправлениях, суть а) *умоиступление* и б) *безумство*, из коих последнее обнаруживается в двух особых формах – в *помешательстве* и *сумасшествии*.

Умоиступление, сколько можно судить по наблюдениям над больными, подверженными этому недугу, состоит в напряженной и почти непрерывной деятельности воображения, которое увлекает рассудок из мира действительного в мир очаровательных мечтаний. Для умоиступлённого предметы, действующие отвне, как бы не существуют, и если он обращается мыслью своею к миру действительному, то в нем ничего не встречает кроме благоприятных обстоятельств или непреодолимых препятствий к приобретению вожделенного сокровища. Образы вещей представляются ему в тех размерах и формах, какие свойственны одному расстроенному воображению, и не только не привлекают его внимание к существующему порядку Природы и человеческих деяний, но даже помогают воспроизводить в душе любимые им мечты. Эти мечты бывают столько разнообразны, сколько

³ Речь идет о Пётре Александровиче Бутковском (1801–1844), российском психиатре, который получил степень доктора медицины в 1832 г. в Императорском Александровском университете. – *Прим. ред.*

⁴ См.: Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения Психиатрии доктором медицины Петром Бутковским. С.-Петербург, 1834. Ч. I. С. 42–43. – *Прим. авт.*

многочисленны предметы, к которым человек может быть привязан душою. Но обыкновеннее всего умоисступлённые мечтатели разговаривают с своими возлюбленными, с духами-покровителями или злыми, с которыми они воображают себя в ближайших сношениях, и в своих беседах с неземными существами то смеются, то плачут, то поют, то говорят несвязные речи в стихах, которые-либо сами составляют, либо откуда-нибудь заимствуют. Нередко случается, что в умоисступлении больные стараются скрывать от других свои сумасбродные идеи, толкуя и защищая свои желания, мнения о Религии, политике, науках и т. п. Это признак болезни еще несовершенно вкоренившейся в их душах. С усилением припадков яснее обозначаются предметы, на которых они помешаны, особливо когда оставляют их в уединении и не препятствуют вверять своих мыслей бумаге.

Безумство состоит в превратном образе суждения иногда об одном или многих предметах, принадлежащих к известному классу, а чаще обо всем, что подходит под форму человеческого мышления. Оно отличается от обыкновенных заблуждений рассудка тем, что последний в припадке безумия приписывает вещам свойства, не имеющие к ним никакого отношения и несомненно верит в достоверность своих бессвязных, часто смешных суждений. Низший степень безумия есть *помешательство*, или *сумасбродство*, которое обнаруживается расстройством ума в отношении собственному лицу больного и особливо касательно предначертаний и планов, которые занимают его голову. Посему сумасброды большею частью углублены в самих себя и заняты решением, по их мнению, важных задач, как, например, изобретением новой посылки для силлогизма, или изливают пред другими свои радостные чувства, потому что будто бы им удалось овладеть искусством делать золото, открыть тайну, чтобы никогда не проигрывать в азартных играх, найти удобное средство из сала доставать воск и т. п. Мнимое обладание этими и другими подобными сокровищами весьма часто доходит до того, что одержимые душевным недугом почитают себя императорами, королями, князьями, папами, славными генералами и даже неземными существами; и тогда помешательство их переходит уже в *сумасшествие*. Сумасшедшие от властолюбия чрезвычайно деятельны: они беспрерывно заводят новые сношения с иностранными государствами и ожидают себе от них несметных богатств, стараются о перенесении столиц на выгоднейшие места, строят воздушные крепости, награждают с видом самодовольства всякого, кто, по-видимому, соглашается с ними в мыслях, и наказывают всех, не признающих своей от них зависимости. Даже во внешнем положении больные этого рода стараются поддержать достоинство и важность тех особ, которых имя они безнаказанно на себя принимают. Одежда, распоряжение вещами, которых у них иногда вовсе нет, слова и поступки, все подтверждает, что они хотят надетью на себя маску показывать другим за действительное лице. Вы напомниме сумасшедшему о его состоянии и заключении в больнице, которое делает не-

возможным всякое осуществление мечтательных планов; он в самом деле будет сожалеть о своем настоящем положении, отнесет причину его к недоброжелательству и зависти людей, однако же станет утешаться, по крайней мере, переворотом обстоятельств, имеющим скоро последовать.

К болезням душевным, которые обнаруживаются преимущественно в расстройстве сердечных чувств и расположений, принадлежат: а) меланхолия, б) мания, или бешенство, и в) смертонеистовство. Некоторые относят сюда ипохондрию и истерику как вид ипохондрии, но не совсем справедливо. Ибо эти припадки суть случайные, происходящие от причин кратковременных и более или менее зависящих от свободы, каковы, например, неправильность в диете и сосредоточенное внимание на воображаемых болезнях и близкой смерти. Люди трудолюбивые, не имеющие досуга заниматься неприятными ощущениями своего тела, свободны от тяжких недугов ипохондрии.

Меланхолия обнаруживается в горестных чувствах, происходящих, впрочем, не от таких впечатлений, которые должны оставить в душе постоянную тоску и уныние, но от представлений о каком-либо несчастье, увеличенных мечтательным воображением, и обратившихся в склонность больного. Доколе эта болезнь не развивается во всей полноте своей, страждущий ею не хочет обнаруживать пред другими раны своего сердца, но томное лицо его, некоторая небрежность в одежде, непрерывное молчание и ответы, не имеющие прямого отношения к вопросам, показывают, что сердце его разобщилось с действительным миром, и сроднилось с другим, который по справедливости может быть назван и миром несчастных, убитых тоской мечтателей. Поведение меланхолика, не принимающего участия ни в каких радостях жизни и обнаруживающего большую холодность к самой жизни, весьма странно. Он удаляется от всяких сообществ и разговоров с другими, бежит от людей в уединенные места, чтобы свободнее там предаться своей печали, бродит в рассеянности и без всякой определенной цели по лесам и по полям, любит посещать в ночное время кладбище, особливо если могила приняла в себя предмет его скорби. Иногда он ходит со всею поспешностью, иногда неподвижно сидит или стоит на одном месте, углубившись в самого себя, и вы не услышите от него ничего, кроме невнятных отрывистых выражений и вздохов, исполненных тоски душевной. Так сильно могут овладеть рассудком и волею сердечные чувствования! Наружность меланхолика не менее расстроена, чем самая душа. Лице его бледно, щеки впалые, глаза померкли, волосы разбросаны в беспорядке, в одежде видна вся небрежность о внешнем. Страннее всего то, что убийственная точка меланхолии часто рождается от одних нелепых умопределений. Г. Базили⁵, посещая в Константинополе дом сумасшедших,

⁵ Константин Михайлович Базили (1809–1884) – русский востоковед, путешественник и дипломат. – *Прим. ред.*

нашел одного несчастного, который уверяет всех, что он лишился головы во время бывшего возмущения янычар и более не принадлежит этому миру.

Мания, или бешенство, состоит в сильных порывах больного, не имеющих никакой определенной цели. Обыкновенные действия бешеных суть пронзительный рев и крик, терзание своего тела, брань со всеми встречающимися с ними лицами и готовность вступить с каждым в драку, если не устроят их палкой или другим чем. Во время неистовства одержимых этою болезнью физические силы увеличиваются почти до невероятности, так что суеверие видит в них могущество не человеческое, но бесовское (от чего и произошло наименование бешенства). Еще более в эти минуты извращаются нравственные качества больных. Самые невинные особы, особливо из женского пола, теряют всю стыдливость. Привязанные доселе к родителям или родственникам получают от них отвращение и готовы посягнуть на самую жизнь их.

Непреодолимое стремление убивать других может быть названо *смертонеистовством*, этот род болезни самый ужасный. Надобно видеть, как больной борется с самим собою, прежде нежели решится совершить убийство. Он призывает на помощь религию, чтобы свет её прогнал мрачную мысль, затаившуюся в нем; упрекает себя за столь постыдное желание; хочет каким бы то ни было образом превозмочь в себе смертонеистовство, но все усилия его остаются напрасны. Ужасная мысль об убийстве всюду преследует больного, и является ему менее и менее страшною, так что, наконец, он свыкается с нею как с родною, рассматривает препятствия, которые могут встретиться с ним при осуществлении адского замысла и, приготовив все средства к удалению их, совершает со всем хладнокровием задуманное злодейство, равно как по совершении его побоится повсюду рассказывать о своем поступке. Какое отвратительное зрелище, когда застают отца, убившего в припадке смертонеистовства любимых чад своих, и безумно улыбающегося при взгляде на их трупы, которые еще дымятся кровью! Он радуется, что его малые чада уже не развратятся от господствующих в свете пороков и что, невинные, они наследуют блаженство. Последствия смертоубийства для него также нисколько не страшны; он утешается тою мыслью, что с него сложит тяжкое и неудобноносимое бремя жизни. Одна только черта одержимых болезнью этого рода достойна уважения: они просят находящихся при них удалиться, когда чувствуют приближение припадков своего неистового вождения.

При размышлении о различных родах душевных болезней, из коих мы показали только главные, естественно рождается вопрос: от чего эти болезни происходят в людях? Где заключаются причины расстройства органических сил и психической жизни? В половине XVI века господствовало между врачами мнение, что демон вселяется в человека и производит ду-

шевную болезнь. Но вскоре Григорий Горст (1578–1656)⁶, профессор Виттенбергского университета, заметил всю нелепость этого предположения, и попытался изъяснить сущность и все явления меланхолии по материальным понятиям. По его мнению, причины этой болезни заключаются в особенном меланхолическом соке, в густой черной крови и сухом, жестком состоянии мозга. Следуя примеру сего знаменитого лейб-медика, Захарий Платнер (1694–1748)⁷, лейпцигский профессор, изложил понятие о меланхолии и бешенстве, придерживаясь древних мнений, совершенно материальных. Впрочем, как везде, так и здесь одна крайность не могла быть без другой. Почти в то время, как Горст изъяснял сущность меланхолии из материальных причин, Георг Шталь, лейб-медик короля прусского, выдал систему, где доказывает, что одна только душа, которая созидает и сохраняет тело, есть основание психических болезней. Гипотеза его нашла многих последователей, которые с жаром ее защищали и развивали до тех пор, пока не доведены были до необходимости признать душевные болезни следствием причин не только психических, но вместе и телесных. В самом деле, можно ли представлять организм и жизнь органическую без взаимного влияния? Сколько достоверно, что расстройство души выражается во всех приемах телесных, столько же не подлежит сомнению и то, что перемены телесные сопровождаются изменениями душевными. Отличный пример этих изменений сообщает Mason Cox⁸, говоря об одном сумасшедшем, который при 90 (в минуту) ударах жилобиения находился в бешенстве, при 70 – с полным рассудком, при 50 – в меланхолии и, наконец, при 40 – в полумертвом состоянии. И если трупы больных помешательством не всегда представляют разность в органическом устройстве от обыкновенного, то отсюда еще не следует, чтобы в больных не было расстройства органических отправлений, какие нужны для правильных обнаружений души. Итак, причины душевных болезней заключаются как 1) в организме, так и 2) в психической жизни.

1) Ближайшая телесная причина душевных болезней, по всей вероятности, заключается в неправильном обращении нервной жидкости, которым обнаруживается расстройство, существующее или во всех системах нервных, или в одной мозговой, симпатической, брюшной. Это расстройство может происходить от различных и многообразных влияний на органические силы, между коими важнейшее место занимают: падучая болезнь, разные нервные боли, легочная чахотка, злокачественная лихорадка, излишество в употреблении горячих напитков, яд, изнурение сил, органиче-

⁶ Ошибка. Грегори Горст, немецкий врач и анатом, умер в 1636 г. В своих работах пытался объединить герменевтический подход Парацельса с классической гиппократовской медициной. – *Прим. ред.*

⁷ Ошибка. Умер в 1747 г. – *Прим. ред.*

⁸ Джозеф Мейсон Кокс (1763–1818) – английский врач, изучавший психический расстройство. Медицинскую степень получил в Лейдене в 1787 г. – *Прим. ред.*

ские пороки сердца, ранение головы и пр. Но большею частью, особливо в высшем классе людей, телесное расстройство достается по наследству от родителей. Возраст, в котором чаще обнаруживаются душевные болезни в людях, определяется Г. Бутковским от двадцатого до пятидесятого, и Г. Шульце – от тридцатого до сорокового года.

2) Психические причины всякого помешательства суть или умственные, или сердечные. К первым относится природное тупоумие, склонность к мечтательности, истерика и ипохондрия. Несбыточные планы, в осуществлении коих мечтатели полагают все свое счастье, обыкновенно сопровождаются *сумасбродством*, а воображаемые бедствия, которыми мучатся подверженные ипохондрии и истерике, обращаются часто в *меланхолию*. К последним принадлежат все необычайные волнения чувств и страстей, произведенные печальными событиями и обстоятельствами человеческой жизни. Сколько несчастных страдает сумасшествием от ревности, потерянной любви, нищеты, оскорбления чести, внезапных перемен счастья и т. п. Вообще душевные болезни гораздо чаще зарождаются в сердце, нежели в познавательных способностях, хотя расстройство в чувствованиях сердечных всегда имеет сильное влияние на умственную сферу души. И удивительно ли? Сердце человеческое можно уподобить вулкану, внутренний огонь которого бывает тем опаснее, чем долее не выбрасывается на поверхность земли. Счастлив тот, у кого жгучий пламень сердечных мучений лавою горячих слез вырывается на лице: это знак, что он затихнет. Но если он останавливается в сердце и мало-помалу обнимает все существо души, тогда весь планетный состав человека приходит в сильное расстройство, иногда скоро разрушается.

К душевным болезням относится также и магнетизм, как состояние органической жизни совершенно неестественное и расстроенное. Поскольку же в ученом мире существуют различные мнения об этой болезни, и поскольку факты, прилагаемые к ней, требуют разборчивой критики, то в предосторожность от заблуждений мы будем рассуждать о магнетизме гораздо подробнее, нежели о прочих болезнях.

Ревностные защитники магнетизма повествуют о таких психических явлениях, которые по причине чудесности своей превышают всякое вероятие. Они рассказывают, что подверженные этому припадку узнают, какие нужны лекарства для уврачевания их болезни и когда болезнь их прекратится, прозирают в мысли других, видят предметы, имеющие к ним отношение в странах самых отдаленных, и, наконец, могут изъясняться на неизвестных им языках. Может ли здравый ум подобные бредни принять за истинные факты? И удивительно ли, что многие усомнились в существовании самого магнетизма? Впрочем, злоупотребление какою-либо вещью никогда не подрывает её достоверности. Напротив, ложная монета доказывает бытие истинной. Так и ложные повествования о магнетизме, без сомнения, в основании своем имеют нечто достойное вероятия. Нет нужды,

если наблюдения иногда не подтверждают почти никаких явлений, приписываемых тем, которые бывают подвержены припадкам этого недуга; не всякой раз и не в каждое время известные действия Природы могут давать одинаковые результаты. Довольно того, что число стоящих всякого доверия очевидцев, странных феноменов животного магнетизма, едва ли не превышает класс скептиков, безрассудно отвергающих с бреднями шарлатанства действительность самого предмета, из которого оно сделало злоупотребление.

Известно, что все феномены магнетические суть действия чувствительности не нормальные и не правильные, что все акты чувствительности получают начало свое в системе нервной сердечной и в системе нервной мозговой. Поэтому магнетизм может быть или *естественный*, состоящий в напряжении симпатической системы, или *искусственный*, который обнаруживается в возвышенной деятельности мозга.

Общий деятель как естественного, так и искусственного магнетизма, по всей вероятности, есть электрическо-нервная жидкость, которая имеет особое местопребывание в системе нервной; хотя прикосновение не до нервов и от того происходящее ощущение доказывает, что она разливается в некотором количестве и около нервов. Это летучее вещество стремится прийти в равновесие, беспрепятственно проникает в темные тела и в известных случаях может их сделать светлыми; оно образует около организмов некоторым образом живую атмосферу и может делиться и совокупляться, умножаться и уменьшаться; его можно взволновать вождением руки до того, что в лице потерявшего равновесие эфирной жидкости явно оказывается притяжение или склонность к субъекту, причинившему расстройство и отталкивание тех, которые не стоят в соприкосновении с магнетизёром. Один простой момент, что эта жидкая, летучая материя, потеряв равновесие и прилившись в одну которую-либо систему организма, производит напряжение способностей, достаточен к изъяснению всех феноменов магнетизма.

Во время покоя мозговой системы, как то бывает в естественном магнетизме, электрическо-нервная жидкость у известных лиц с избытком стекается в ганглиях и, поскольку не подчиняется высшим способностям души, естественно может быть причиною некоторых необычайных явлений органической жизни. Таковые явления суть:

1. *Сон, несравненно глубочайший обыкновенного, или того, который предшествует магнетическому состоянию.* Поскольку в состоянии магнетизма внешние чувства находятся в совершенном покое, то и сон, естественно, должен быть самый крепкий. Этот же сон делается легче, когда система симпатическая вступает в органические сношения с мозговою и начинает принимать от ней обратные действия. Тогда бывает состояние полусна, в котором больной, при нечувствительном употреблении внешних органов, понимает говорящих и отвечает на их вопросы. Однако же когда

нервная жидкость возвращается к внешним чувствам и, так сказать, ослабевает от предшествовавшей деятельности, тогда для восстановления сил ей снова потребен глубокий сон. Итак, в первом случае глубочайший сон может происходить от чрезмерного прилива, а во втором от чрезмерного ослабления нервной жидкости в симпатической системе нервов.

2. *Необыкновенное напряжение мускулов.* Во время бездействия внешних чувств иногда электрическо-нервное вещество расходуется из мозга по мускульным нервам, и по силе жизненности бывает причиною таких движений, коих энергия и быстрота превышают почти всякую вероятность. Впрочем, не одно состояние магнетизма сопровождается подобным изменением органической деятельности. Кто не читал или не слышал достоверных рассказов о удивительной силе людей в известных припадках нервических болезней? Исидор Бурдон⁹ говорит об одной женщине, что она пробегала через целый Париж с тяжелою наковальнею на груди, так что кузнецы мерными ударами молотов продолжали свою работу. Это явление, но его словам, неоднократно повторялось и может быть объяснено упругостию воздуха, который удерживался в груди упомянутой женщины, с одной стороны запершимся дыхательным горлом, а с другой сжатием животных внутренностей. В таком случае для груди тяжесть наковальни значит тоже, что для организма человеческого вообще тяжесть давящей его атмосферы.

3. *Совершенство памяти и воображения.* Нетрудно понять, почему состояние магнетизма благоприятствует более воображению и памяти, нежели рассудку и разуму. Последние не столько зависят от материи, сколько первые, коих действия совершаются не иначе, как при посредстве нервной жидкости.

4. *Совершенство внутреннего ощущения, дающее знать больному, что происходит в его организме.* Деятельность электрическо-нервного вещества, переходя от внешних чувств в ганглии, очевидно, должна сделать гораздо живее внутреннюю силу ощущения. Посему неудивительно, что человек в состоянии магнетизма ощущает самые тайные движения внутренних частей тела. Таковое сосредоточение чувствительности внутри организма становится еще вероятнее, если припомнить, что и бесчувственные части его, как, например, волосы, кости и ногти иногда бывают подвержены некоторой раздражительности. Равным образом ресницы, назначенные для преломления солнечных лучей, чтобы не повредилось от них зрение, в известных болезнях не могут сносить без страданий самого легчайшего прикосновения света.

⁹ Исидор Бурдон (1795–1861) – французский врач, член Академии медицины и главный врач департамента Сены. Автор работы «Физиогномика, или наука знать людей по чертам лица и наружным признакам» (1830, рус. пер. 1864). – *Прим. ред.*

5) *Прекращение свободной деятельности духа.* Оно есть необходимое следствие успокоения внешних чувств, которое бывает в состоянии магнетизма. Но поскольку дух ни на одну минуту не может оставаться без всякой деятельности, то для снискания ей пищи он устремляется при посредстве нервной жидкости к сердцу, которое таким образом делается средоточием всех душевных отправлений. И когда все внутренние работы освещаются светотворною жидкостью, как светочем, находящимся внутри тела, в то самое время рассудок принимает впечатления, производимые на него сердцем, и воля вполне подчиняется внутренним ощущениям. Здесь-то получает свое начало магнетический бред, о котором так много толков. Ревностнейшие из защитников магнетизма предполагают, что при освещении органических работ внутри тела нервно-электрическим веществом разум непосредственно созерцает внутренний механизм тела и на основании своих видений угадывает будущие события, особливо те, которые относятся до поправления здоровья больного его организма. Но думать так значило бы допустить, что разум может видеть сокровенный механизм тела такими же очами, какими мы видим колеса часов; ибо в настоящем состоянии нашем это есть единственный способ к приобретению наглядных познаний. Всего вероятнее, что сила внутреннего ощущения, тёмного и неопределённого в самом себе, и мечты воображения расстраивают рассудок, подчиненный им в состоянии магнетизма; и отсюда уже легко рождается в больном бред своею болезнью.

6. *Забвение, по пробуждении от магнетического сна, всего того, что было в нем ощущаемо.* Этот факт доказывает помрачение самосведения в больном, во время припадков его болезни, и легко объясняется возвращением равновесия нервной жидкости, при котором память вступает в свое нормальное состояние деятельности. Так, пробуждаясь от обыкновенного сна, мы часто забываем подробности сновидений, которыми наслаждались в своем воображении, и воспоминаем о них только в целом, и то сбивчиво.

Изяснив феномены естественного магнетизма, нетрудно понять возможность магнетизма искусственного. Та же летучая электрическо-нервная материя, которая находится под влиянием органической жизни и подчиняет себе все способности души, может в свое время покоряться человеческой воле. Мы уже заметили, до чего можно взволновать ее в теле вождением руки. Но этого не довольно; магнетизёр с сильною волею заставляет ее переходить из своей организации в организм другого человека, совершенно подчинившего ему свою свободу, – и вот начало той связи людей, которой примеры хотя редки, но тем не менее достоверные представляет нам история.

Эта связь, или, лучше сказать, это тожество органических и духовных отправлений в двух или многих неделимых, поставленных в соприкосновении с магнетизёром, поддерживается сходством между их организмами,

которое происходит от обобщения нервной жидкости. Будучи соединены взаимным союзом, все они суть не что иное, как части одного целого, управляемые одним общим инстинктом, одушевляемые одними общими мыслями и ощущениями. Движения, болезненные чувства, прихоти и склонности магнетизёра, – всё передается на некоторое время тем, которые находятся с ним, или его пациентом, в соприкосновении. Известнейший образец подобного союза между людьми представляют нам сиамские близнецы. «Они принуждены действовать всегда вместе и одинаково; движения их управляются одною волею и что всего удивительнее, эта воля равно от них обоих зависит. Их склонности и желания находятся в такой гармонии, что как скоро одному из них захочется что-нибудь сделать, немедленно хочет того и другой»¹⁰. Правда, здесь симпатическая связь соединяет между собою два только лица, но что препятствует распространить возможность её и на многих людей? Предположим равную силу чувства с магнетизёром в тех лицах, которые поставлены с ним в соприкосновении, представим, что в точках соприкосновения они, подобно ветвям, срослись между собою и стали жить одною общею жизнью; не те же ли это будут Сиамские близнецы?

Соединение намагнетизированного с лицом, отсутствующим чрез посредство известной вещи, есть факт сколько удивительный, столько же и достойный вероятия. Припомним себе историю, кажется Шатобрианом рассказанную, о том дитяти Канадских жителей, которое заблудилось в неизмеримой глубине лесов и было возвращено родителям собакою дикаря, бежавшею по следам дитяти. Объяснение этого последнего факта имеет приложение и к первому, с тем только различием, что непрерывное сообщение между псом и дитятею совершалось посредством проводника более грубого, нежели проводник, посредством которого намагнетизированный соединяется с лицом отсутствующим. Там были этим проводником частицы, испаряющиеся из дитяти, а здесь электрическо-нервная жидкость.

Впрочем, не всякий может успешно подвергаться влиянию магнетизёра. На людей, наслаждающихся полным здоровьем, он не может произвести никакого действия; потому что в их организмах жизненные соки находятся в равновесии и прямом отношении ко всем нуждам телесным. Даже самые больные не могут безусловно принимать от него всех впечатлений. Для этого нужно пациенту на время отказаться от употребления своей воли и отдать себя в полную власть того, кто хочет привести его в состояние животного магнетизма. Иначе невозможна никакая симпатия в мыслях и желаниях двух лиц. Кроме того, электрическая жидкость, при известном

¹⁰ Rapport de M. Geoffroy Saint-Hilaire et M. Serres sur les jumeaux siamois. – *Прим. авт.*

Вероятно, цитата из доклада, опубликованного в журнале *Archives générales de médecine* (Т. 21. 1829. Р. 624–626). – *Прим. ред.*

её количестве, должна иметь известную степень уклонения от своей нормальной вращательности в организме больного и посредством или непосредственно соединять его с магнетизёром и теми, которые хотят испытать на себе действия магнетизма. Не без основания говорят, что присутствие некоторых особ тревожит намагнитизированного, так что он не может успокоиться, доколе они не удалятся от него. Причина этого заключается в особенном свойстве нервной жидкости, обнаруживающемся отталкиванием тех лиц, которые не находятся в соприкосновении с магнетизёром.

Из всего сказанного нами о душевных болезнях ясно открывается, что Природа находится в борьбе с человеком и нередко, вместо возвышения в нем нравственного совершенства, угнетает его разумно-свободный дух своим деспотизмом. Но откуда произошло это несогласие Природы с человеком и с собственными своими целями в отношении к нему? Творец, как Существо бесконечно совершеннейшее, не мог создать тварей, одна другую угнетающих или взаимно противоречащих в своих действиях. Тем менее могла расстроиться гармония Природы сама собою; потому что все существа, составляющие видимый нами мир, живут и действуют по необходимым законам. Только в человеке, который принадлежит двум различным мирам, есть место свободе, и, следовательно, в нем должно искать начала того расстройства, которое, по-видимому, причиняет ему Природа. С этой стороны Гейнрот¹¹ справедливо утверждает, что все душевные болезни происходят из нравственного повреждения. Если бы род человеческий не пал, то не могло бы родиться в организме человеческом никаких болезней. Итак, те факты, которые, по-видимому, прямо противоречат коренной нашей мысли об отношении Природы к человеку, доказывают одно то, что он расстроил гармонию между собою и природою, но не опровергают общей цели мира в отношении к разумным тварям.

I. A. Kedrov

ON THE NATURE IN RELATION TO REASONABLE CREATURES

The article is the third part of “An Essay Concerning Philosophy of Nature”, the work of the Russian philosopher and psychologist Ivan Andreevich Kedrov (1811–1846), published in 1838. The text is brought into line with modern spelling and punctuation.

¹¹ Иоганн Кристиан Август Гейнрот (Хайнрот) (1773–1843) – немецкий врач. В 1818 г. первым ввел в научный оборот термин «психосоматика». – *Прим. ред.*

УДК 159.9.072

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-92-105

Е. С. Середович¹, О. В. Киселева²

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

¹ e.seredovich@yandex.ru, ² kiseleva_ov@inbox.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
УРОВНЕЙ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ,
ЛИЧНОСТНОЙ АВТОНОМИИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ**

В настоящей статье с позиции возрастного-психологического подхода представлены результаты исследования морально-ценностной сферы в группах подростков и лиц юношеского возраста. Подростковый и юношеский возрасты являются сензитивными периодами в плане формирования морально-ценностной ориентации, выполняющей регулятивную функцию и определяющей устойчивые ценностные предпочтения и жизненные принципы, характеризующие жизненные выборы человека. Проведенный сравнительный анализ уровней развития моральных суждений, личностной автономии и ценностных ориентаций подростков и лиц юношеского возраста позволил выявить различия в выделенных группах.

Ключевые слова: морально-ценностная сфера, уровни развития морального сознания, личностная автономия, ценностные ориентации, возрастное-психологический подход.

На этапе трансформации российского общества, когда возрастает урбанизация, и, как следствие, отношения становятся чаще формальными, официальными, происходит разрушение личных отношений, формируется изоляция, ломаются традиционные механизмы социального контроля, морально-ценностное развитие личности играет важную роль. Сложные социально-экономические условия перестройки общественного сознания оказывают влияние на формирование моральной ориентации в подростковом и юношеском возрастах, которые являются сензитивными к социаль-

ISSN 2658-4506 (Print)
ISSN 2658-6894 (Online)

Reflexio. 2019. Т. 12, № 2

© Е. С. Середович, О. В. Киселёва, 2019

ным влияниям и воздействиям, к формированию мировоззрения и целостной картины мира [Молчанов, 2007; Ковшова, 2014].

Молодежь в любое время выступает в обществе в роли движущей силы, развивает общество и ведет вперед. В силу возрастных особенностей молодые люди в большей степени подвержены влиянию многих факторов (экономических, политических), имеют динамичность точек зрения. Важно отметить, что морально-ценностная ориентация личности выполняет регулятивную функцию, определяя устойчивые ценностные предпочтения и жизненные принципы, характеризующие жизненные выборы человека [Молчанов, 2007; Данилова, 2007; Горшков, Шереги, 2010]. Исходя из этой очень важной общественной роли молодежи будет актуальным исследовать систему морально-ценностных ориентаций современных молодых людей, изучить факторы, влияющие на ее формирование.

В психологии морального развития традиционно выделяют два основных принципа, лежащих в обосновании морального выбора: *принцип справедливости*, ориентированный на когнитивные составляющие морального сознания, и *принцип заботы*, основанный на сочувствии и сопереживании другому человеку. Нормативный когнитивно-структуралистский подход провозгласил ведущим принципом морального поведения принцип справедливости и сосредоточил внимание на изучении когнитивной составляющей морального сознания (Ж. Пиаже, Л. Кольберг). Альтернативой такому подходу стал эмпатийный подход К. Гиллиган, где принцип заботы является основополагающим, а эмпатическая ориентация на потребности и чувства другого человека рассматривается как основной регулятор моральных суждений и поведения (К. Гиллиган, Н. Айзенберг, М. Хоффман). В современной психологии морального развития выражена тенденция интегрировать указанные подходы (Н. Айзенберг, Д. Рест). Новизна подхода Н. Айзенберг в том, что взаимодействие когнитивного и эмоционального компонентов рассматривается как условие любого акта морального поведения (Eisenberg, 1986). Установлено, что с возрастом и преодолением эгоцентризма возрастает уровень связи эмпатии и альтруистического поведения [Молчанов, 2007].

Важным наряду с рассмотрением уровня развития морального сознания у подростков и лиц юношеского возраста является рассмотрение уровня личностной автономии. Под этим феноменом разными исследователями подразумевается самостоятельность, независимость в межличностных отношениях, способность к инициативе и целеполаганию, самодетерминация. Личностная автономия развивается в процессе становления личности подростка. Автономия представляет собой и характеристику отношений и отражает тот образ Я, основываясь на котором подросток действует в отношениях с родителями, другими близкими взрослыми и сверстниками [Поскребышева, Карабанова, 2014; Молчанов, Поскребышева, Запуниди, Маркина, 2015].

Следует отметить, что в подростковом возрасте происходит также формирование мировоззрения и целостной картины мира, в которой ценностные ориентации выступают как психологические новообразования. Происходит мониторинг и пересмотр ценностей, усвоенных в семье и кругу значимых лиц. Самоопределение и осуществление жизненных выборов в профессиональной и идеологической сферах основаны прежде всего на ориентировке юных людей в системе ценностей, отражающих важнейшие приоритеты жизнедеятельности человека [Эриксон, 1990].

Одним из авторитетных подходов к исследованию особенностей ценностной сферы личности в современной психологии является «теория универсального содержания и структуры ценностей», предложенная С. Шварцем и У. Билски [Schwartz, Bilsky, 1990]. В рамках предложенного подхода ценности рассматриваются как убеждения или понятия (связанные с внеситуативным желаемым конечным состоянием или поведением человека), выполняющие функцию управления выбором или оценки линии поведения. В концепции С. Шварца в основе любой ценностной ориентации лежат желаемые, внеситуативные цели, различающиеся по степени значимости и побуждающие человека к действию. Система таких целей составляет определенный мотивационный тип [Молчанов, 2005].

Итак, целью проводимого нами исследования был сравнительно-возрастной анализ характеристик морально-ценностной сферы подростков и юношей – уровня развития морального сознания, уровня личностной автономии и ценностных ориентаций. Данные аспекты были ранее достаточно изучены отечественными исследователями, мы же со своей стороны предприняли попытку дополнить уже имеющиеся результаты актуальными данными.

Метод

В исследовании приняли участие 50 учащихся в возрасте от 11 до 18 лет (29 девочек и 21 мальчик) лица №13 п. Краснообск Новосибирской области. Для сравнения были выделены группы подростков и лиц юношеского возраста. В группу подростков (П) вошли 25 человек (15 девочек и 10 мальчиков) в возрасте 11–12 лет, в группу лиц юношеского возраста (Ю) также вошли 25 человек (14 девочек и 11 мальчиков) в возрасте 17–18 лет. Выделенные группы были эквивалентными по таким характеристикам, как состав семьи, успеваемость, дополнительные интересы и увлечения.

Для исследования показателей морально-ценностной сферы подростков и лиц юношеского возраста использовались следующие методики: опросник «Справедливость-забота» для изучения уровня развития моральных суждений [Молчанов, 2011]; опросник оценки автономии [Поскребышева, Карабанова, 2014], направленный на выявление как общего уровня разви-

тия автономии подростков и юношей, так и ее эмоционального, поведенческого, когнитивного и ценностного компонентов; ценностный опросник С. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева [Карандашев, 2004, Шварц, 2008].

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью лицензионного пакета программ IBM SPSS Statistics 22. Достоверность различий между сравниваемыми независимыми группами устанавливалась с помощью *U*-критерия Манна – Уитни.

Результаты исследования

В результате сравнительного анализа показателей уровня развития морального сознания методики «Справедливость-забота» было установлено достоверно значимое различие в выделенных группах по следующим показателям: «Ориентация на мнение других, стремление “быть хорошим”» (10,28 и 8,76 соответственно; $U = 188,0$; $p = 0,014$), «Социальный закон и порядок» (12,04 и 9,08 соответственно; $U = 89,5$; $p = 0,000$), «Социальный контракт, учет прав личности» (7,68 и 11,36 соответственно; $U = 92,5$; $p = 0,000$), «Ориентация на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе» (11,36 и 9,68 соответственно; $U = 190,5$; $p = 0,016$), «Рефлексивная эмпатическая ориентация» (12,28 и 10,04 соответственно; $U = 121,0$; $p = 0,000$), «Сознательный учет интериоризованных ценностей» (24,4 и 22,44 соответственно; $U = 185,0$; $p = 0,013$) (табл. 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что у подростков выявлены более высокие показатели конвенционального уровня развития морального сознания (по Л. Колбергу) и ориентация на одобрение другими (по К. Гиллиган – Н Айзенберг), что соотносится с результатами ранее проведенных исследований [Молчанов, 2007]. У лиц юношеского возраста в предпочтении моральных суждений выявлены снижение уровня согласия в рамках конвенционального уровня. Для них менее значимыми оказываются идеи ориентации на мнение ближайшего окружения, мораль «быть хорошим в глазах других» (3-я стадия), социального закона и порядка как формы построения общества (4-я стадия). При этом следует отметить, что ориентация на социальный контракт и учет прав личности (5-ая стадия) для них приобретают особую значимость. При рассмотрении возрастной динамики предпочтения моральных ценностей принципа заботы согласно полученным результатам можно увидеть, что для подростков в целом в большей степени характерны ориентация на получение одобрения со стороны окружающих, интересы других людей и на их хорошее мнение о себе, на заботу в отношении окружающих, сознательный учет интериоризованных ценностей.

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей методики «Справедливость-забота»
в группах младших и старших подростков

Уровень моральных суждений	1-я группа (П) (n = 25)	2-я группа (Ю) (n = 25)	U- критерий Манна – Уитни	p
	m ± σ			
СПРАВЕДЛИВОСТЬ (подход Л. Кольберга)				
1. Доконвенционный уровень				
Власть авторитетов, боязнь наказаний	8,24 ± 2,60	7,48 ± 1,74	276,5	0,478
Инструментальный обмен	9,56 ± 2,79	8,80 ± 2,12	260,5	0,307
2. Конвенционный уровень				
Ориентация на мнение других, стремление «быть хорошим»	10,28 ± 2,35	8,76 ± 1,86	188,0	0,014
Социальный закон и порядок	12,04 ± 1,21	9,08 ± 2,41	89,5	0,000
3. Постконвенционный уровень				
Социальный контракт, учет прав личности	7,68 ± 2,41	11,36 ± 2,43	92,5	0,000
Стадия универсальных этических принципов	11,36 ± 2,43	10,40 ± 1,76	220,0	0,70
ЗАБОТА (подход К. Гиллиган)				
1. Самозабоченность				
Ориентация на себя, на свои интересы	9,12 ± 2,80	9,24 ± 2,26	294,0	0,717
Ориентация на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе	11,36 ± 1,82	9,68 ± 2,69	190,5	0,016

Уровень моральных суждений	1-я группа (П) (n = 25)	2-я группа (Ю) (n = 25)	U- критерий Манна – Уитни	p
	m ± σ			
2. Самопожертвование				
Рефлексивная эмпатическая ориентация	12,28 ± 1,65	10,04 ± 1,93	121,0	0,000
Учет интериоризованных ценностей, защита прав других	11,32 ± 1,99	10,64 ± 1,87	244,0	0,178
3. Самоуважение				
Сознательный учет интериоризованных ценностей	24,40 ± 1,98	22,44 ± 2,79	185,0	0,013

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей опросника оценки автономии
(О. А. Карабанова, Н. Н. Поскребышева, 2014) в группах младших и старших подростков

Критерии	1-я группа (П) (n = 25)	2-я группа (Ю) (n = 25)	U- критерий Манна – Уитни	p
	m ± σ			
Эмоциональная автономия	10,00 ± 1,98	10,8 ± 2,10	245,0	0,185
Когнитивная автономия	11,40 ± 2,20	12,72 ± 1,43	192,5	0,018
Поведенческая автономия	10,92 ± 2,22	12,12 ± 1,59	211,0	0,046
Ценностная автономия	10,64 ± 1,91	11,80 ± 1,53	190,5	0,016
Общий уровень автономии	42,88 ± 5,41	47,44 ± 4,75	174,5	0,007

Исследование показателей оценки личностной автономии показало достоверно значимые различия в сравниваемых группах по следующим критериям: «Когнитивная автономия» (11,4 и 12,72 соответственно; $U = 192,5$; $p = 0,018$), «Поведенческая автономия» (10,92 и 12,12 соответственно; $U = 211,0$; $p = 0,046$), «Ценностная автономия» (10,64 и 11,80 соответственно; $U = 190,5$; $p = 0,016$), «Общий уровень автономии» (42,88 и 47,44 соответственно; $U = 174,5$; $p = 0,007$) (табл. 2).

Полученные данные позволяют установить, что лица юношеского возраста в сравнении с подростками имеют более высокий общий уровень личностной автономии, ее когнитивного, поведенческого и ценностного компонентов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в юношеском возрасте развитие морали определяется движением к автономии в моральном суждении и поступке. При этом важно отметить, что развитие автономии связано с отказом лиц юношеского возраста от следования привычным способам функционирования в сфере моральных норм и приоритетов и переориентацией на поиск новых самостоятельных решений. Это находит отражение в меньшей значимости для юношей ориентации на мнение других, значимости для них норм закона и порядка, приоритета прав личности и меньшей готовностью к самопожертвованию ради других и динамичной (неустоявшейся) системой ценностей. Это позволяет рассматривать юношеский возраст как более сензитивный к выработке собственной моральной позиции на основе личностного выбора [Молчанов, Маркина, 2014; Молчанов, 2015].

В результате исследования ценностей у подростков и лиц юношеского возраста с помощью ценностного опросника Шварца были выявлены достоверно значимые различия в показателях на уровне *нормативных идеалов* по следующим ценностям: «Конформность» (3,64 и 6,44 соответственно; $U = 111,5$; $p = 0,000$), «Традиции» (6,76 и 9,04 соответственно; $U = 151,0$; $p = 0,001$), «Универсализм» (5,25 и 7,20 соответственно; $U = 180,5$; $p = 0,009$), «Самостоятельность» (5,24 и 2,72 соответственно; $U = 118,5$; $p = 0,000$), «Гедонизм» (6,36 и 3,08 соответственно; $U = 109,5$; $p = 0,000$), «Достижения» (4,96 и 3,16 соответственно; $U = 181,5$; $p = 0,010$), «Безопасность» (3,88 и 5,36 соответственно; $U = 184,0$; $p = 0,012$) (табл. 3).

На уровне *индивидуальных приоритетов* достоверно значимые различия в показателях между выделенными группами также были выявлены по ценностям: «Конформность» (6,12 и 6,88 соответственно; $U = 111,5$; $p = 0,000$), «Традиции» (6,05 и 9,24 соответственно; $U = 151$; $p = 0,001$), «Универсализм» (4,28 и 5,72 соответственно; $U = 180,5$; $p = 0,009$), «Самостоятельность» (5,16 и 2,64 соответственно; $U = 118,5$; $p = 0,000$), «Гедонизм» (4,52 и 3,20 соответственно; $U = 109$; $p = 0,000$), «Достижения» (5,24 и 3,92 соответственно; $U = 181$; $p = 0,010$), «Безопасность» (4,04 и 6,04 соответственно; $U = 184,0$; $p = 0,012$) (табл. 4).

Таблица 3

Анализ показателей
ценностного опросника Ш. Шварца (обзор ценностей, уровень нормативных идеалов)
в группах подростков и лиц юношеского возраста

Ценностные ориентации	Ранг	1-я группа (П) (n = 25)		2-я группа (Ю) (n = 25)		Ранг	U-критерий Манна – Уитни	p
		m ± σ		m ± σ				
1. Конформность	10	3,64 ± 2,196		6,44 ± 2,219		4	111,5	0,000
2. Традиции	3	6,76 ± 2,962		9,04 ± 1,274		1	151,0	0,001
3. Доброта	9	3,84 ± 2,561		4,08 ± 1,913		7	259,5	0,297
4. Универсализм	6	5,25 ± 2,773		7,20 ± 1,915		2	180,5	0,009
5. Самостоятельность	5	5,24 ± 2,314		2,72 ± 1,646		10	118,5	0,000
6. Стимуляция	2	7,00 ± 3,109		5,84 ± 2,897		5	230,0	0,104
7. Гедонизм	4	6,36 ± 2,782		3,08 ± 2,019		9	109,5	0,000
8. Достижения	7	4,96 ± 2,525		3,16 ± 2,035		8	181,5	0,010
9. Власть	1	7,16 ± 2,996		7,12 ± 3,180		3	306,0	0,898
10. Безопасность	8	3,88 ± 2,108		5,36 ± 2,018		6	184,0	0,012

Таблица 4

Анализ показателей методики «Исследование ценностей личности Ш. Шварца»
(профиль личности, уровень индивидуальных приоритетов)
в группах младших и старших подростков

Ценностные ориентации	Ранг	1-я группа (П) (n = 25)		2-я группа (Ю) (n = 25)		Ранг	U-критерий Манна – Уитни	p
		m ± σ		m ± σ				
1. Конформность	2	6,12 ± 2,242		6,88 ± 1,973		2	111,5	0,000
2. Традиции	3	6,05 ± 2,606		9,24 ± 1,562		1	151,0	0,001
3. Доброта	10	3,88 ± 2,990		4,40 ± 2,327		7	259,5	0,297
4. Универсализм	8	4,28 ± 2,389		5,72 ± 2,441		5	180,5	0,009
5. Самостоятельность	6	5,16 ± 2,528		2,64 ± 1,497		10	118,5	0,000
6. Стимуляция	4	6,04 ± 2,282		4,44 ± 2,873		6	230,0	0,104
7. Гедонизм	7	4,52 ± 2,815		3,20 ± 2,380		9	109,5	0,000
8. Достижения	5	5,24 ± 3,153		3,92 ± 2,515		8	181,5	0,010
9. Власть	1	7,80 ± 3,559		6,80 ± 2,449		3	306,0	0,898
10. Безопасность	9	4,04 ± 2,208		6,04 ± 2,189		4	184,0	0,012

Полученные данные говорят о том, что в группе лиц юношеского возраста более высокие показатели отмечаются в отношении таких ценностей, как «Традиции», «Конформность», «Безопасность», «Универсализм». И здесь мы видим некоторую противоречивость в результатах, полученных с помощью других методик. Индивидуалистическая направленность лиц юношеского возраста на развитие личной автономии формируется наряду с поддержанием общих традиций и идей в рамках социокультурной или религиозной группы, ориентации на общепринятые нормы и ожидания, желания сохранить стабильное существование, стремления к пониманию и признанию всех других людей, терпимому отношению к ним и заботе об их благополучии. Выбор данных ценностей во многом может быть обусловлен развитием форм кооперации и сотрудничества молодых людей с другими людьми в значимых видах деятельности [Психология человека от рождения до смерти, 2002; Молчанов, 2005].

Для группы подростков более важными являются «Власть», «Достижения», «Самостоятельность», «Гедонизм». Это может свидетельствовать о вступлении в переходный период с присущими данному возрасту тенденциями: выраженным стремлением к самоутверждению и независимости, желанием достичь личного успеха в конкретной деятельности за счет собственной компетентности в соответствии с социальными стандартами и последующим социальным одобрением, выраженным исследовательским интересом, чувственной направленностью на себя и стремлением к получению удовольствий для себя.

Таким образом, в результате проведенного сравнительного анализа особенностей развития морально-ценностной сферы в группе подростков и лиц юношеского возраста мы можем сделать следующие выводы.

1. В группе подростков были выявлены более высокие показатели конвенционального уровня развития морального сознания и ориентация на одобрение другими. Моральные ценности принципа заботы в группе подростков реализуются через ориентацию на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе, на заботу в отношении окружающих, сознательный учет интериоризированных ценностей.

2. Для лиц юношеского возраста в предпочтении моральных суждений характерно снижение уровня согласия в рамках конвенционального уровня. Идеи ориентации на мнение ближайшего окружения оказываются для них менее значимыми, чем ориентация на социальный контракт и учет прав личности.

3. Лица юношеского возраста в сравнении с подростками имеют более высокий общий уровень личностной автономии, ее когнитивного, поведенческого и ценностного компонентов.

4. Выбор ценностных ориентаций в группе подростков позволяет говорить о присущих данному возрасту тенденциях, связанных с выраженным стремлением к самоутверждению и независимости, желанием достичь

личного успеха в конкретной деятельности за счет собственной компетентности в соответствии с социальными стандартами и последующим социальным одобрением, выраженным исследовательским интересом, чувственной направленностью на себя и стремлением к получению удовольствий для себя.

5. Индивидуалистическая направленность лиц юношеского возраста на развитие личной автономии формируется наряду с поддержанием общих традиций и идей в рамках социокультурной или религиозной группы, ориентации на общепринятые нормы и ожидания, желания сохранить стабильное существование, стремления к пониманию и признанию всех других людей, терпимому отношению к ним и заботе об их благополучии.

Список литературы

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 1 (95). С. 5–35.

Данилова Е. А. Ценностные ориентации и идеалы молодежи современной российской провинции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. №4. С. 17–23.

Карандашев Н. В. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.

Ковшиова Е. С. Урбанизация и моральное сознание в России: 2000-е годы (социологический аспект) // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2014. № 25 (354). С. 154–158.

Молчанов С. В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2011. Т. 14, No. 2. С. 59–72.

Молчанов С. В. Морально-ценностные ориентации как функция социальной ситуации развития // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3, № 1. С. 73–79.

Молчанов С. В. Особенности ценностных ориентаций личности в подростковом и юношеском возрастах // Психологическая наука и образование. 2005. Т. 10, № 3. С. 16–25.

Молчанов С. В., Маркина О. С. Динамика моральной ориентации в младшем подростковом, старшем подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6, No. 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/4/Molchanov_Markina.phtml (дата обращения 09.09.2019)

Молчанов С. В., Поскребышева Н. Н., Запуниди А. А., Маркина О. С. Развитие личностной автономии как условие формирования ориентации подростка в моральной сфере // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 4. С. 22–29. DOI 10.17759/chp.2015110402

Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2006. 480 с.

Поскребышева Н. Н., Карбанова О. А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 34–41.

Психология человека от рождения до смерти. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 656 с.

Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. Т. 5, № 2. С. 36–67.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1990.

Eisenberg N. Altruistic Emotion, Cognition and Behavior. Hillsdale, 1986.

Gilligan C. In a different voice: Women's conceptions of self and morality // Harvard Educational Review. 1977. Vol. 47.

Hoffman M. Development of prosocial motivation: Empathy and guilt // N. Eisenberg (ed.). The Development of Prosocial Behavior. N. Y., 1982. 15 p.

Kohlberg L. Essays on Moral Development. Vol. 2. The psychology of moral development. San Francisco, 1984/

Rest J. R. Moral Development: Advances in Research and Theory. N. Y.: Praeger, 1986. 241 p.

Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58.

Материал поступил в редколлегию 22.08.2019

E. S. Seredovich¹, O. V. Kiseleva²

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

¹ e.seredovich@yandex.ru, ² kiseleva_ov@inbox.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF LEVELS
OF DEVELOPMENT OF MORAL CONSCIOUSNESS,
PERSONAL AUTONOMY AND VALUABLE ORIENTATIONS
IN TEENAGERS AND YOUTH**

In this article, from the position of the age-psychological approach, the results of the study of the moral and value sphere in groups of adolescents and young people are presented. Adolescence and youth are sensitive periods in terms of the formation of a moral and value orientation that performs a regulatory function and defines sustainable value preferences and life principles that characterize a person's life choices. A comparative analysis of the levels of

development of moral judgments, personal autonomy and value orientations of adolescents and young people revealed the differences in the selected groups.

Keywords: moral and value sphere, levels of development of moral consciousness, personal autonomy, value orientations, age-psychological approach.

References

Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Cennostnye orientacii, нравственные установки и гражданская активность молодежи [Value orientations, moral attitudes and civic activism of youth]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija [Public Opinion Monitoring]*, 2010, vol. 1 (95), p. 5–35. (in Russ.)

Danilova E. A. Cennostnye orientacii i idealy молодежи современной российской провинции [Value orientations and ideals of youth in the modern Russian province]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij [Higher Education News]*, Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki, 2007, vol. 4, p. 17–23. (in Russ.)

Karandashev N. V. Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo [Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo]. St. Petersburg, Rech', 2004. (in Russ.)

Kovshova E. S. Urbanizacija i moral'noe soznanie v Rossii: 2000-e gody (sociologicheskij aspekt) [Urbanization and moral consciousness in Russia: 2000s (sociological aspect)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2014, vol. 25 (354), p. 154–158. (in Russ.)

Molchanov S. V. Moral' spravedlivosti i moral' zaboty: zarubezhnye i otechestvennye podhody k moral'nomu razvitiyu [Moral justice and morality of care: foreign and domestic approaches to moral development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*, Serija 14. Psihologija, 2011, vol. 14, no. 2, p. 59–72. (in Russ.)

Molchanov S. V. Moral'no-cennostnye orientacii kak funkcija social'noj situacii razvitija [Moral'no-cennostnye orientacii kak funkcija social'noj situacii razvitija]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*, 2007, vol. 3, no. 1, p. 73–79. (in Russ.)

Molchanov S. V. Osobennosti cennostnyh orientacij lichnosti v podrostkovom i junosheskom vozrastah [Features of value orientations of personality in adolescence and youth]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*, 2005, vol. 10, no. 3, p. 16–25. (in Russ.)

Molchanov S. V., Markina O. S. Dinamika moral'noj orientacii v mladšem podrostkovom, staršem podrostkovom i junosheskom vozraste [The dynamics of moral orientation in young adolescents, older adolescents and adolescents]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*, 2014, vol. 6, no. 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/4/Molchanov_Markina.phtml (in Russ.)

Molchanov S. V., Poskrebysheva N. N., Zapunidi A. A., Markina O. S. Razvitie lichnostnoj avtonomii kak uslovie formirovanija orientacii podrostka v moral'noj sfere [The development of personal autonomy as a condition for the formation of a teenager's orientation in the moral sphere]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*, 2015, vol. 11, no. 4, p. 22–29. DOI 10.17759/chp.2015110402 (in Russ.)

Piazhe Zh. Moral'noe suzhdenie u rebenka [Moral judgment in a child]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2006. (in Russ.)

Poskrebysheva N. N., Karabanova O. A. Issledovanie lichnostnoj avtonomii podrostka v kontekste social'noj situacii razvitija [The study of the personal autonomy of a teenager in the context of a social development situation]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]*, 2014, vol. 4 (16), p. 34–41. (in Russ.)

Psihologija cheloveka ot rozhdenija do smerti [Human psychology from birth to death]. St. Petersburg, Prajm-Evroznak, 2002. (in Russ.)

Shvarc Sh. Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstvija nacional'nyh razlichij [Cultural value orientations: nature and consequences of national differences]. *Psychology*, 2008, vol. 5, no. 2, p. 36–67. (in Russ.)

Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, 1990. (in Russ.)

Eisenberg N. *Altruistic Emotion, Cognition and Behavior*. Hillsdale, 1986.

Gilligan C. In a different voice: Women's conceptions of self and morality. *Harvard Educational Review*, 1977, vol. 47.

Hoffman M. Development of prosocial motivation: Empathy and guilt. In: N. Eisenberg (ed.). *The Development of Prosocial Behavior*. N. Y., 1982, 15 p.

Kohlberg L. *Essays on Moral Development. Vol. 2. The psychology of moral development*. San Francisco, 1984

Rest J. R. *Moral Development: Advances in Research and Theory*. N. Y.: Praeger, 1986, 241 p.

Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, vol. 58.

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-2-106-128

Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

Elena.dorosheva@mail.ru

ФАКТОР РОДИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА *

Обзор посвящен описанию специфической роли родителей в развитии детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Выделены основные направления современных исследований в этой области. Рассмотрены взаимосвязи привязанности и компонентов социального развития у детей с РАС с такими качествами родителей как сенситивность, отзывчивость, проницательность, синхронность во взаимодействии. Описаны особенности взаимосвязей эмоциональной регуляции родителей и ребенка, совместная эмоциональная регуляция родителя как важный фактор развития ребенка с РАС. Проанализированы факторы родительского стресса и его возможное влияние на развитие детей. Приведены представления о расширенном фенотипе аутизма как о возможной причине некоторых особенностей родителей детей с РАС и его влияния на детей. Сделано заключение о перспективных направлениях исследований рассматриваемой области и их практическом значении.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), родители детей с РАС, привязанность, эмоциональная регуляция, родительский стресс, расширенный фенотип РАС.

Расстройства аутистического спектра (РАС) – группа нарушений развития, характеризующихся преимущественным глубоким дефицитом коммуникативной сферы, нарушениями мотивации (резким сужением круга интересов) и саморегуляции, наличием повторяющихся форм поведения. Высокая распространенность РАС и их тяжелое протекание обуславливают пристальное внимание к поиску причин их возникновения и методов абилитации.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925).

На настоящем этапе уже очевидно, что наибольшее значение для абилитации людей с РАС имеют ранние и интенсивные воздействия. Это закладка фундамента, который в дальнейшем позволяет выстраивать изначально дефицитарные психические функции. Один из важнейших аспектов работы с ребенком, страдающим РАС, – это вовлечение семейного контекста, его взаимодействий с близкими людьми. Именно в семье идет первичное развитие и созревание социальных умений, что имеет важнейшее значение для любого ребенка и приобретает особую роль при нарушениях аутистического спектра.

Поиск различий в поведении родителей детей с РАС и родителей нетипичных детей был связан с поиском причин РАС, которые некоторые исследователи видели, в частности или всецело, в «неправильном воспитании» [Asperger, 1944; Bettelheim, 1967; Kanner, 1943]. В ДСМ-III РАС даже рассматривались как «реактивные расстройства привязанности». Сейчас, с существованием огромного массива данных о нейрофизиологии, нейрохимии, генетических предикторах РАС, этот подход имеет историческое значение, однако ценность его состояла в том, что внимание было обращено к особенностям, присутствующим у некоторых родителей детей с РАС. Перевод акцента с обвинения родителей на исследование их когнитивной, речевой, коммуникативной сфер позволил рассмотреть расширенный фенотип аутизма, который будет описан ниже.

Развитие привязанности

Особенности поведения родителей, которые могут влиять на формирование привязанности у ребенка, остались в центре внимания исследователей (необходимо отметить, что предметом исследований у родителей в первую очередь становились те функции, нарушения которых играют одну из ключевых ролей в развитии РАС). Однако сама идея нарушений привязанности при РАС претерпела существенные изменения. В ряде ранних работ не только отмечались нарушения привязанности у детей с РАС, но предполагалось даже, что они полностью не способны формировать дифференцированную привязанность, демонстрируют одинаковое отношение к близким и к незнакомым людям [Cohen et al., 1987; Rutter, 1978]. Однако приводились и наблюдения, согласно которым дети с РАС представляют собой разнородную группу: одни дети устойчиво избегают социальных контактов, другие могут быть вовлечены в них, а некоторые сами вступают в социальные взаимодействия, но необычными, странными способами [Wing, Gould, 1979]. Позже были описаны признаки надежной привязанности у детей с РАС: большая ориентация на взрослых, осуществляющих уход за ребенком, проявления радости при встрече после разделения с ними [Rogers et al., 1991; Sigman, Ungerer, 1984; Shapiro et al., 1987].

В одной из обзорных работ указывается, на основании анализа 17 исследований, что большинство авторов обнаруживают у детей с РАС признаки надежной привязанности. Мета-анализ количественных данных четырех исследований с использованием методики «Странная ситуация» показал, что 53 % детей с РАС были описаны как имеющие надежную привязанность [Rutgers et al., 2004]. Дети с РАС демонстрировали меньший процент надежной привязанности, чем дети контрольных групп, но эта разница исчезала в выборках с более высоким умственным развитием детей, а также в выборках, включавших часть детей с менее тяжёлыми симптомами РАС.

При этом отмечается, что характер взаимодействия детей, страдающих РАС, с близкими отличается от «классического» описания надежной привязанности. Так, в исследованиях Capps et al. (1994) показано, что все изученные дети с РАС демонстрируют паттерны, которые можно отнести к дезорганизованной привязанности, однако среди них выделяется ряд детей, проявляющих черты надежной привязанности. Помимо эксперимента для выявления типа привязанности изучали особенности взаимодействия детей и родителей в группах с разными типами привязанности. Дети, отнесенные к категории «имеющие надежную привязанность», чаще инициировали социальное взаимодействие со своими матерями, чем дети с диагностированной ненадежной привязанностью; они в большей степени реагировали на предложения матери о совместном внимании, чаще обращались с просьбами и в большей степени были восприимчивы к речи [Capps et al., 1994].

Еще одной особенностью привязанности у детей с РАС, по-видимому, выступает ее более позднее развитие. Отмечалось, что в 13 мес. дети с РАС отставали в развитии привязанностей от детей с другими нарушениями нервно-психического развития (умственной отсталостью, нарушениями речевого развития) и типично развивающимися детьми, но, по существу, догоняли их к 24 мес. [Grzadzinski, 2014].

Накопилось значительное количество данных о том, что материнская сенситивность (чувствительность к потребностям ребенка), отзывчивость по отношению к ребенку, пронизательность (попытки понять ребенка – т.е. задумываться о его мотивах поведения, чувствах, мыслях, индивидуальных особенностях и т.д.) прямо связаны с надежностью привязанности у детей с РАС [Capps et al., 1994; Dolev et al., 2014; Koren-Karie et al., 2009; Oppenheim et al., 2009; Rozga, 2018]. Та же закономерность проявляется и для нейротипичных детей.

В то же время есть данные о том, что существенно больший вклад в формирование надежной привязанности вносит тяжесть симптомов аутизма [van IJzendoorn et al., 2007]. M. van IJzendoorn и др. не выявили различий в сенситивности матерей детей с РАС и матерей нейротипичных детей, однако в случае первых сенситивность была практически не связана

с привязанностью. Они предположили, что родители детей в РАС в меньшей степени способны влиять на дефицит в привязанности ребенка из-за его особенностей.

По данным Воонен и др., напротив, чувствительность матерей детей с РАС, измеренная путем наблюдения, значимо ниже таковой у нейротипичных детей. Однако введение контроля родительского стресса делает различия незначимыми [Voonen et al., 2015].

В другом исследовании высокофункциональных аутистов 7–14 лет в сравнении с типично развивающимися сверстниками не было выявлено различий в уровне привязанности для групп детей, однако воспитывающие их люди сообщали о своей более высокой тревожности в отношении поведения привязанности и более высоком уровне стресса [Keenan et al., 2016].

Отношение родителей к ребенку и развитие его социальных навыков

Помимо связи перечисленных характеристик поведения матерей с привязанностью ребенка, изучали их отношение к другим параметрам развития детей с РАС. Например, было показано, что материнская чувствительность к поведению ребенка прямо связана с улучшением социального развития детей [Baker et al., 2007]. Уровень отзывчивости родителей детей с РАС прогнозировал в дальнейшем общее время совместного взаимодействия, инициированного детьми, в то время как уровень директивности – общее время совместного взаимодействия, инициированного родителями [Shire et al., 2013]. Уровень эмоциональной поддержки и сплоченность во время совместного занятия с книжками с картинками были в значительной степени связаны с социальными навыками детей, при этом сплоченность опосредовала связь между уровнем развития ребенка и его социальными навыками. При этом характер эмоций матери во время взаимодействия не был связан с социальными умениями детей [Haven et al., 2014].

Важным элементом взаимодействия родителей и детей также является их синхронность (временная согласованность движений, действий, сигналов, физиологических показателей; подстройка взрослого под внимание ребенка) родителя и ребенка. В частности, отмечалось, что более высокие показатели синхронности матери и ребенка во время совместной игры связаны с положительной динамикой совместного внимания и речевых способностей ребенка через год, 10 и 16 лет, при этом средняя синхронность во взаимодействии с ребенком у матерей детей с РАС и матерей нейротипичных детей была сходна [Siller, Sigman, 2008].

Yirmiya и др. (2006) выявили меньший уровень синхронности матерей и младших сиблингов ребенка с РАС – детей из «группы риска развития РАС». Для них вероятность развития РАС в 20 раз выше, чем в среднем по популяции [Zwaigenbaum et al., 2009]. Описана меньшая чувствительность и большая директивность матерей по отношению к той же группе детей

[Wan et al., 2012; Harker, 2017]. Сами авторы отмечают, что наличие в семье ребенка с РАС является фактором стресса и ощущения своей родительской неэффективности, что может влиять на отношение родителя к другим детям.

Что касается роли отцов в развитии детей с РАС, то, похоже, они расходятся с матерями в своих стратегиях взаимодействия с детьми. Отцы менее активно занимаются детьми младшего возраста [Flippin, Watson, 2006; Konstantareas, Stewart, 2006]. По некоторым данным, отцы более директивны [Konstantareas et al., 2008]. В то же время те отцы, которые были более чувствительными и словесно отзывчивыми, позитивно отвечали на потребности своих детей с РАС, имели детей с более высокими речевыми баллами [Flippin, Watson, 2015].

Для исследования специфических характеристик, важных в детско-родительском взаимодействии в семьях, где воспитываются дети с РАС, используются не только методы наблюдения, но и разрабатываются специальные, ориентированные на данную группу методики. Например, в опроснике G. Lambrechts и др. (2015) для описания особенностей воспитания детей с РАС содержится набор шкал, измеряющих общие характеристики родительского воспитания (позитивное родительство, поддержка автономии, правила и структура, дисциплина, вознаграждение, потворствование, наблюдение и безопасность) и адаптированные к ситуации РАС (стимуляция развития, адаптация среды).

К сожалению, в исследованиях такого рода практически невозможно оценить направление действия двух факторов – влияние родительских качеств на навыки и поведение детей и влияние проявлений детей на формирование устойчивых паттернов поведения родителей. Сенситивность, проницательность, отзывчивость, синхронность родителя могут благоприятно влиять на развитие ребенка, в то же время дети с менее выраженной симптоматикой РАС могут давать лучшую обратную связь, создавать менее стрессовую ситуацию для матерей и отцов, что может вести к увеличению их коммуникативной компетентности [Crowell et al., 2019]. Попытки выявить направленность данных факторов проводятся в исследованиях эффективности программ по абилитации детей с РАС, в которые вовлекаются родители – они получают воздействие, которое может отразиться на измеряемых параметрах развития детей.

Эмоциональная регуляция родителей и ребенка

Другое направление исследований особенностей родителей детей РАС во взаимосвязи с развитием ребенка связано с изучением способности родителей к регуляции эмоции и совладания с факторами стресса, а также самого уровня родительского стресса. J. Gottman и J. Katz (1989) определяют регуляцию эмоций следующим образом: это способность ингибировать неподобающее поведение, связанное с сильной отрицательной или

положительной эмоцией; самостоятельно снижать любое физиологическое возбуждение, вызванное сильным воздействием; переориентировать внимание и организовать координированные действия для достижения внешних целей.

Эмоциональная регуляция относится к когнитивной исполнительской системе, отвечающей за целесообразность и целостность поведения. Она имеет нейробиологическую основу [Myounghoon, 2017], однако взаимодействие с родителями играет центральную роль в ее развитии путем успокоения ребенка, организации и переориентации его внимания, создания мотивационной и эмоциональной основы, позволяющей в дальнейшем нейротипичным детям вырабатывать независимые стратегии регуляции эмоций [Kiel, Kalomiris, 2016]. Полагают, что те же функции выполняет и совместная с ребенком родительская регуляция эмоций (то есть такое взаимодействие с ним, целью которого выступает регуляция его эмоций) и для детей с РАС [Chan., Weiss, 2017].

Предполагается, что симптоматика РАС в значительной степени связана с незрелостью, дефицитностью механизмов эмоциональной регуляции. Дошкольники с РАС предпочитают малоадаптивные незрелые способы регуляции, такие как «выплескивание» эмоций или избегание [Jahromi et al., 2012], самоуспокоение с помощью стереотипного поведения [Ostfeld-Etzion et al., 2015a], в то время как нейротипичные дети применяют переключение внимания, переоценку, переосмысление. Подростки с высокофункциональными РАС овладевают, как и нейротипичные подростки, адаптивными стратегиями регуляции эмоций, однако продолжают сообщать о значительной доле малоадаптивных стратегий (руминации, «вторгающиеся» мысли, физиологическое и эмоциональное возбуждение, «опустошение» разума) [Mazefsky et al., 2014]. У взрослых людей с РАС также отмечаются сложности с регуляцией эмоций [Weiss et al., 2014]. Выдвинуто предположение, что в основе нарушения саморегуляционных процессов такого рода лежит формирующаяся на основе сенсорной дезинтеграции, нарушений восприятия и самовосприятия интолерантность к ситуациям даже с малой степенью неопределенности, не стрессогенным или умеренно стрессогенным для нейротипичного человека [Первушина, 2018; Первушина, Хорошилов, 2018]. Последнее время сообщается, что нарушения регуляции эмоций – неотъемлемая составляющая РАС [Mazefsky et al., 2014].

В связи с этим важность изучения регуляции эмоций у родителей детей с РАС в контексте их взаимодействия приобретает огромное значение.

Есть основания полагать, что симптомы РАС в области социальной коммуникации и взаимодействия оказывают негативное влияние на чувствительность родителей, совместное внимание и директивность – факторы, которые имеют ключевое значение для родительских стратегий эмоциональной регуляции во взаимодействии с маленькими детьми. Например,

большая тяжесть симптомов РАС у ребенка была связана со снижением сонастройки внимания и синхронизации матери и ребенка во время совместной игры (измеряемой с помощью фиксации КГР на протяжении всего процесса игры у обоих участников) [Baker et al., 2015].

Y. Guo и др. описали, что диадические взаимодействия матери и ребенка с РАС менее согласованы, чем в случае матерей и нейротипичных детей, на уровне эмоциональной вовлеченности (например, ребенок испытывает отрицательные эмоции, а мать – положительные). Кроме того, дети с РАС тратили больше времени на вовлечение во взаимодействия с объектами в детско-родительских отношениях, чем нейротипичные дети [Guo et al., 2017].

В одном из исследований детям была представлена парадигма «Безжизненное лицо» («Still-Face Paradigm») [Ostfeld-Etzion et al., 2015b]. Данная экспериментальная процедура была разработана E. Tronick и др. (1978) для определения реакции маленького ребенка на изменения коммуникативных сигналов матери во время взаимодействия лицом к лицу. Когда мать, после периода игры, по инструкции делает «безжизненное лицо» и не отвечает на реакции ребенка, нейротипичский ребенок перестает улыбаться, вокализовать, проявляет отрицательные эмоциональные реакции и саморегуляционное поведение.

В течение эпизода «безжизненного лица» дети с РАС были расстроены и усилили свой социальный взгляд на своих родителей. Они использовали более простое регулирование эмоций, чем нейротипичные дети, включая самоуспокоение с помощью повторяющегося поведения, поиск близости, перенаправление внимания и замещающую игру. Матери и отцы детей с РАС, в сравнении с родителями нормативно развивающихся детей, показали более позитивные эмоции до и после эпизода «безжизненного лица», более «социальный» взгляд после эпизода. Регуляторные стратегии родителей детей с РАС также были проще, чем таковые у нейротипичных детей. Согласно предположению авторов исследования, это свидетельствует о том, что во время эксперимента и в обычной жизни эти родители прилагают значительные усилия в области регулирования эмоций детей, подстройку под их особенности [Ostfeld-Etzion et al., 2015b].

Также в рамках данного исследования измеряли выработку кортизола в ответ на стресс, вызванный «Безжизненным лицом». Все дети показали увеличение уровня кортизола в ответ на новизну ситуации, со временем снижающийся. Однако лишь у детей с РАС присутствие матерей подавляло выработку кортизола в ответ на новую ситуацию. При взаимодействиях с отцами динамика кортизола была сходна с таковой у нейротипичных детей (более высокий уровень с последующим периодом восстановления). Авторы исследования предполагают, что стратегии регуляции эмоций у матерей и отсутствие кортизольных ответов у детей указывают на то, что типичное повышение кортизола у детей с РАС подавляется присутствием

матери. Это явление аналогично тому, что наблюдается у новорожденных грызунов до созревания гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси. Авторы заключают, что механизм патофизиологии РАС может быть связан с аномальным продлением чувствительного периода ее созревания, при котором матери оказывают социальный буферный эффект в течение существенно более продолжительных периодов времени [Ostfeld-Etzion et al., 2015b].

Измерение уровней кортизола у детей с РАС и их родителей также выступает одним из методов измерения взаимосвязанного эмоционального стресса в диадах «ребенок – родитель». Уровни кортизола, тесно связанные между собой, указывают на аналогичные уровни стресса и считаются показателями менее эффективной регуляции эмоций родителем (стрессовое реагирование родителя отражает стресс ребенка и наоборот, родитель не регулирует и успокаивает реакцию детского стресса). В исследовании игровых взаимодействий с родителями дошкольников с РАС и нейротипичных выявляли взаимосвязи между уровнем кортизола ребенка и матери, ребенка и отца. Для всех детей уровень кортизола отцов прогнозировал уровень их кортизола, что авторы интерпретировали как снижение эффективности эмоциональной регуляции со стороны отцов в целом. Для более чувствительных к ребенку отцов корреляция была слабее, а их дети в большей степени могли саморегулироваться и меньше проявляли стратегии избегания. Напротив, уровень кортизола матерей не прогнозировал уровень кортизола у детей, на основании чего был сделан вывод о более эффективной эмоциональной регуляции у матерей [Saxbe et al., 2017].

Помимо объективных методов измерения в современных исследованиях активно используются родительские самоотчеты об уровнях стресса, успешности и способах саморегуляции эмоций. Родительские самоотчеты о трудностях регуляции эмоций были связаны с более низким уровнем позитивных и направленных на сотрудничество форм поведения при взаимодействии с детьми трех-четырёх лет с РАС [Shaffer, Obradovic, 2017].

Еще одно современное исследование было посвящено исследованию связи совместной регуляции эмоций родителем (то есть выстраивания родителями основы для регуляции эмоций ребенка – побуждение ребенка, следование за ребенком, его успокоение), регуляции эмоций ребенка, внутренних (интернальных) и внешних (экстернальных) проблем детей с РАС. Для стратегий совместной регуляции не была выявлена связь с сообщаемыми родителями уровнями интернальных проблем детей. Снижение совместной регуляции и особенности эмоциональной регуляции у детей прогнозировали экстернальные проблемы под контролем за возрастом ребенка и его умственным развитием [Ting, Weiss, 2017].

Было показано, что отрицательные эмоции матерей и детей, материнская критика прогнозируют проблемы в поведении подростков и взрослых с РАС (в возрасте 10-47 лет) через 18-месячный интервал [Greenberg et al.,

2006]. Последующее семилетнее исследование данной обширной выборки (включавшей более четырехсот семей) было направлено на уточнение механизмов этого феномена и его направленности (т.е. критика увеличивает-ся при увеличении проблем или усиление проблем вызывает критику), выстраивались кривые материнской критики и поведения детей. Было установлено, что изменения в материнской критике предсказывают поведенческие проблемы, однако изменения в проблемах поведения не предсказывают материнскую критику. Уровень интеллектуального дефекта также не был связан с критикой. Интересно, что критика усиливалась перед окончанием детьми обучения в школе, что исследователи связали с тревогой матерей за детей [Baker et al., 2011]. 149 матерей подростков и взрослых с РАС делали самоотчеты о качестве своих отношений с ребенком, также оценивалась теплота и похвала матерей по отношению к ребенку в 5-минутном рассказе о его поведении в течение двухлетнего периода. Качество отношений, теплота и похвалы были связаны не только с сокращением поведения проблем детей на протяжении двух лет, но в снижении характерных для РАС симптомов повторяющегося поведения (исследование проводилось под контролем IQ детей) [Smith et al., 2008].

Родительский стресс и поведение детей

Как было сказано выше, переменной, влияющей на поведение родителей, выступает родительский стресс. Сравнение родителей детей с РАС и родителей нейротипичных детей показывает высокий уровень стресса в первой группе, связь уровня стресса прямо связана с тяжестью симптомов аутизма, отвлекаемостью, гиперактивностью, обратно – с речевым развитием ребенка [Pastor-Cerezuola et al., 2016]. Указывают на обратную связь уровня материнского стресса с решением проблем чрезмерной вовлеченности в семейную ситуацию и получением социальной поддержки [Baker et al., 2011].

Возникает вопрос о специфичности повышения уровня стресса у родителей детей с РАС в сравнении с родителями детей с другими ментальными и соматическими нарушениями. Есть некоторые свидетельства о том, что стрессовые реакции имеют специфические черты. Например, описан более высокий уровень стресса у родителей детей с РАС, чем у родителей детей с синдромом Дауна, преобладание в данной группе материнского стресса над отцовским (что не характерно для детей с синдромом Дауна), специфика в области эффективности стратегий совладания со стрессом [Dabrowska, Pisula, 2010]. По всей видимости, специфика поражения коммуникативной сферы у детей с РАС, что препятствует как их интеграции в социум, так и построению контакта с родителями, возвращению желаемой родителями обратной связи, приводит к возникновению определенного спектра проблем, задающего особенности родительского стресса при РАС. Отсутствие в ряде случаев адекватной медицинской и психологиче-

ской помощи ребенку, неприятие ребенка в социуме отмечаются как причины родительского стресса наряду с тяжестью симптоматики РАС [Pisula, 2011]. Более высокие уровни материнского стресса, отмечающиеся рядом исследователей, интерпретируют как следствие разных функций родителей по отношению к ребенку с нарушениями развития [Feeny et al., 2017].

Ставятся вопросы о релевантности самоотчетов родителей детей с РАС об уровне стресса. Например, в одном из исследований сравнивали изменения показателей сердечного ритма в ответ на плач детей у родителей детей с РАС и нейротипичных детей. Физиологические измерения выявили более высокий уровень реакции у родителей детей с РАС, однако показатели стресса по самоотчету не различались [Ozturk et al., 2018]. Привыкание к определенному уровню стресса может, по-видимому, существенно влиять на самооценку своего состояния.

Важнейшим вопросом остается, влияет ли уровень родительского стресса на развитие детей или в основном является его производной. Есть отдельные данные о том, что уровень родительского стресса может негативно влиять на результативность работы с детьми с РАС [Osborne et al., 2011] и повышать негативное воздействие на детей [Pottie, Ingram, 2008]. Перспективным выглядят предложения о просвещении родителей в вопросах эмоциональной регуляции, способах совладания со стрессом [Canon, Kenworthy, 2011; Lyons et al., 2010; Mazefsky et al., 2013]. Оценка их эффективности в контексте развития детей с РАС может способствовать оценке влияния родительского стресса на разные аспекты развития. В целом данный вопрос нуждается в дальнейших исследованиях.

Исследование расширенного фенотипа РАС

Наконец, исследуются характеристики родителей, которые могут быть связаны с расширенным (субклиническим) фенотипом РАС, и их возможное влияние на развитие ребенка. Идея о носительстве родителями черт, негативно влияющих на развитие детей с РАС, как уже указывалось, имеет ранние корни [Asperger, 1944; Kanner, 1943] и до сих пор отражается в некоторых исследовательских направлениях. Например, современный российский обзор факторов детско-родительских взаимодействий в семьях, где воспитываются дети с РАС, носит название «Значение детско-родительского взаимодействия как фактора риска атипичного развития детей с расстройствами аутистического спектра» [Лаврова и др., 2018].

Попытка определения ключевых особенностей расширенного фенотипа РАС была сделана путем сравнения родителей, у которых было двое или более детей с РАС с родителями с одним ребенком с РАС и с родителями детей с синдромом Дауна [Piven et al., 1997a; Piven et al., 1997b]. Некоторые родители детей с РАС были более отчужденными и имели меньше дружеских отношений, показывали прагматические языковые нарушения (нарушения коммуникативной стороны речи: речь эмоционально выхоло-

щенная, штампованная, часто имеющая отраженный характер), а также были более чувствительными к критике и более тревожными по сравнению с родителями двух других групп [Losh et al., 2009]. Дети родителей, имеющих расширенный фенотип аутизма, были более сильно поражены симптомами РАС, чем дети прочих участников исследования, однако у детей с одним или двумя родителями с расширенным фенотипом РАС не выявлено разницы в тяжести симптомов [Sasson et al., 2013].

В небольшом исследовании с использованием самоотчета и подсчетом коэффициента аутизма (AQ) родители детей с РАС отличались от родителей группы контроля тем, что описывали некоторые нарушения в области коммуникации и социальных навыков [Greenberg et al., 2006]. В ходе более крупного выборочного последующего исследования родители детей с РАС сообщили о большем ухудшении всех компонентов AQ: коммуникации, социальных навыков, переключения внимания, воображения и внимания к деталям [Baron-Cohen, et al., 2001; Wheelwright et al., 2010]. На еще одной небольшой выборке родителей детей с АСД также были получены различия в социальной области AQ [Piana et al., 2007]. Матери детей с АСД, сообщившие о трудностях с общением и переключением внимания, имели детей с более серьезными социальными расстройствами, как это оценивалось в Social Responsiveness Scale [Hasegawa et al., 2015]. Нейропсихологическое тестирование показало, что родители, и особенно отцы, детей с РАС имеют сниженные исполнительные навыки [Hughes et al., 1997].

Эти и ряд подобных исследований представляют свидетельства того, что многие дети, находящиеся в группе генетического риска, являются также подверженными воздействию родителей с дефицитностью в тех же областях, что дополнительно влияет на взаимодействие между родителями и детьми и их развитие с самого раннего возраста [Wan et al., 2012].

Однако, как и для прочих особенностей родителей детей с РАС, сложно отделить первичную дефицитность тех или иных функций от реакции на особенности ребенка с РАС, что также обозначает возможные направления будущих исследований.

Заключение

Итак, подводя итоги обзора исследований разных аспектов влияния родительского фактора на развитие детей с РАС, можно отметить существование как благоприятных для ребенка изменений в поведении родителя (специфической подстройки к особенностям ребенка), так и достаточно обширного перечня негативно влияющих изменений. Заслуживает внимания как большая нагрузка, ложащаяся на матерей детей с РАС, так и разница в стратегиях взаимодействия с ребенком у матерей и отцов. Вероятно, следует уделить внимание специфике взаимодействия с детьми у отцов, воспитывающих детей с РАС, и мероприятиям, направленным на специфическую работу с ними (интеграция в семью, формирование навы-

ков взаимодействия с детьми, навыков совладания со стрессом в конкретной ситуации). Гипотеза об аномально длительном созревании системы эмоциональной регуляции у детей с РАС может быть рассмотрена в контексте практического формирования паттернов совместной регуляции эмоций у их родителей. И наконец, перспективным направлением кажется продолжение и расширение изучения влияния особенностей поведения родителей на ребенка, в лонгитюдных экспериментальных исследованиях с изменением паттернов поведения родителей.

Список литературы

Лаврова М. А., Львова О. А., Токарская Л. В., Лазаускене З. С. Значение детско-родительского взаимодействия как фактора риска атипичного развития детей с расстройствами аутистического спектра // Вопросы современной педиатрии, 2018. Т. 17, № 3. С. 194–199.

Первушина О. Н. Аутизм через призму отношения к неопределенности // Восьмая международная конференция по когнитивной науке. Светлогорск, 2018. С. 803–805.

Первушина О. Н., Хорошилов Б. М. О роли самовосприятия в когнитивном и социальном функционировании аутистов // Современные проблемы клинической психологии и психологии личности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2018. С. 104–108.

Asperger H. Die 'aunstisehen Psychopathen' im Kindesalter. *Arch. Psychiatr. Nervenkr.*, 1944, no. 117, p. 76–136.

Baker J. K., Fenning R. M., Crnic K. A., Baker B. L., Blacher J. Prediction of Social Skills in 6-Year-Old Children with and without Developmental Delays: Contributions of Early Regulation and Maternal Scaffolding. *Journal Information*, 2007, no. 112, p. 375–391.

Baker J. K., Smith L. E., Greenberg J. S., Seltzer M. M., Taylor J. L. Change in maternal criticism and behavior problems in adolescents and adults with autism across a 7-year period. *J. Abnorm. Psychol.*, 2011, vol. 120, no. 2, p. 465–475.

Baker J. K., Fenning R. M., Howland M. A., Baucom B. R., Moffitt J., Erath S. A. Brief Report: A Pilot Study of Parent – Child Biobehavioral Synchrony in Autism Spectrum Disorder. *J. Autism. Dev. Disord.*, 2015, № 45, p. 4140–4146.

Baron-Cohen S., Wheelwright S., Skinner R., Martin J., Clubley E. The autism-spectrum quotient (AQ): evidence from Asperger syndrome / high functioning autism, males and females, scientist and mathematicians. *J. Autism Dev. Disord.*, 2001, № 31, p. 5–17.

Bettelheim B. The empty fortress: infantile autism and the birth of the self. New York, NY, Free Press, 1967.

Boonen, H., van Esch, L., Lambrechts, G., Maljaars J., Zink I., Van Leeuwen K. Mothers' Parenting Behaviors in Families of School-Aged Children with

Autism Spectrum Disorder: An Observational and Questionnaire Study. *J. Autism Dev. Disord.*, 2015, vol. 45, p. 3580–3593.

Canon L., Kenworthy L. Unstuck and on target: an executive function curriculum to improve flexibility for children with autism spectrum disorders. Baltimore, MD, Paul H. Brookes Publishing, 2011.

Capps L., Sigman M., Mundy P. Attachment security in children with autism. *Dev. Psychopathol.*, 1994, № 25, p. 249–61.

Chan V., Weiss J. Emotion Regulation and Parent Co-Regulation in Children with Autism Spectrum Disorder. *J. Autism Dev. Disord.*, 2017, № 47, p. 680–689.

Cohen D., Paul R., Volkmar F. Issues in the classification of pervasive developmental disorders and associated conditions. In: Cohen D, Donnellan A. Paul R. (eds). *Handbook of autism and pervasive developmental disorders*. New York, Wiley, 1987, p. 221–243.

Crowell J. A., Keluskar J., Gorecki A. Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 2019, № 90, p. 21–29.

Dabrowska A., Pisula E. Parenting stress and coping styles in mothers and fathers of pre-school children with autism and Down syndrome. *Journal of Intellectual Disability Research*, 2010, vol. 54, I. 3, p. 266–280.

Dolev S., Oppenheim D., Koren-Karie N., Yirmiy N. Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2014, № 8, p. 958–967.

Feeney K., Powers M., Layer-Whelan S., Kromash R., Hughes C., James D., Felton J. Examining the Impact of Child Externalizing Behaviors on Parental Stress in Families of Children with an Autism Spectrum Disorder (ASD). *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/316495337_Examining_the_impact_of_child_externalizing_behaviors_on_parental_stress_in_families_of_children_with_an_Autism_Spectrum_Disorder_ASD (28.11.2019).

Gottman J., Katz J. Effects of marital discord on young children's peer interaction and health. *Dev. Psychol.*, 1989, № 25, p. 373–381.

Greenberg J. S., Seltzer M. M., Hong J., Orsmond G. I. Bidirectional effects of expressed emotion and behavior problems and symptoms in adolescents and adults with autism. *Am. J. Ment. Retard.*, 2006, vol. 111, p. 229–249.

Grzadzinski R., Luyster R., Spencer A., Lord C. Attachment in young children with autism spectrum disorders: An examination of separation and reunion behaviors with both mothers and fathers. *Autism: the international journal of research and practice*, 2012, vol. 18, № 2. DOI 10.1177/1362361312467235

Guo Y., Garfin D., Goldberg W. Emotion co-regulation in mother-child dyads: a dynamic systems analysis of children with and without autism spectrum disorder. *J. Abnorm. Child Psychol.*, 2017, vol. 45, p. 1369–1383.

Harker C. M., Ibañez L. V., Nguyen T. P., Messinger D. S., Stone W. L. The effect of parenting style on social smiling in infants at high and low risk for ASD. *J. Autism Dev. Disord.*, 2017, no. 46, p. 2399–2407.

Hasegawa C., Kikuchi M., Yoshimura Y., Hiraishi H., Munesue T., Nakatani H., Higashida H., Asada M., Oi M., Minabe Y. Broader autism phenotype in mothers predicts social responsiveness in young children with autism spectrum disorders. *Psychiatry Clin. Neurosci.*, 2015, № 69, p. 136–144.

Haven E., Manangan C., Sparrow J., Wilson B. The relation of parent-child interaction qualities to social skills in children with and without autism spectrum disorders. *Autism: the international journal of research and practice*, 2013, vol. 18, № 3. DOI 10.1177/1362361312470036

Flippin M., Watson L. Fathers' and mothers' verbal responsiveness and the language skills of young children with autism spectrum disorders. *Am. J. Speech Lang. Pathol.*, 2015, № 24, p. 400–410.

Jahromi L. B., Meek S. E., Ober-Reynolds S. Emotion Regulation in the Context of Frustration with High Functioning Autism and Their Typical Peers. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2012, № 53, p. 1250–1258.

Kanner L. Autistic disturbances of affective contact. *Nerv. Child.*, 1943, № 2, p. 217–250.

Keenan B. M., Newman L. K., Gray K. M., Rinehart N. J. Parents of children with ASD experience more psychological distress, parenting distress and attachment-related anxiety. *J. Autism Dev. Disord.*, 2016, № 46, p. 2979–2991.

Kiel E., Kalomiris A. Current Themes in Understanding Children's Emotion Regulation as Developing from within the Parent-Child Relationship. *Current opinion in psychology*, 2015, no. 3, p. 11–16.

Konstantareas M., Stewart K. Affect regulation and temperament in children with autism spectrum disorder. *J. Autism Dev. Disord.*, 2006, № 36, p. 143–154.

Konstantareas M., Mandel L., Homatidis S. The language patterns mothers and fathers employ with their autistic boys and girls. *Appl. Psycholinguist*, 2008, № 9, p. 403–414.

Koren-Karie N., Oppenheim D., Dolev S., Yirmiya N. Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2009, vol. 50, № 5, p. 643–650.

Lambrechts G., Maljaars J., Boonen H., van Esch L., Van Leeuwen K., Noens I. Parenting Behavior in Mothers of Preschool Children with ASD: Development of a Self-Report Questionnaire. *Autism Research and Treatment*, 2015. DOI 10.1155/2015/381236

Losh M., Childress D., Lam K., Piven J. Defining key features of the broad autism phenotype. *Am. J. Med. Genet.*, 2009, vol. 147, I. 4, p. 424–433.

Lyons, A. M., Leon, S. C., Roecker Phelps, C. E., Dunleavy, A. The impact of child symptom severity on stress among parents of children with an ASD: The

moderating role of coping styles. *Journal of Child and Family Studies*, 2010, vol. 19, № 4, p. 516–524.

Mazefsky C., Herrington J., Siegel M., Scarpa A., Maddox B., Scahill L., White S. The Role of Emotion Regulation in Autism Spectrum Disorder. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2013, № 52, p. 679–688.

Mazefsky C. A., Borue X., Day T. N., Minshew N. J. Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms. *Autism Research*, 2014, № 7, p. 344–354.

Myounghoon J. (ed.). *Emotions and Affect in Human Factors and Human-Computer Interaction*. Academic Press, 2017.

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated. *Child Development*, 2009, vol. 80, № 2, p. 519–527.

Osborne L. A., McHugh L., Saunders J., Reed P. Parenting stress reduces the effectiveness of early teaching interventions for autistic spectrum disorders. *J. Autism Dev. Disord.*, 2008, № 38, p. 1092–1103.

Ostfeld-Etzion S., Hirschler-Guttenberg Y., Laor N., Golan O. Self-regulated compliance in preschoolers with autism spectrum disorder: The role of temperament and parental disciplinary style. *Autism*, 2015a, № 20, p. 868–878.

Ostfeld-Etzion, S., Golan, O., Hirschler-Guttenberg, Y., Zagoory-Sharon O., Feldman R. Neuroendocrine and behavioral response to social rupture and repair in preschoolers with autism spectrum disorders interacting with mother and father. *Mol. Autism*, 2015b, № 6, p. 11–24.

Ozturk Y., Bizzego A., Esposito G., Furlanello C., Venuti, P. Physiological and self-report responses of parents of children with autism spectrum disorder to children crying. *Research in Developmental Disabilities*, 2018, № 73, p. 31–39.

Pastor-Cerezuela G., Fernandez-Andrés I., Tarraga-Minguez R., Navarro-Peña J. M. Parental Stress and ASD. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*, 2016, vol. 31, № 4, p. 300–311.

Piana H., Fortin C., Noulhiane M., Golse B., Robel L. Investigation of the behavioral phenotype of parents of autistic children through the new FAQ self-report. *L'Encéphale*, 2007, № 33, p. 285–292.

Piven J., Palmer P., Jacobi D., Childress D., Arndt S. Broader autism phenotype: evidence from a family history study of multiple-incidence autism families. *Am. J. Psychiatry*, 1997a, № 154, p. 185–190.

Piven J., Palmer P., Landa R., Santangelo S., Jacobi D., Childress D. Personality and language characteristics in parents from multiple-incidence autism families. *Am. J. Med. Genet.*, 1997b, № 74, p. 98–111.

Pisula E. Parenting Stress in Mothers and Fathers of Children with Autism Spectrum Disorders. In: *A Comprehensive Book on Autism Spectrum Disorders*. Mohammadi M.-R. (ed.) Croatia, 2011, p. 87–106.

Pottie C., Ingram K. Daily stress, coping, and wellbeing in parents of children with autism: a multilevel modeling approach. *J. Fam. Psychol.*, 2008, № 22, p. 855–864.

Rogers S., Ozonoff S., Maslin-Cole C. A comparative study of young children with autism or other psychiatric disorders, *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry*, 1991, № 30, p. 483–488.

Rozga A., Hesse E., Main M., Duschinsky R., Beckwith L., Sigman M. A short-term longitudinal study of correlates and sequelae of attachment security in autism. *Attach. Hum. Dev.*, 2018, № 20, p. 160–180.

Rutgers A. H., Bakermans-Kranenburg M. J., van Ijzendoorn M. H., van Berckelaer-Onnes I. A. Autism and attachment: a meta-analytic review. *J. Child. Psychol. Psychiatry*, 2004, № 45, p. 1123–1134.

Rutter M. Diagnosis and definition. In: Rutter M, Schopler E (eds). *Autism: a reappraisal of concepts and treatment*. New York, Plenum Press, 1978, p. 1–25.

Sasson, N. J., Lam, K. S., Parlier, M., Daniels J. L., Piven J. Autism and the broad autism phenotype: familial patterns and intergenerational transmission. *J. Neurodevel. Disord.*, 2013, № 5, p. 11–18.

Saxbe D. E., Ostfeld-Etzion S., Golan O., Hirschler-Guttenberg Y., Zagoory-Sharon O., Feldman R. HPA axis linkage in parent – child dyads: effects of parent sex, autism spectrum diagnosis, and dyadic relationship behavior. *Dev. Psychobiol.*, 2017, vol. 59, № 6, p. 776–786.

Sigman M., Ungerer J. Attachment behaviors in autistic children. *J. Autism Dev. Disord.*, 1984, № 14, p. 231–244.

Schopler E., Reichler R. Parents as co-therapists in the treatment of psychotic children. *J. Autism. Child. Schizophr.*, 1971, № 1, p. 87–102.

Sigman M., Ungerer J. Attachment behaviors in autistic children. *J. Autism Dev. Disord.*, 1984, № 14, p. 231–244.

Siller M., Sigman M. Modeling longitudinal change in the language abilities of children with autism: Parent behaviors and child characteristics as predictors of change. *Developmental Psychology*, 2008, № 44, p. 1691–1704.

Shapiro R., Shapiro T., Sherman M., Calamari G., Koch D. Attachment in autism and other developmental disorders. *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry*, 1987, № 26, p. 485–490.

Shaffer A., Obradovic J. Unique contributions of emotion regulation and executive functions in predicting the quality of parent-child interaction behaviors. *J. Fam. Psychol.*, 2017, № 31, p. 150–159.

Shire S., Elder L., Gulsrud A., Kasari C. The association between parental interaction style and children's joint engagement in families with toddlers with autism. *Autism: the international journal of research and practice*, 2013, vol. 18, № 5. DOI 10.1177/1362361313483595

Smith L. E., Greenberg J. S., Seltzer M. M., Hong J. Symptoms and behavior problems of adolescents and adults with autism: effects of mother-child relationship quality, warmth & praise. *Am. J. Ment. Retard.*, 2008, № 113, p. 387–402.

Ting V., Weiss J. Emotion regulation and parent co-regulation in children with autism spectrum disorder. *J. Autism Dev. Disord.*, 2017, № 47, p. 680–689.

Tronick E. Z., Als H., Adamson L., Wise S., Brazelton T. B. The infant's response to entrapment between contradictory messages in face-to-face interaction. *J. Am. Acad. Child. Psychiatry*, 1978, № 17, p. 1–13.

Wan M. W., Green J., Elsabbagh M., Johnson M. M., Charman T., Plummer F. Parent-infant interaction in infant siblings at risk of autism. *Res Dev Disabil*, 2012, № 33, p. 924–32.

Weiss J., Thomson K., Chan L. A Systematic Literature Review of Emotion Regulation Measurement in Individuals With Autism Spectrum Disorder. *Autism Research*, 2014, № 7, p. 629–648.

Wheelwright S., Auyeung B., Allison C., Baron-Cohen S. Defining the broader, medium, and narrow autism phenotype among parents using the autism spectrum quotient (AQ). *Mol. Autism*, 2010, vol. 1, № 1, p. 1–9.

Wing L., Gould J. Severe impairments of social interaction and associated abnormalities in children: epidemiology and classification. *J. Autism Dev. Disord.*, 1979, № 9, p. 11–29.

Yirmiya N., Gamliel I., Pilowsky T., Feldman R., Baron Cohen S., Sigman M. The development of siblings of children with autism at 4 and 14 months: Social engagement, communication, and cognition. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2006, vol. 47, № 5, p. 511–523.

Zwaigenbaum L., Bryson S., Lord C., Rogers S., Carter A., Carver L., Chawarska K., Constantino J., Dawson G., Dobkins K., Fein D., Iverson J., Klin A., Landa R., Messinger D., Ozonoff S., Sigman M., Stone W., Tager-Flusberg H., Yirmiya N. Clinical assessment and management of toddlers with suspected autism spectrum disorder: insights from studies of high-risk infants. *Pediatrics*, 2009, № 123, p. 1383–1391.

Материал поступил в редколлегию 21.09.2019

E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Elena.dorosheva@mail.ru

PARENTAL FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS

The review focuses on describing the specific role of parents in the development of children with autism spectrum disorders (ASD). The main directions of modern research in this field are allocated. Relations of attachment, components of social development in children with ASD and such characteristics of parents

as sensitivity, responsiveness, insightfulness, synchrony are considered. Features of relationships of parents and childrens emotional regulation, parent emotional co-regulation in children as an important factor of child with ASD development are described. Factors of parental stress and its possible impact on the children development have been analyzed. Ideas about the broader phenotype of ASD as a possible cause of some parent features and its impact on children with ASD are given. A conclusion about the promising directions of research in the field under consideration and their practical significance was made.

Keywords: autism spectrum disorders (ASD), parents of children with ASD, attachment, emotional regulation, broader phenotype of ASD.

References

Lavrova, M. A., Lvova, O. A., Tokarskaja, L. V., & Lazauskene, Z. S. (2018). Znachenie detsko-roditel'skogo vzaimodejstvija kak faktora riska atipichnogo razvitija detej s rasstrojstvami autisticheskogo spectra [The importance of child-parental interaction as a risk factor for atypical development of children with autism spectrum disorders]. *Voprosy sovremennoj pediatrii* [Questions of modern pediatrics], 17 (3), 194–199 (in Russ.)

Pervushina, O. N. (2018) Autizm cherez prizmu otnoshenija k neopredelennosti [Authism through a prism of the attitude towards uncertainty]. *Vos'maja mezhdunarodnaja konferencija po kognitivnoj nauke* [The eighth international conference on cognitive science]. Svetlogorsk, 803–805 (in Russ.)

Pervushina, O. N., & Khoroshilov, B. M. (2018). Sovremennye problemy klinicheskoy psihologii i psihologii lichnosti [About the role of self-perception in the cognitive and social functioning of authism]. *Sovremennye problemy klinicheskoy psihologii i psihologii lichnosti. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Modern problems of clinical psychology and psychology of the personality. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Novosibirsk, 104–108 (in Russ.)

Asperger, H. (1944). Die 'aunstisehen Psychopathen' im Kindesalter. *Arch Psychiatr Nervenkr.* 117, 76–136.

Baker, J. K., Fenning, R. M., Crnic, K. A., Baker, B. L., & Blacher, J. (2007). Prediction of Social Skills in 6-Year-Old Children with and without Developmental Delays: Contributions of Early Regulation and Maternal Scaffolding. *Journal Information*, 112, 375–391.

Baker, J. K., Smith, L. E., Greenberg, J. S., Seltzer, M. M., & Taylor, J. L. (2011). Change in maternal criticism and behavior problems in adolescents and adults with autism across a 7-year period. *J Abnorm Psychol.* 120(2), 465–475.

Baker, J. K., Fenning, R. M., Howland, M. A., Baucom B. R., Moffitt J., & Erath S. A. (2015). Brief Report: A Pilot Study of Parent – Child Biobehavioral Synchrony in Autism Spectrum Disorder. *J Autism Dev Disord.* 45, 4140–4146.

Baron-Cohen, S., Wheelwright, S., Skinner, R., Martin, J., & Clubley, E. (2001) The autism-spectrum quotient (AQ): evidence from Asperger syndrome /

high functioning autism, males and females, scientist and mathematicians. *J Autism Dev Disord.* 31, 5–17.

Bettelheim, B. *The empty fortress: infantile autism and the birth of the self.* New York, NY: Free Press; 1967.

Boonen, H., van Esch, L., Lambrechts, G., Maljaars J., Zink I., & Van Leeuwen K. (2015). Mothers' Parenting Behaviors in Families of School-Aged Children with Autism Spectrum Disorder: An Observational and Questionnaire Study. *J Autism Dev Disord.* 45, 3580–3593.

Canon L., & Kenworthy L. *Unstuck and on target: an executive function curriculum to improve flexibility for children with autism spectrum disorders.* Baltimore, MD: Paul H. Brookes Publishing, 2011.

Capps, L., Sigman, M., & Mundy, P. (1994). Attachment security in children with autism. *Dev Psychopathol.* 25, 249–61.

Chan, V. & Weiss, J. (2017). Emotion Regulation and Parent Co-Regulation in Children with Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders.* 47, 680–689.

Cohen, D., Paul, R., & Volkmar, F. (1987). Issues in the classification of pervasive developmental disorders and associated conditions. In: Cohen D., Donnellan A., & Paul R. (eds). *Handbook of autism and pervasive developmental disorders.* New York: Wiley, 221–243.

Crowell, J. A., Keluskar, J., & Gorecki, A. (2019). Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 90, 21–29.

Dabrowska, A., & Pisula, E. (2010) Parenting stress and coping styles in mothers and fathers of pre-school children with autism and Down syndrome. *Journal of Intellectual Disability Research Volume.* 54(3), 266 – 280.

Dolev, S., Oppenheim, D., Koren-Karie, N., & Yirmiy, N. (2014). Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders.* 8, 958–967.

Feeney K., Powers M., Layer-Whelan S., Kromash R., Hughes C., James D., Felton J. (2017). Examining the Impact of Child Externalizing Behaviors on Parental Stress in Families of Children with an Autism Spectrum Disorder (ASD). *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology.* Received from: https://www.researchgate.net/publication/316495337_Examining_the_impact_of_child_externalizing_behaviors_on_parental_stress_in_families_of_children_with_an_Autism_Spectrum_Disorder_ASD (28.11.2019).

Gottman, J., & Katz J. (1989). Effects of marital discord on young children's peer interaction and health. *Dev Psychol.* 25, 373–381.

Greenberg, J. S, Seltzer, M. M., Hong, J., & Orsmond, G. I. (2006). Bidirectional effects of expressed emotion and behavior problems and symptoms in adolescents and adults with autism. *Am J Ment Retard.* 111, 229–249.

Grzadzinski, R., Luyster, R., Spencer, A., & Lord, C. (2012). Attachment in young children with autism spectrum disorders: An examination of separation

and reunion behaviors with both mothers and fathers. *Autism: the international journal of research and practice*. 18 (2). Retrieved from: DOI 10.1177/1362361312467235

Guo, Y., Garfin, D., & Goldberg, W. (2017). Emotion co-regulation in mother-child dyads: a dynamic systems analysis of children with and without autism spectrum disorder. *J Abnorm Child Psychol*. 45, 1369–1383.

Hasegawa, C., Kikuchi, M., Yoshimura, Y., Hiraishi, H., Munesue, T., Nakatani, H., Higashida, H., Asada, M., Oi, M., & Minabe, Y. (2015). Broader autism phenotype in mothers predicts social responsiveness in young children with autism spectrum disorders. *Psychiatry Clin Neurosci*. 69, 136–144.

Harker C. M., Ibañez L. V., Nguyen T. P., Messinger D. S., & Stone W. L. (2017). The effect of parenting style on social smiling in infants at high and low risk for ASD. *J Autism Dev Disord*. 46, 2399–2407.

Haven E., Manangan C., Sparrow J., & Wilson B. (2013). The relation of parent-child interaction qualities to social skills in children with and without autism spectrum disorders. *Autism : the international journal of research and practice*. 18 (3). DOI 10.1177/1362361312470036

Flippin, M., & Watson, L. (2015). Fathers' and mothers' verbal responsiveness and the language skills of young children with autism spectrum disorders. *Am J Speech Lang Pathol*. 24:400–10.

Jahromi, L. B., Meek, S. E., & Ober-Reynolds, S. (2012). Emotion Regulation in the Context of Frustration with High Functioning Autism and Their Typical Peers. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 53, 1250–1258.

Kanner, L. (1943). Autistic disturbances of affective contact. *Nerv Child*. 2: 217–250.

Keenan, B. M., Newman, L. K., Gray, K. M., & Rinehart, N. J. (2016). Parents of children with ASD experience more psychological distress, parenting distress and attachment-related anxiety. *J Autism Dev Disord*. 46, 2979–2991.

Kiel, E. & Kalomiris, A. (2015). Current Themes in Understanding Children's Emotion Regulation as Developing from within the Parent-Child Relationship. *Current opinion in psychology*. 3, 11–16.

Konstantareas, M., & Stewart, K. (2006). Affect regulation and temperament in children with autism spectrum disorder. *J Autism Dev Disord*. 36, 143–154.

Konstantareas, M., Mandel, L., & Homatidis, S. (2008). The language patterns mothers and fathers employ with their autistic boys and girls. *Appl Psycholinguist*. 9, 403–414.

Koren-Karie, N., Oppenheim, D., Dolev, S., & Yirmiya, N. (2009). Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 50(5), 643–650.

Lambrechts, G., Maljaars, J., Boonen, H., van Esch, L., Van Leeuwen, K., & Noens, I. (2015). Parenting Behavior in Mothers of Preschool Children with

ASD: Development of a Self-Report Questionnaire. *Autism Research and Treatment*. Received from: DOI 10.1155/2015/381236

Losh, M., Childress, D., Lam, K., & Piven, J. (2009). Defining key features of the broad autism phenotype. *Am J Med Genet*. 147 (4), 424–433.

Lyons, A.M., Leon, S.C., Roecker Phelps, C.E., & Dunleavy, A. (2010). The impact of child symptom severity on stress among parents of children with an ASD: The moderating role of coping styles. *Journal of Child and Family Studies*, 19(4), 516–524.

Mazefsky, C., Herrington, J., Siegel, M., Scarpa, A., Maddox, B., Scahill, L., & White, S. (2013). The Role of Emotion Regulation in Autism Spectrum Disorder. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 52, 679–688.

Mazefsky, C. A., Borue, X., Day, T. N., & Minshew, N. J. (2014). Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms. *Autism Research*. 7, 344–354.

Myounghoon, J. (ed.). (2017). *Emotions and Affect in Human Factors and Human-Computer Interaction*, Academic Press, 2017.

Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Dolev, S., & Yirmiya, N. (2009) Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated. *Child Development*. 80 (2), 519–527.

Osborne L.A., McHugh L., Saunders J., Reed P. (2008). Parenting stress reduces the effectiveness of early teaching interventions for autistic spectrum disorders. *J Autism Dev Disord*. 38, 1092–1103.

Ostfeld-Etzion, S., Hirschler-Guttenberg, Y., Laor, N., & Golan, O. (2015a). Self-regulated compliance in preschoolers with autism spectrum disorder: The role of temperament and parental disciplinary style. *Autism*. 20, 868–878.

Ostfeld-Etzion, S., Golan, O., Hirschler-Guttenberg, Y., Zagoory-Sharon O., & Feldman R. (2015b). Neuroendocrine and behavioral response to social rupture and repair in preschoolers with autism spectrum disorders interacting with mother and father. *Mol Autism*. 6, 11–24.

Ozturk Y., Bizzego A., Esposito G., Furlanello C., & Venuti, P. (2018). Physiological and self-report responses of parents of children with autism spectrum disorder to children crying. *Research in Developmental Disabilities*. 73, 31–39.

Pastor-Cerezuela, G., Fernandez-Andrés, I., Tarraga-Minguez, R., & Navarro-Peña, J. M. (2016). Parental Stress and ASD. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*. 31 (4), 300–311.

Piana, H., Fortin, C., Noulhiane, M., Golse, B., & Robel, L. (2007). Investigation of the behavioral phenotype of parents of autistic children through the new FAQ self-report. *L'Encéphale*. 33, 285–292.

Pisula, E. (2011). Parenting Stress in Mothers and Fathers of Children with Autism Spectrum Disorders. *A Comprehensive Book on Autism Spectrum Disorders*. Mohammadi M.-R. (ed.) Croatia, 2011. P. 87-106.

Piven, J., Palmer, P., Jacobi, D., Childress, D., & Arndt, S. (1997a). Broader autism phenotype: evidence from a family history study of multiple-incidence autism families. *Am J Psychiatry*. 154, 185–190.

Piven, J., Palmer, P., Landa, R., Santangelo, S., Jacobi, D., & Childress, D. (1997b). Personality and language characteristics in parents from multiple-incidence autism families. *Am J Med Genet.* 74, 98–111.

Pottie C., & Ingram K. (2008). Daily stress, coping, and wellbeing in parents of children with autism: a multilevel modeling approach. *J Fam Psychol*. 22, 855–864.

Rogers, S., Ozonoff, S., & Maslin-Cole, C. (1991) A comparative study of young children with autism or other psychiatric disorders. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 30: 483–488.

Rozga, A, Hesse, E., Main M., Duschinsky, R., Beckwith, L., & Sigman, M. (2018). A short-term longitudinal study of correlates and sequelae of attachment security in autism. *Attach Hum Dev*. 20, 160–180.

Rutter, M. (1978) Diagnosis and definition. In: Rutter M, Schopler E, editors. *Autism: a reappraisal of concepts and treatment*. New York: Plenum Press; 1978. p. 1–25.

Rutgers, A. H., Bakermans-Kranenburg, M. J., van Ijzendoorn, M. H., & van Berckelaer-Onnes, I. A. (2004). Autism and attachment: a meta-analytic review. *J Child Psychol Psychiatry*. 45, 1123–1134.

Sasson, N. J., Lam, K. S., Parlier, M., Daniels, J. L., & Piven, J. (2013) Autism and the broad autism phenotype: familial patterns and intergenerational transmission. *J Neurodevelop Disord*. 5, 11–18.

Saxbe D. E., Ostfeld-Etzion, S., Golan, O., Hirschler-Guttenberg, Y., Za-goory-Sharon O., & Feldman R. (2017). HPA axis linkage in parent – child dyads: effects of parent sex, autism spectrum diagnosis, and dyadic relationship behavior. *Dev Psychobiol*. 59 (6), 776–786.

Sigman, M., & Ungerer, J. (1984). Attachment behaviors in autistic children. *J Autism Dev Disord* 14, 231–244.

Schopler, E., & Reichler, R. (1971). Parents as co-therapists in the treatment of psychotic children. *J Autism Child Schizophr*. 1, 87–102.

Sigman, M, & Ungerer, J. (1984). Attachment behaviors in autistic children. *J Autism Dev Disord* 1984;14, 231–44.

Siller, M., & Sigman, M. (2008). Modeling longitudinal change in the language abilities of children with autism: Parent behaviors and child characteristics as predictors of change. *Developmental Psychology*, 44, 1691–1704.

Shapiro, R., Shapiro, T., Sherman, M., Calamari, G., & Koch, D. (1987). Attachment in autism and other developmental disorders. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 26, 485–490.

Shaffer, A., & Obradovic, J. (2017). Unique contributions of emotion regulation and executive functions in predicting the quality of parent-child interaction behaviors. *J Fam Psychol.* 31, 150–159.

Shire, S., Elder, L., Gulsrud, A., & Kasari, C. (2013). The association between parental interaction style and children's joint engagement in families with toddlers with autism. *Autism : the international journal of research and practice.* 18 (5). DOI 10.1177/1362361313483595

Smith L. E., Greenberg J. S., Seltzer M. M., & Hong J. (2008). Symptoms and behavior problems of adolescents and adults with autism: effects of mother-child relationship quality, warmth & praise. *Am J Ment Retard.* 113, 387–402.

Ting, V., & Weiss J. (2017). Emotion regulation and parent co-regulation in children with autism spectrum disorder. *J Autism Dev Disord.* 47, 680–689.

Tronick, E. Z., Als, H., Adamson, L., Wise, S., & Brazelton, T. B. (1978). The infant's response to entrapment between contradictory messages in face-to-face interaction. *J. Am. Acad. Child Psychiatry.* 17, 1–13.

Wan, M. W., Green, J., Elsabbagh, M., Johnson, M. M., Charman, T., & Plummer, F. (2012). Parent-infant interaction in infant siblings at risk of autism. *Res Dev Disabil.* 33, 924–932.

Weiss, J., Thomson, K., & Chan, L. (2014). A Systematic Literature Review of Emotion Regulation Measurement in Individuals With Autism Spectrum Disorder. *Autism Research.* 7, 629–648.

Wing, L., & Gould, J. (1979). Severe impairments of social interaction and associated abnormalities in children: epidemiology and classification. *J Autism Dev Disord.* 9: 11–29.

Weiss, J., Thomson, K., & Chan, L. A. (2014). Systematic Literature Review of Emotion Regulation Measurement in Individuals With Autism Spectrum Disorder. *Autism Research.* 7, 629–648.

Yirmiya, N., Gamliel, I., Pilowsky, T., Feldman, R., Baron Cohen, S., & Sigman, M. (2016). The development of siblings of children with autism at 4 and 14 months: Social engagement, communication, and cognition. *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* 47 (5), 511–523.

Zwaigenbaum, L., Bryson, S., Lord C., Rogers, S., Carter, A., Carver, L., Chawarska, K., Constantino, J., Dawson, G., Dobkins, K., Fein, D., Iverson, J., Klin, A., Landa, R., Messinger, D., Ozonoff, S., Sigman, M., Stone, W., Tager-Flusberg, H., & Yirmiya, N. (2009). Clinical assessment and management of toddlers with suspected autism spectrum disorder: insights from studies of high-risk infants. *Pediatrics.* 123, 1383–1391.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Злобина Марина Владимировна – ассистент кафедры психологии личности Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Земляная Ксения Сергеевна – выпускница Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Кавлакан Екатерина Михайловна – выпускница Учебно-научного центра психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск

Киселёва Оксана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Мезенцева Мария Павловна – старший преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, Новосибирск; соискатель кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета, Томск, Россия

Первушина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, заместитель директора Института медицины и психологии, заведующий кафедрой психологии личности Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Государственного учреждения образования «Университет гражданской защиты МЧС Беларуси», доцент, соискатель кафедры психологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Середович Екатерина Сергеевна – студентка Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (150-250 слов) и ключевые слова на русском языке (до 7), а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

А. В. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
ivanov@fp.nsu.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегию 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Место работы на английском языке (по форме русскоязычного варианта) и адрес электронной почты

Название статьи на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Список литературы на английском языке (References)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы,

например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; Иванов, 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

1. *Смит Н. В.* Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

2. *Стиль человека: психологический анализ* / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.

3. *Ожиганова Г. В.* История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 5–16.

4. *Hearnshaw L. S.* A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.

5. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 x 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 x 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 x 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале «Reflexio» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Требования к англоязычному разделу статьи

Аннотация на английском языке не должна быть переводом-калькой с русскоязычной аннотации. В ней должно быть в краткой форме представлено содержание работы, включая следующие пункты:

- цель работы в сжатой форме;
- основные факты, содержащиеся в тексте (при этом важно придерживаться порядка изложения самой статьи);

- текст должен быть связным;
- в аннотации можно выделять структуры пунктами «Purpose», «Design/methodology/approach», «Findings», «Research limitations/implications», «Originality/value».
- объем аннотации на английском языке должен быть порядка 150 слов.

Правила оформления англоязычного списка литературы (References)

Порядок элементов в библиографической ссылке:

– для книг:

Author A. A. (year). *Nazvanie* [Title of work]. Location: Publisher (in Russ.)
Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для главы из книги:

Author A. A., & Author B. B. (year). *Nazvanie* [Title of chapter or entry]. In A. Editor, B. Editor, & C. Editor (Eds.), *Nazvanie* [Title of book] (pp. xxx-xxx). Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для статей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. (Year). *Nazvanie* [Title of article]. *Title of Journal*, 10(2), 49-53 (in Russ.)

Курсивом выделяются название журнала и номер тома.

Указание языка публикации (in Russ.) приводится только для русскоязычных источников. Для англоязычных источников указание языка (in Eng.) не требуется.

Название статьи, книги, главы дается в транслитерации и переводится на английский язык. Название журнала или сборника статей дается в транслитерации (но не переводится).

Город издания переводится, издательство дается в транслитерации.

Пример:

Badiev I. V. (2013). *Gendernye i vozrastnye osobennosti emotsional'no-volevykh svoystv podrostkov* [Gender and aged-specific peculiarities of emotional and volitional characteristics of adolescents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija*, 7(1), 70-81 (in Russ.).

Для транслитерации названий рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru/> (вариант транслитерации Библиотеки Конгресса (LC)).

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала “Reflexio”: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgar@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.